

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»
(ТГПУ)

На правах рукописи

ПЕРСИДСКАЯ АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

**СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители –
кандидат филологических наук,
доцент Н.В. Полякова

доктор филологических наук, профессор В.В. Быконя
--

Томск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
ГЛАВА 1. Соматическая лексика как объект исследования лингвокультурологии	14
1.1 Подходы к изучению соматической лексики	14
1.1.1 Определение сомони́ма и классификации соматической лексики.....	14
1.1.2 Опыт изучения соматической лексики в разноструктурных языках.....	19
1.1.3 Характерные черты соматической лексики как особой лексико-семантической группы.....	22
1.2 Теоретическая и методологическая основы лингвокультурологического анализа.....	27
1.2.1 Основные понятия лингвокультурологии.....	27
1.2.2 Соматический код в языке и культуре.....	29
1.2.3 Этапы лингвокультурологического анализа соматической лексики.....	32
1.2.4 Символизм тела человека в культурах мира.....	34
1.2.5 Представления о теле человека в селькупской культуре.....	38
Выводы по первой главе.....	39
ГЛАВА 2. Названия, относящиеся к телу в целом	43
2.1 Названия тела.....	43
2.2 Названия кожи.....	48
2.3 Названия крови.....	50
2.4 Названия жира.....	54
2.5 Названия пота.....	55
2.6 Названия, относящиеся к опорно-двигательной системе тела человека в целом.....	56
2.6.1 Названия кости.....	56
2.6.2 Названия скелета.....	58
2.6.3 Названия хряща.....	59
2.6.4 Названия мышц.....	59

2.6.5 Названия сухожилия.....	60
Выводы по второй главе	61
ГЛАВА 3. Названия области головы в селькупском языке.....	65
3.1 Названия головы.....	65
3.2 Названия внешних частей головы.....	71
3.2.1 Названия волос.....	71
3.2.2 Названия темени и затылка.....	76
3.2.3 Названия лица.....	80
3.2.3.1 Названия лба.....	83
3.2.3.2 Названия глаза.....	85
3.2.3.2.1 Названия брови, ресницы и века.....	91
3.2.3.2.2 Названия глазного яблока и зрачка.....	94
3.2.3.3 Названия носа.....	96
3.2.3.4 Названия щеки.....	100
3.2.3.5 Названия уха.....	101
3.2.3.6 Названия рта.....	105
3.2.3.6.1 Названия губы.....	108
3.2.3.6.2 Названия зуба.....	110
3.2.3.6.3 Названия языка.....	112
3.2.3.7 Названия усов и бороды.....	114
3.2.3.8 Названия подбородка.....	116
3.3 Названия внутренних частей головы.....	117
3.3.1 Названия мозга.....	117
3.3.2 Названия костей головы.....	119
3.3.2.1 Названия черепа.....	119
3.3.2.2 Названия затылочной кости.....	119
3.3.2.3 Названия челюсти.....	120
3.3.2.4 Названия скулы.....	120
3.4 Названия жидких выделений области головы.....	121

3.4.1 Названия слезной жидкости.....	121
3.4.2 Названия носовой слизи и слюнной жидкости.....	122
Выводы по третьей главе.....	125
ГЛАВА 4. Названия области шеи и туловища в селькупском языке	130
4.1 Соматическая лексика области шеи.....	130
4.1.1 Названия шеи.....	130
4.1.2 Названия глотки.....	131
4.1.3 Названия выступа гортани.....	134
4.1.4 Названия щитовидной железы.....	134
4.2 Соматическая лексика области грудной клетки.....	135
4.2.1 Названия грудной клетки.....	135
4.2.1.1 Названия ребра.....	136
4.2.1 Названия молочной железы и грудного молока.....	137
4.2.2 Названия сердца.....	139
4.2.3 Названия легких.....	141
4.3 Соматическая лексика области живота и тазового пояса.....	143
4.3.1 Названия живота и желудка.....	143
4.3.2 Названия кишечника.....	148
4.3.3 Названия желчного пузыря и желчи.....	151
4.3.4 Названия печени.....	152
4.3.5 Названия пупа и пуповины.....	153
4.3.6 Названия мочевого пузыря.....	155
4.3.7 Названия мужских репродуктивных органов.....	155
4.3.8 Названия женских репродуктивных органов.....	157
4.4 Названия области спины.....	159
4.4.1 Названия спины.....	159
4.5 Названия продуктов жизнедеятельности организма человека.....	162
4.5.1 Названия кала.....	162
4.5.2 Названия мочи.....	163

Выводы по четвертой главе.....	163
ГЛАВА 5. Названия области верхних и нижних конечностей в селькупском языке	168
5.1 Названия руки.....	168
5.1.1 Названия ладони.....	171
5.1.2 Названия пальцев.....	172
5.1.3 Названия ногтя.....	181
5.2 Названия ноги.....	182
5.2.1 Названия ягодицы, паха и бедра.....	187
5.2.2 Названия стопы.....	188
5.2.2.1 Названия пятки.....	190
5.3 Названия костей верхних конечностей и их соединений	191
5.3.1 Названия ключицы.....	191
5.3.2 Названия лопаток.....	193
5.3.3 Названия плечевой кости.....	194
5.3.4 Названия локтевого сустава.....	194
5.4 Названия костей нижних конечностей и их соединений.....	196
5.4.1 Названия бедренной кости.....	196
5.4.2 Названия коленного сустава.....	196
5.4.2.1 Названия надколенника.....	197
5.4.3 Названия берцовой кости.....	198
5.4.4 Названия лодыжки.....	199
Выводы по пятой главе.....	199
Заключение.....	205
Библиография.....	210
Список сокращений.....	233
Приложение. Список соматической лексики селькупского языка.....	234

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Селькупы представляют собой небольшой по численности народ и являются одним из аборигенных этносов Сибири. В настоящее время данный этнос составляют две группы: северные (тазовские) и южные (нарымские). Северная группа селькупов проживает в Тюменской области и в Красноярском крае по рекам Таз, Турухан и их притокам, в последнее время по реке Пур. Южные селькупы населяют Томскую область. Они живут по Оби и ее притокам: Тыму, Васюгану, Кети, Парабели, Чае [ОчСЯ 1980: 7; Соколова 1970: 145]. Вместе с ненцами, энцами и нганасанами селькупы составляют самодийскую группу. До XIX века самодийская группа была более представительной, она включала камасинцев, маторов, койбалов, котовцев, тайги, которые считаются исчезнувшими этносами, и карагасов (тофаларов), которые стали со временем тюркоязычными [Castrén 1857: 116].

Начиная с первых достоверных данных, представленных в материалах Г. Ф. Миллера (1740 г.) селькупский язык документально фиксировался разделенным на множество диалектов и говоров. На синхронном срезе диалектная раздробленность селькупского языка является неоспоримым фактом. В настоящее время язык селькупов представляет собой конгломерат диалектов и говоров, каждый из которых сохраняет своеобразие и имеет вполне отличимые особенности [Глушков 2013а: 49]. Как отмечает А. П. Дульзон, «то, что мы называем селькупским языком, представляет собой совокупность диалектов и говоров, объединенных общей структурной моделью языка, звуковые элементы которой составляют ряды закономерных соответствий» [Dulson 1971: 43].

Диалектное членение, представленное Е. А. Хелимским, сводится к выделению 6 основных диалектов: 1) северного (р. Таз с Пуром, Карасино, Турухан с Баихой, Елогуй); 2) тымского; 3) нарымского (р. Обь в районе Нарым, р. Васюган, р. Парабель); 4) кетского; 5) обского (р. Обь в районе Колпашева); 6) крайне южного (чулымский, чаинский, верхне-обский) [Хелимский 1988: 24].

В структуре диалектов селькупского языка находят свое отражение особенности, соотносящиеся с различными хронологическими срезами. Одни восходят к уральскому языку-основе, другие свидетельствуют о наличии периода общесамодийского состояния, третьи являются продуктом непродолжительного в истории селькупов праюжного периода в рамках камасинско-селькупской подгруппы, четвертые свидетельствуют о праселькупском состоянии, т.е. о периоде существования предполагаемого единого селькупского языка, пятые соотносимы с инновационными явлениями, проявившими себя уже в период территориальной и языковой разобщенности селькупов [Беккер 1990: 210]. Заметное влияние на селькупский язык оказали и оказывают языки исторически соседствовавших и соседствующих народов: кетов, хантов, русских, тюрков.

Фактор языковой раздробленности обусловил, с одной стороны, неодинаковый состав одних и тех же лексических групп в разных диалектах и говорах и, с другой стороны, наличие нескольких наименований одного и того же явления, предмета окружающей действительности.

Лексика бесписьменного языка, каковым долгое время оставался селькупский язык, обладает большой ценностью как источник историко-этнографических сведений о жизни народа. Быт народа, его социальная организация и мировосприятие отражены особенно ярко в тех лексико-семантических группах слов, которые по своему характеру приближаются к терминологическим [ОчСЯ 1980: 12]. Соматическая лексика селькупского языка представляет собой одну из таких лексико-семантических групп.

Актуальность диссертационной работы обусловлена рядом факторов:

- 1) приоритетностью лингвокультурологической парадигмы в современных лингвистических исследованиях;
- 2) соответствием предпринятого исследования актуальным задачам современной лингвистики, заключающимся в необходимости документации и описания языков, находящихся под угрозой исчезновения;

3) возрастающим интересом к изучению архаичных и устойчивых компонентов лексической системы, раскрывающих особенности материальной и духовной жизни народа.

Степень научной разработанности проблемы. Научный интерес к названиям частей тела обусловлен архаичностью данного пласта лексики, объективирующего мировосприятие народа и его отношение к объектам живой и неживой природы.

Исследования соматической лексики проводятся как на материале отдельных языков: английского [Петрова 2012; Сайфи 2008; Киреева 2010; Подгорная 2016]; русского [Зибров 2009; Попова 2004; Туровская 1996]; немецкого [Мугу 2003]; кабардинского [Кимов 2010; Цримова 2003]; лакского [Магомедова 2007]; марийского [Ипакова 2012]; эрзянского [Кочеваткин 1999]; хантыйского [Рябчикова 2008]; киргизского [Кармышаков 1992], так и на материале нескольких (родственных или неродственных) языков в рамках сравнительно-исторической, контрастивной и сопоставительно-типологической лингвистики [Ракин 1981, 1989, 1990, 1991а, 1991б, 1992, 1995а, 1995б, 1995в, 1995г, 1995д, 1995е, 1996а, 1996б, 1997а, 1997б, 1997в, 1998, 1999а, 1999б, 1999в, 2000а, 2000б, 2000в, 2000г, 2000д, 2000е, 2001, 2002, 2003а, 2003б; Rakin 1990, 1995, 2000; Дыбо 1996; Клопотова 2002; Мугу 2003; Магомедова 2007; Алдиева 2009; Алиева 2010].

Внимание исследователей направлено на изучение структуры, словообразования, семантики соматической лексики [Магомедова 2007; Алдиева 2009; Алиева 2010].

В рамках антропоцентрической парадигмы объектом исследования становятся фразеологизмы с компонентом-сомонимом. Научные изыскания проводятся на материале русского, английского, немецкого, таджикского, татарского, удмуртского, венгерского, аварского, арабского языков [Ардаширова 2011; Вахрушева 2009; Егоров 2010; Магомедова 2009; Подгорная 2016; Попова 2004; Туровская 1996; Петрова 2012; Сакаева 2009].

В рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов сомонимы исследуются как средства объективации различных концептов. Изучение

репрезентации концептов в сфере соматической лексики проводится на материале русского, английского, немецкого, французского, адыгейского, кабардинского языков [Зибров 2009; Кимов 2010; Киреева 2010; Савченко 2010; Мыльникова 2009; Сайфи 2008; Цримова 2003; Чич 2010].

В перечисленных работах прослеживается тенденция постепенного отхода от узко лингвистического описания соматической лексики к учету прагматических факторов и «культурного контекста».

Несмотря на то, что лексический состав селькупского языка неоднократно становился объектом исследования многих лингвистов [Ким 1997; Булгакова 2003; Полякова 2004; Монастырская 2008; Зеремская 2008; Сахарова 2010; Федотова 2010; Байдак 2011; Быконя 2011; Дубровская 2011; Карманова 2013], соматическая лексика селькупского языка до настоящего времени не была подвергнута всестороннему анализу, этому вопросу посвящены отдельные публикации [Жукова 1976; Жарикова 2008].

Цель работы заключается в структурно-семантическом и лингвокультурологическом анализе соматической лексики селькупского языка.

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие исследовательские **задачи**:

- 1) изучить различные подходы к исследованию соматической лексики в современной лингвистике;
- 2) осуществить отбор и систематизацию соматической лексики селькупского языка;
- 3) уточнить периоды формирования соматической лексики селькупского языка;
- 4) описать структурно-семантические особенности соматической лексики селькупского языка;
- 5) определить словообразовательный и функциональный потенциал, степень культурной детерминированности сомонимов селькупского языка.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что она стала первым комплексным исследованием соматической лексики селькупского языка в

рамках лингвокультурологического подхода. Названия частей тела и органов человека селькупского языка были впервые систематизированы, проанализированы и получили лингвистическое и культурологическое описание. Разработан алгоритм комплексного анализа лексических единиц, включающий уточнение периода их формирования, проведение морфологического разбора, исследование словообразовательной активности, выявление внутренней формы, определение способности к семантической деривации, анализ устойчивых словосочетаний с компонентом-сомонимом, изучение фразеологических единиц с компонентом-сомонимом, контекстуальный анализ соматической лексики на материале бытовых текстов и фольклорных произведений, выявление табу и эвфемизмов в сфере соматической лексики, верификации полученных результатов путем их сопоставления с имеющимися этнографическими и культурологическими материалами.

Объектом настоящей диссертационной работы является соматическая лексика селькупского языка.

Предметом исследования выступают внешняя и внутренняя форма, словообразовательный, функциональный потенциал и ассоциативная связь сомонимов селькупского языка, являющихся репрезентантами соматического кода культуры.

Теоретической и методологической базой исследования послужили лингвистические труды по отечественному и зарубежному языкознанию, в том числе посвященные изучению семантики, в частности, работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Т. А. Бердниковой, Р. М. Вайнтрауб, А. Вежбицкой; исследованию языковой картины мира и способов ее передачи с помощью символов и представлений, в частности, работы Ш. Балли, Л. Бенуаса, Г. С. Горчакова, В. Н. Топорова, А. Франкенберга, К. Юнга.

Особое внимание уделялось работам по лингвокультурологии, в частности, исследованиям В. В. Воробьева, В. И. Карасика, В. В. Красных, В. А. Масловой, И. Г. Ольшанского, В. Н. Телия, В. М. Шаклеина.

Источниками материала исследования послужили 66 томов полевых записей, собранные во время научных экспедиций с 1952 по 1985 гг. под руководством лауреата Государственной премии, основателя Томской лингвистической школы профессора А. П. Дульзона и хранящиеся на кафедре языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета. Данные материалы составили базу изданного под редакцией профессора В. В. Быконя «Селькупско-русского диалектного словаря» [СРДС 2005]. Источниками материала для анализа соматической лексики селькупского языка послужили также опубликованные материалы по селькупскому языку в виде словарей: «Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского» [Хелимский 2007], «Селькупский словарь. Кетский диалект» [Алатало 1998]; труды представителей Московской лингвистической школы А. И. Кузнецовой, О. А. Казакевич, Е. А. Хелимского, Е. В. Грушкиной, Л. Ю. Иоффе «Очерки по селькупскому языку: тазовский диалект» [1980, 1993, 2002].

Анализ фонетических вариантов названий частей тела в селькупском языке, относящихся к разным временным срезам, проводился на основе данных зарубежных исследователей: М. А. Кастрена [Castrén, Lehtisalo 1960; Castrén 1855], И. Эрдейи [Erdélyi 1969], К. Доннера [Donner 1932].

Уточнить периоды формирования сомонимов позволили труды этимологической направленности: «Uralisches Etymologisches Wörterbuch. – Uralische und finnisch-ugrische Schicht» [Rédei 1986a, 1987, 1988a; 1988b; 1988c], «Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien)» [Janhunen 1977].

Для проведения сопоставительного анализа соматических единиц привлекались словари других самодийских языков: «Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский» [Костеркина 2001], «Словарь энецко-русский и русско-энецкий» [Сорокина, Болина 2001], «Русско-ненецкий словарь» [Пырерка, Терещенко 1948], «Ненецко-русский словарь» [Хомич 1954].

Источниками культурологических данных послужили работы по селькупской мифологии, фольклорные произведения и работы, посвященные описанию традиционной культуры селькупов [Байдак 2010; Быконя 2007, 2011; Быконя и др.

1996; Гемуев 1984; Доннер 1977; Кастрен 1999; Тучкова 1996, 1999, 2013; Тучкова и др. 2004; Пелих 1972, 1980, 1981, 1992, 1998, Полякова 2004, 2012, 2014, 2015а, 2015б; Прокофьева 1949, 1951, 1961, 1976, 1977; Фильченко и др. 2010; Степанова 2008; Хомич 2002; Castrén 1862; Donner 1926].

Цель и задачи данной работы, специфика фактического материала определили использование ряда исследовательских **методов**, среди которых в качестве основных можно выделить описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, а в качестве дополнительных – метод компонентного анализа и метод лингвистической реконструкции культуры.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что основные положения работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях лексики селькупского и других самодийских, а также финно-угорских языков. Результаты исследования войдут составной частью в сопоставительно-типологические исследования языков Сибири, а также исследования, посвященные изучению соматической лексики в лингвокультурологическом ключе на материале разноструктурных языков, относящихся к различным языковым группам и семьям. Разработанный алгоритм проведения комплексного анализа соматической лексики может быть использован для изучения других лексико-семантических групп с позиции лингвокультурологического подхода.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что положения и выводы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по общему языкознанию, введению в языкознание, лексикологии, сравнительной типологии, лингвокультурологии, теории номинации и селькупскому языку.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Соматическая лексика селькупского языка представляет собой единую совокупность названий с явлениями диалектного своеобразия. В сфере соматической лексики выделяются четыре тематические группы: «названия, относящиеся к телу в целом», «названия области головы», «названия области шеи и туловища», «названия области верхних и нижних конечностей».

2. Количество объектов номинации и номинативных единиц в сфере соматической лексики селькупского языка не совпадает. Большая часть объектов номинации имеет несколько названий, часть сомонимов используется для обозначения нескольких объектов номинации.

3. Соматическая лексика селькупского языка характеризуется высокой степенью исконности и архаичности. Основная часть сомонимов – это слова исконного происхождения, восходящие к уральскому, общесамодийскому периодам развития, а также к периоду существования селькупского как отдельного языка.

4. В структурном отношении сомонимы селькупского языка представлены простыми словами, составными словами с сочинительным и подчинительным способами соединения основ и словосочетаниями.

5. Простые сомонимы составляют основу для возникновения переносных значений, область референции которых охватывает сферу растительного, животного мира, духовной культуры и хозяйственной деятельности селькупов. Метафорическая связь между первичными и переносными значениями названий частей тела превалирует над метонимической.

6. Сомонимы селькупского языка обладают разной степенью культурной детерминированности, обусловленной мировосприятием селькупов и их отношением к объекту номинации.

Апробация результатов исследования. Основные положения данного диссертационного исследования были представлены в форме докладов на 5 всероссийских и 1 международной конференции в г. Томске, обсуждались на заседаниях кафедры перевода и переводоведения ТГПУ. Основные выводы и идеи исследования отражены в 16 публикациях, в том числе в 10 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 статье в журнале, индексируемом зарубежной наукометрической базой данных Scopus.

Объём и структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, включающей 229 наименований, списка сокращений и приложения. Основной текст диссертации излагается на 209 страницах машинописного текста.

ГЛАВА 1. СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В истории науки сомонимы часто становились предметом изучения исследователей разных областей знания: лингвистики, культурологии, антропологии, этнографии, философии. Названия частей тела – древнейший пласт лексики, непосредственно связанный с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающий культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам. Эта лексическая группа относится к основному словарному фонду, который складывается в течение многих тысячелетий и отражает не только представления носителей языка о самих себе и своем организме, но и об окружающем мире. Человек считается центром мироздания, поэтому все языковые общества используют человеческое тело и его части как основу для описания и измерения других вещей и явлений в окружающем мире [Allan 2001: 289]. Изучение соматической лексики может дать представление о мировосприятии и миропонимании носителей того или иного языка.

1.1 Подходы к изучению соматической лексики

1.1.1 Определение сомонима и классификации соматической лексики

Соматическая лексика – одна из универсальных лексических групп в любом языке и один из самых распространенных объектов исследования в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных и лингвокультурологических работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Сомоним – слово, обозначающее какую-либо часть тела (от греч. *soma* ‘тело’ и *онима* ‘имя’) [Ракин 1995а: 5]. Термин «сомоним» может использоваться в качестве обобщающего термина для обозначения всей системы понятий данной сферы [Рябчикова 2008: 19].

Термин «соматический» используется в биологии и медицине в значении ‘связанный с телом человека, телесный’ и противопоставляется термину «психический». В лингвистический обиход данный термин впервые введен в финно-угроведении эстонским языковедом Ф. О. Вакком, который изучал фразеологизмы, включающие названия частей человеческого тела (названные им соматическими). Сомонимы определяются автором как имена существительные с исходным значением ‘часть тела человека или животного’ [Вакк 1964: 23]. Ф. О. Вакк сделал вывод о том, что сомонимы относятся к одному из древнейших пластов фразеологии и составляют наиболее употребляемую часть фразеологизмов эстонского языка.

Л. О. Кармышаков выделяет широкое и узкое понятие термина: под сомонимами понимаются не только названия внешних частей человеческого тела (узкое понимание), но и все слова, которые теснейшим образом связаны с человеком и обозначают жизненно важные элементы материальной субстанции, без которой человек как живой организм не может существовать (широкое понимание) [Кармышаков 1992].

В научной литературе существует несколько классификаций сомонимов, основанных на разных критериях их группирования. Р. М. Вайнтрауб подразделяет сомонимы на две группы: натуральные (*голова, нога, рука*), являющиеся общими для всех языков, и конвенциональные, связанные с мировосприятием каждого народа в отдельности [Вайнтрауб 1980: 51-55].

Л. О. Кармышаков разграничивает сомонимы по фактору функциональной облигаторности. Он выделяет лексические сомонимы (*голова, рука, нос*); слова, которые не называют частей тела человека, но связаны с человеком (*кость, кожа, кровь*); слова, которые нельзя включать в корпус соматики (*слеза, пот*), так как они не несут в себе ту функциональную облигаторность, которая присуща лексическим сомонимам [Кармышаков 1992].

А. Вежбицкая предлагает толкование сомонимов в рамках теории «семантических примитивов». Она предполагает чисто «топографическое» толкование для всех «внешних» частей тела, исключая органы чувств, толкование которых связано с перцептивной функцией. Для названий внутренних органов

принимается смешанное функционально-топографическое толкование [Вежбицкая 2001].

Н. Д. Арутюнова утверждает, что части тела, представляющие собой «неразборное целое», следует рассматривать в качестве функциональных деталей организма (*нога, хвост, палец*). Другие сомонимы представляют собой «топографические единицы» или «пространства» (*талия, подложечка, бок*) [Арутюнова 1969: 41]. А. В. Дыбо поддерживает эту идею и добавляет, что для части терминов, относящихся к «внешним» органам, необходима «функциональная» часть в толковании, так как слова разных языков, одинаково описываемые топографически, могут различаться по облику (или даже наличию/отсутствию) функциональной части толкования [Дыбо 1996].

Ю. Д. Апресян полагает, что в человеке «каждым видом деятельности, каждым видом состояния, каждой реакцией ведает своя система» [Апресян 1995: 58], которая локализуется в определенном органе, выполняющем определенное действие. На основе этого Ю. Д. Апресян выделяет 8 систем, затрагивающих физические, интеллектуальные и речевые виды деятельности человека, например, физическое восприятие (*зрение, вкус, слух*) локализуется в органах восприятия (*глаза, уши, нос*); речь (*сообщать, объявлять*) обслуживается языком [Апресян 1995: 57-59].

Т. А. Бердникова предлагает классификацию, основанную на функциональных признаках сомонимов и на противопоставлениях внешних и внутренних органов. Она выделяет три основные лексико-семантические группы, которые подразделяются на подгруппы: 1) Названия частей человеческого тела: названия корпуса человека, названия головы, названия шеи, названия спины, названия грудной и брюшной полости, названия конечностей, названия кожного покрова; 2) Названия внутренних органов и элементов различных систем организма: названия внутренних органов, названия половых органов, названия продуктов жизнедеятельности и выделений; 3) Названия, составляющие скелет: названия костей и составляющих скелета [Бердникова 2002].

В работах современных лингвистов, изучающих соматические термины [Кочеваткин 1999; Мугу 2003; Ипакова 2012], за основу берется антропоцентрическая классификация, предложенная А. Н. Ракиным [1995а] и включающая 5 групп сомонимов. В рамках такой классификации к сомонимам относят названия частей тела и костей, названия внутренних органов, элементы кровеносной системы, обозначения органов чувств. При этом соматическая лексика подразделяется на следующие тематические группы:

1. Сомонимическая – названия, являющиеся общесистемными, названия головы и ее частей, названия шеи, названия туловища, названия верхних конечностей, названия нижних конечностей;

2. Спланхнонимическая – названия, относящиеся к системе внутренних органов в целом, названия, являющиеся обозначениями пищеварительных органов, названия, являющиеся обозначениями дыхательных органов, названия, являющиеся обозначениями мочеполовых органов;

3. Остеонимическая – названия костной системы человеческого организма в целом; названия костей головы; названия костей шеи; названия костей туловища; названия костей верхних конечностей; названия костей нижних конечностей;

4. Ангионимическая – включает названия, относящиеся к кровеносной системе;

5. Сенсонимическая – названия органов зрения; названия органов слуха; названия органов осязания; названия органов обоняния и органов вкуса [Ракин 1995а: 5; Рябчикова 2008: 19].

Данной классификации в своих исследованиях придерживаются Е. А. Клопотова [2002] и З. С. Рябчикова [2008].

Некоторые авторы расширяют данную классификацию, добавляя тематическую группу, именуемую как «лексика, обозначающая болезни, недуги и другие проявления организма» [Ипакова 2012; Кочеваткин 1999; Мугу 2003].

Исходя из названий данных тематических групп, определяются названия лексических единиц, относящихся к конкретной группе. Спланхноним – слово, обозначающее какой-либо внутренний орган (от греч. *splanchna* ‘внутренность’),

спланхнонимия – совокупность названий, обозначающих внутренние органы. Остеоним – слово, обозначающее какую-либо кость тела человека (от греч. *osteon* ‘кость’); остеонимия – совокупность названий, обозначающих кости тела. Ангионим – слово, обозначающее какой-либо кровеносный сосуд (от греч. *angeion* ‘сосуд’), ангионимия – совокупность названий, обозначающих кровеносную систему. Сенсоним – слово, обозначающее какой-либо орган чувств (от латин. *sensus* ‘чувство’, ‘ощущение’), сенсонимия – совокупность названий, обозначающих органы чувств [Ракин 1995а: 5].

Представленные классификации соматической лексики не позволяют осуществить однозначную систематизацию сомонимов селькупского языка. В настоящем исследовании материал селькупского языка представлен согласно выделенным областям тела человека в тематической группе «сомонимическая лексика». Мы, вслед за некоторыми авторами, объединили некоторые области: шея и туловище [Клопотова 2002; Кочеваткин 1999; Рябчикова 2008], верхние и нижние конечности [Рябчикова 2008]. Таким образом, мы выделяем одну группу названий, относящихся к телу человека в целом, и четыре основных области описания тела человека: область головы, область шеи и туловища, область верхних и нижних конечностей. Поскольку в работах по соматической лексике других авторов существуют разногласия по поводу распределения частей тела и органов по таким группам как «спланхнонимическая лексика», «остеонимическая лексика», «ангионимическая лексика», «сенсонимическая лексика», то в данном диссертационном исследовании данные тематические группы описываются при рассмотрении определенной области тела.

В словарях и текстах селькупского языка зафиксированы названия жидких выделений организма, а также названия такого органа как кожа и ее производных – волос и ногтей, полагаем, что данные составляющие организма имеют важное значение в селькупской культуре, а, следовательно, могут выступать объектом исследования в рамках изучения соматической лексики. Описания данных органов, их производных и жидких выделений приводятся при рассмотрении тех областей тела человека, в которых они расположены, например: волосы – часть головы,

описываются в разделе «Названия области головы»; ногти – часть пальца, который является частью руки, входящей в тематическую группу «Названия области верхних и нижних конечностей».

1.1.2 Опыт изучения соматической лексики в разноструктурных языках

На данный момент накоплен немалый опыт изучения сомонимов. Исследования соматической лексики проводились как на материале отдельных языков, так и на материале нескольких (родственных или неродственных) языков в рамках сравнительно-исторической, контрастивной и сопоставительно-типологической лингвистики. Кроме того, названия частей тела в разных языках вызывали интерес и с точки зрения различных аспектов лингвистической науки: морфологии, словообразования, семантики, фразеологии.

Комплексный анализ систем соматической лексики отдельных языков, включающий структурный и лексико-семантический анализ, представлен в работах А. Н. Ракина «Антропотоминимическая лексика в пермских языках» [1995а], А. М. Кочеваткина «Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: лингвогеографический анализ» [1999], Е. А. Клопотовой «Соматическая лексика енисейских языков в синхронии и диахронии» [2002], З. С. Рябчиковой «Соматическая лексика хантыйского языка» [2007], М. Т. Ипаковой «Соматическая лексика марийского языка» [2012].

А. Н. Ракин представил исследование, посвященное изучению этимологических источников для установления состава и типов этимологизированных анатомических названий пермских языков. Наряду с древними названиями, автор проводит диахронический анализ сомонимов, впервые выделяемых в индивидуально-пермском лексическом фонде. Кроме того, в работе представлен сравнительный анализ анатомической лексики трех литературных пермских языков [Ракин 1995а: 4].

Согласно автору исследования, по характеру обозначаемых понятий анатомические названия пермских языков относятся к двум категориям:

общепонятийные или общесистемные обозначения и конкретно-видовые. Общесистемные названия относятся не к конкретным анатомическим объектам, а к антропотопонимии и ее областям в целом, например: тело, внутренние органы, кость. Вторая категория названий выполняет идентифицирующую функцию и соответствует видовым анатомическим терминам, например: в области головы – голова, лицо; в области шеи и туловища – шея, плечо; в области верхних и нижних конечностей – рука, нога [Ракин 1995а: 11].

А. М. Кочеваткин в своем исследовании проводит денотативный анализ соматической лексики эрзянского языка с целью определения общего состава объектов номинации, для обозначения которых служит весь корпус рассматриваемых лексических единиц. На материале эрзянских словарей автор проводит сравнительный лексикографический анализ анатомической лексики [Кочеваткин 1999].

Анализ системных отношений в соматической лексике диалектов эрзянского языка привел автора к выводу, что системность в исследуемом поле проявляется в различных типах смысловых связей сомонимов – в их синонимии и антонимии. Однако, и синонимические, и антонимические номинации являются соотнесенными на денотативном, а не сигнификативном уровне, отсюда – лексическим выражением этой соотнесенности становятся слова, не являющиеся синонимами и антонимами в литературном эрзянском языке [Кочеваткин 1999: 174]. Автор проводит также анализ особенностей словообразования в сфере соматической лексики эрзянского языка.

В работе Е. А. Клопотовой рассматривается соматическая лексика енисейских языков на синхронном и диахронном уровнях. Автор выделяет 5 уровней в меронимической системе организации названий частей тела в кетском и югском языках [Клопотова 2002: 44]. В своем диссертационном исследовании Е. А. Клопотова определяет, насколько универсальные принципы категоризации области названий частей тела, выявленные на материале различных языков мира, свойственны енисейским названиям частей тела. Кроме того, енисейские сомонимы подвергаются этимологическому анализу, на синхронном уровне описывается

морфологический состав и особенности словообразования названий частей тела в енисейских языках, рассматриваются переносные (метафорические и метонимические) значения сомонимов.

З. С. Рябчикова представила исследование соматической лексики на материале хантыйского языка [2008]. Автор показывает структурно-словообразовательные особенности соматической лексики хантыйского языка, приводит примеры использования сомонимов в составе других тематических групп, определяет роль и место сомонимов в составе фразеологизмов, а также проводит сопоставление соматической лексики хантыйского языка с аналогичной лексикой других финно-угорских языков.

В работе, посвященной исследованию соматической лексики марийского языка, М. Т. Ипакова [2012] проводит лингвистический и сравнительно-лексикографический анализ сомонимов. Автор выявляет структурные и словообразовательные особенности рассматриваемой лексики марийского языка на синхронном уровне, определяет их общий количественный состав.

Проведены сопоставительные исследования на основе разноструктурных языков – русского, английского, немецкого, лезгинского, азербайджанского, лакского, чеченского языков [Алдиева 2009; Алиева 2010; Магомедова 2007; Мугу 2003]. При этом авторы уделяют особое внимание полисемии [Алиева 2010; Мугу 2003] и стилистическим особенностям сомонимов сравниваемых языков [Алдиева 2009; Магомедова 2007].

В связи с формированием новой антропоцентрической парадигмы особое внимание лингвистов уделяется изучению фразеологизмов с компонентом-сомонимом. Исследования выполнены на материале русского, английского, немецкого, таджикского, татарского, удмуртского, венгерского, аварского, арабского языков [Ардаширова 2011; Вахрушева 2009; Егоров 2010; Магомедова 2009; Подгорная 2016; Попова 2004; Туровская 1996; Петрова 2012; Сакаева 2009].

Не менее актуальным направлением исследования лексики является изучение концептов, в том числе и в сфере соматической лексики. Данный аспект рассмотрен в русском, английском, немецком, французском, адыгейском, кабардинском языках

[Зибров 2009; Кимов 2010; Киреева 2010; Савченко 2010; Мыльникова 2009; Сайфи 2008; Цримова 2003; Чич 2010].

Обобщая предыдущий опыт лингвистических исследований соматической лексики в разноструктурных языках, выделяем следующие наиболее значимые аспекты для изучения: этимология, денотативный анализ (синонимия и антонимия), стилистическая принадлежность, полисемия, морфология, систематизация сомонимов (видовая, меронимическая), словообразование, фразеология, средства объективации концептов. Таким образом, исследование наименований частей тела в лингвокультурологическом аспекте является новым подходом в изучении данного лексического материала.

1.1.3 Характерные черты соматической лексики как особой лексико-семантической группы

Диахронный анализ, проведенный в исследованиях, посвященных изучению соматической лексики разных языков, позволил выявить, что большая часть сомонимов относится к исконному пласту лексики. Наиболее древние сомонимы восходят к уральскому языку. Наименования частей тела, восходящие к праязыковому периоду, в структурном отношении представляют собой одночленные лексемы и составляют наиболее многочисленную группу. Новообразования более позднего периода являются большей частью двух- и многокомпонентными структурными единицами [Клопотова 2002: 96; Рябчикова 2008: 145].

Основная масса сомонимов относится к стилистически нейтральной лексике и имеет прямое или переносное значение. Названия с прямым значением непосредственно указывают на соответствующий анатомический объект [Ракин 1995а: 10; Кочеваткин 1999: 72].

Если слово представляет собой неприводную, одночленную структурную единицу, то связь между его значением и обозначаемым денотатом, как правило, не мотивирована и не поддается объяснению: кз. *юр* 'голова', *мус* 'печень' [Ракин 1995а: 10]; эрз. *k'ed'* 'рука', *p'il'eg'e* 'нога' [Кочеваткин 1999: 72].

Если же название является многочленной структурной единицей, то обычно связь между значением названия и обозначаемым признаком понятна и объяснима, например: удм. *берло потэм йыртинь* ‘зуб мудрости’, кп. *бөрья пинь* ‘зуб мудрости’ (букв. ‘зуб, появившийся последним’, ‘последний зуб’) [Ракин 1995а: 10]; эрз. *viška sur* ‘мизинец’ (букв. ‘маленький палец’) [Кочеваткин 1999: 72].

Названия с переносным значением указывают на объект номинации не непосредственно, а опосредовано, путем сопоставления с каким-либо предметом окружающей действительности: удм. *катанчи* ‘диафрагма’, ‘грудобрюшная преграда’, ср. *катанчи* ‘полог’, ‘занавеска’ [Ракин 1995а: 10]; эрз. *uroz'ej, urozb'ej* ‘клык’, ‘зуб, который не может вытеснить молочный зуб’, ср. *uroz* ‘сирота (т.е. зуб, растущий отдельно)’ [Кочеваткин 1999: 113].

Больше всего подобного рода названий встречается в составе обозначений половых органов, причем сравнение может осуществляться как с растительным, так и с животным миром. В основу номинации может быть положено чисто внешнее сходство, размеры, подвижность объектов сравнения, например, птиц и анатомического органа и т.д.: кз. *дыдик* вв. ‘половой орган мальчика’, ср. кз. удм. *дыдык* ‘голубь’ [Ракин 1995а: 10]; эрз. *gul'ka* ‘половой орган у мальчика’, ср. *gul'ka* ‘голубь’ [Кочеваткин 1999: 113]. Сомонимы с переносным значением могут являться эвфемизмами, многие из них выглядят более смягчающими обозначениями, чем их синонимы с прямым значением, ср. кз. *патьяк* ‘женский половой орган’ и *улыс вом нв.* ‘женский половой орган’ (букв. ‘нижний рот’) [Ракин 1995а: 10].

Наряду с исконными названиями часто употребляются заимствования. Большинство заимствований функционируют параллельно с исконными обозначениями. Однако некоторые из заимствований полностью заменили исконные лексемы. Например, в соматической лексике енисейских языков зафиксирован ряд заимствований из тюркских, самодийских, финно-угорских, монгольских и русского языков [Клопотова 2002: 96]. В пермских языках иноязычная лексика представлена в основном названиями русского происхождения: *loratka, kl'и́са* [Кочеваткин 1999: 93].

Количество объектов номинации и номинативных единиц в рассматриваемом лексическом пласте может не совпадать, так как большая часть объектов номинации обладает несколькими обозначениями: эрз. *s'el'm'eava*, *s'el'm'eloman'*, *zračok* 'зрачок'. Кроме того, среди сомонимов встречаются полисемичные обозначения: эрз. *p'ek'e* 'живот', 'желудок', *potmo* 'брюшная полость', 'внутренности' [Кочеваткин 1999: 131]. Многозначность является семантической особенностью соматической лексики. Многие слова используются как для обозначения частей тела человека, так и для наименования частей тела животных, например, ср. долг. *ahы: ти:c* 'коренной зуб (человека)', 'клык (у собаки)' [Демьяненко 1980: 186]; кет. *ʹi* 'кожа (человека)', 'шкура (зверя)' [Клопотова 2002: 86].

Словообразование в группе сомонимов представлено следующими вариантами: суффиксация, словосложение, двухкомпонентные составные слова (обычно второй компонент соотносится с конкретной частью человеческого организма), многокомпонентные составные слова (включают в себя три слова и более, причем ими могут быть различные части речи), сложные слова (граница между составными и сложными словами весьма подвижна), парные слова (слова, образованные из двух грамматически однородных слов) [Ипакова 2012: 16-22; Клопотова 2002: 109-121; Кочеваткин 1999: 174; Рябчикова 2008: 68-70].

Например, производные сомонимы, образованные при помощи суффиксов и полусуффиксов: ен. *pinét* 'подбородок', 'щеки' (< *pin (?) - *-et* < *at 'кость') [Клопотова 2002: 115]; мар. *пulyш* 'плечо', *пылыш* 'ухо', где *-ыш* является суффиксом [Ипакова 2012: 17]; сложные слова, состоящие из двух и более основ: ен. *agdedat* 'челюсть' < *ágde* 'полость' - *²a²t* 'кость') [Клопотова 2002: 120]; мар. *вачылу* 'ключица' < *ваче* 'плечо' - *лу* 'кость' [Ипакова 2012: 19]. В енисейских языках имеются описательные названия частей тела человека: ен. *karax-ék / karaka êkŋ* 'бровь (букв. 'лба волосы')' [Клопотова 2002: 139].

В енисейских языках табуирование некоторых названий животных, играющих исключительно важную роль в охотничьем промысле, культовых представлениях и верованиях, стало результатом появления их описательных названий, основанных на

сомонимах: ен. *immonaŋ bul'iŋsin* 'мелконогие' – название для белок [Клопотова 2002: 141].

Широко применяется метафора в номинации частей тела медведя в хантыйском и енисейских языках, так как это животное считается священным для данных этносов. В «медвежьем языке» охотников данная лексика является табуированной: хант. *pupi-kat'eŋ* 'желудок медведя' (букв. 'сумка для огнива') [Рябчикова 2008: 59]; ен. *haral'git* 'уши медведя' (букв. 'маленькие кедр') [Клопотова 2002: 142].

Кроме того, соматическая лексика хантыйского и енисейских языков представлена и в других лексико-семантических группах, таких как флористическая, зоонимическая, названиях предметов и явлений неживой природы и предметов материальной культуры: хант. *juweweləm* 'сердцевина дерева' (букв. 'мозг дерева'), *pələŋ püški* 'свиристель' (букв. 'ушастый певец') [Рябчикова 2008: 80, 85, 91]; ен. *kastrul'a d'ogden* 'ручки кастрюли' (букв. 'кастрюли уши'), *tal* 'сухожилие', 'нитка' [Клопотова 2002: 127]. Сомонимы хантыйского языка послужили основой для создания фразеологизмов: *oŋ pōnti* 'молиться' (букв. 'голову положить'), *kür-ńol-ti jen* 'на цыпочках' (букв. 'на носу ноги') [Рябчикова 2008: 115, 128].

В хантыйском и пермских языках сомонимы могут приобретать эмоционально-оценочный окрас путем присоединения суффиксов, несущих шутивную, пейоративную или деминутивно-ласкательную коннотации: *još* 'рука' – *jošije* 'ручка' – *jošiki* 'ручища' [Рябчикова 2008: 69]; кз. *böjörök* сс. шутол. 'ягодица', 'ягодицы', *ad* уд. през. 'живот', *ыкы* 'ротик', *чимы* 'глазки' [Ракин 1995а: 11].

От сомонимов образуются имена прилагательные с помощью суффиксов обладания и необладания: хант. *хөн-әң* 'животастый, с большим животом', *пуй-лы* 'без зада (худощавый)' [Рябчикова 2008: 71]. Сомонимы хантыйского языка постоянно сопровождаются посессивными суффиксами, которые используются подобно своеобразному артиклю для обозначения определенности называемого предмета: хант. *сәм-ем кәши* 'сердце-мое болит', *ух-ен кәши* 'голова-твоя болит' [Рябчикова 2008: 74].

В марийском языке словообразовательная структура терминов, обозначающих соматическое состояние, отличается от структуры сомонимов тем, что они образованы от полисемантических глаголов, глагольных форм, а также могут выражаться полным предложением: мар. *мыржанааш* ‘чахнуть’, *пычышта* ‘зудит’, ‘чешется (тело)’ [Ипакова 2012: 21].

С помощью сомонимов люди выражают пространственные и временные понятия, например, в коттском языке название тела *hitag / hitax* ‘тело’ может выступать в роли послелога со значением ‘вне’ [Клопотова 2002: 67]. В эвенкийской картине мира существует антропоцентрическая пространственная ориентация, в которой стороны света в горизонтальной плоскости определяются относительно определенного положения фигуры говорящего. Ориентационная система бурят предполагает применение обязательной координатной сетки, устанавливающей фигуру говорящего в положение, когда за спиной находится север, впереди простирается южная часть горизонта, справа – западная, слева – восточная. При этом правильным считалось любое движение по солнцу, то есть с востока на запад по местности [Бардамова 2011].

Обзор сомонимов в разноструктурных языках свидетельствует о том, что соматическая лексика обладает рядом специфических черт, в число которых входит: древнее происхождение, частотность употребления, многозначность, значительный словообразовательный потенциал, разнообразие морфологических форм. Данные факторы приводят к тому, что лексико-семантическая группа сомонимов является одной из ключевых в любом языке. Сомонимы принадлежат к основному словарному запасу языка и характеризуются большим количеством метафорических и метонимических переносов не только внутри соматической лексики, но и в других лексико-семантических группах, обозначающих объекты как живой, так и неживой природы.

1.2 Теоретическая и методологическая основы лингвокультурологического анализа

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Целью современного лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы.

Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках антропоцентрической научной парадигмы, – это когнитивная лингвистика и лингвокультурология, которая должна быть «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Телия 1995: 64]. Следовательно, лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последние десятилетия. Формирование нового подхода в исследовании языка требует постановки новых задач, новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц, категорий, правил [Маслова 2001: 12].

1.2.1 Основные понятия лингвокультурологии

Лингвокультурология как автономная область лингвистических исследований сложилась в 70-х гг. XX века на основе триады: язык, культура, человеческая личность. Данная область лингвистических исследований представляет лингвокультуру как «линзу», через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса. В своем развитии лингвокультурология прошла путь сначала от общей к собственно лингвистической культурологии, а затем от «нейтральной», «универсальной» к лингвокультурологии отдельной социальной группы, диахронической лингвокультурологии, сравнительной лингвокультурологии, сопоставительной лингвокультурологии и лингвокультурной лексикографии [Воробьев 1996].

За последние годы лингвокультурология как сравнительно новая научная дисциплина прошла стадию становления и благодаря работам таких известных исследователей, как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко, Г. М. Васильева, С. Г. Воркачев, Е. И. Зиновьева, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, В. М. Шаклеин, Н. Д. Арутюнова, В. В. Воробьев стала не только «заметным и популярным» научным направлением, но и своеобразным «интегратором» научных поисков, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры [Юрков 2012].

В связи с тем, что лингвокультурологические исследования активно проводятся многими учеными (А. Вежбицкая, В. Маслова, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев и другие), существует множество определений данного направления лингвистических исследований. Сущность определений сводится к следующему: лингвокультурология имеет отношение как к науке о культуре, так и науке о языке. Она представляет собой некую совокупность знаний о национально-культурной специфике народа и ее отражении в языке [Вэй 2013; Белозерова 2013].

Лингвокультурология, как комплексная наука синтезирующего типа, рассматривает соотношение языка и культуры в их взаимодействии и развитии, нацелена на исследование менталитета, который воплощается в национальном языке [Каштанова 1997], на изучение неродной культуры и языка на фоне культурологического образа мира народа-носителя этой культуры, представленного в форме языковых единиц их национального языка [Прядко 1999]; направлена на познание мыслительной деятельности человека [Телия 1995]; ориентируется на современную систему норм и общечеловеческих ценностей [Воробьев 1996], способствует исследованию языка через призму культуры [Рапопорт 1999].

Обобщенным вариантом задач лингвокультурологии является следующее: изучение и описание языка и культуры в их взаимодействии. Методы лингвокультурологии представляют собой совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Поскольку лингвокультурология является интегративной областью знаний, вбирающей в себя результаты исследования культурологии и языкознания,

этнолингвистики и культурной антропологии, то в данном направлении применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура». В процессе лингвокультурологического анализа методы культурологии и лингвистики используются выборочно [Маслова 2001: 10; Телия 1996: 107; Шаклеин 2012: 138].

В лингвокультурологии используются лингвистические, а также культурологические и социологические методы – фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, методы полевой этнографии (описание, классификация и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры, используемый в школе Н. И. Толстого; материал исследуется как традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, в которой важнейшим источником материала выступают носители языка [Маслова 2001: 17].

1.2.2 Соматический код в языке и культуре

Лингвокультурология как наука, связанная с большим количеством смежных дисциплин, рассматривает широкий спектр разнообразных понятий и явлений. Одним из важнейших понятий является понятие «картины мира», которая определяется как «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик 2004: 88].

Изучение представлений различных народов о строении человеческого организма («телесная антропология») – это одно из ведущих направлений исследования традиционной картины мира. Концептуальные основы мироздания наиболее продуктивно рассматривать сквозь призму культурных кодов. Понятие «код» впервые появилось в научно-технической среде и предполагало построение и дешифровку искусственных языков (код Морзе, генетический код). В теории культуры на первый план выдвигается задача содержания и понимания культурных смыслов, репрезентирующих систему представлений о мире, что помогает перевести мир номинаций в мир смыслов. Иными словами, культурный код помогает осознать

значение тех или иных культурных феноменов. В этом смысле он выступает как тип культурной памяти [Сподина 2014: 79].

Существует большое количество определений культурного кода. Согласно Р. Барту, культурный код – это след прошлого [Барт 1989: 39]. Н. Ф. Алефиренко понимает под ним «систему означивания, то есть сформированную стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов» [Алефиренко 2002: 61]. В культурологическом словаре представлены два определения культурного кода: 1) ключ к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды), позволяющий понять преобразование значения в смысл; 2) совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека [Кравченко 2001]. И. Г. Ольшанский под культурным кодом понимает «совокупность окультуренных представлений о картине мира данного социума (природные объекты, артефакты, явления, действия, события, ментефакты)» [Ольшанский 2000: 38]. Код культуры в широком понимании – «совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которой информация может быть предоставлена (закодирована в виде набора из таких символов) для передачи, обработки, хранения и запоминания» [Кравченко 2001: 241].

Для целей настоящего исследования в качестве рабочего выбрано определение культурного кода, предложенное В. В. Красных: «Код культуры может быть определен как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и кодируют» [Красных 2002: 5].

Коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Они задают и предопределяют метрически-эталонную сферу, участвующую в структурировании и оценке материального мира [Красных 2001: 19]. Их смысл связан с системой символических образов, которые через вербальный /

невербальный план выражения маркируют народный язык, относятся к различным концептуальным мотивационным сферам.

Код культуры – это семиотическая система, в которой концентрируется набор национальной этнокультурной информации. Она кодируется в форме, способной идентифицировать культуру через совокупность вторичных знаков и символов, наделенных такими смыслами, которые присутствуют в любом элементе культуры и могут проявляться в предметах материальной и духовной деятельности человека на уровне семиотического пространства [Савченко 2014: 88].

В перечне известных кодов (соматический, антропоморфный, зооморфный, растительный, предметный, пищевой и др.) соматический по праву занимает лидирующее место потому, что является наиболее древним из существующих. Код культуры определяется по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций. Так, для соматического базовыми образами будут служить названия частей тела человека [Сподина 2014: 79].

Соматическим кодом культуры считают совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках, действиях, пространственных и временных «измерениях» тела в целом или его частей, он является источником осмысления человеком мира [БФСРЯ 2006: 145]. Названия частей тела имеют дополнительные к естественным свойствам названных предметов функционально значимые для культуры значения. Таким образом, соматический код культуры является совокупностью названий для обозначения тела и его частей, свойств человеческого организма и его физического состояния, в том числе действий и видов деятельности.

Соматический код тесно связан со всеми кодами и не имеет четких границ. Важнейшая базовая метафора – это наше представление о собственном теле, именно оно определяет наше восприятие мира и его языковую репрезентацию [Лакофф 2008: 35]. Соматический код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка [Башкатова 2014: 221]. Данный код служит для описания других кодов,

например, антропного, пространственного, временного, предметного: рус. *сердце болит* (страдание); *правая рука* (близкий человек); *голова варит* (умный); укр. *рукой подати* (близко); *п'ятами накивати* (сбежать) [Савченко 2014: 89].

1.2.3 Этапы лингвокультурологического анализа соматической лексики

В связи с тем, что до настоящего времени в лингвокультурологии не разработан алгоритм лингвокультурологического анализа лексико-семантических групп языков миноритарных этносов, не имеющих длительной письменной фиксации, представляется необходимым принять во внимание идеи, предложенные А. И. Леоновой в диссертационном исследовании на тему «Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов» [2003].

В данной работе А. И. Леонова определила признаки лингвокультурологической ценности лексем на примере кулинаронимов. Она утверждает, что лингвокультурологическая ценность кулинаронимов обусловлена соотношением степени интегрированности данных лексем в языковую систему и степени их интегрированности в национальный литературно-поэтический фонд. По мнению А. И. Леоновой, лингвокультурологическая ценность кулинаронимов устанавливается с учетом следующих признаков: степени интегрированности в языковую систему; вхождения в состав пословиц и поговорок; использования в текстах художественной культуры.

К признакам интегрированности кулинаронимов в языковую систему относятся: 1) их языковой возраст; 2) словообразовательная активность; 3) способность к семантической деривации; 4) вхождение в словосочетания; 5) вхождение во фразеологизмы. Признаками интегрированности кулинаронимов в национальный литературно-поэтический фонд являются: 1) частотность употребления в художественных текстах; 2) присутствие/отсутствие ограничений (социальных, региональных и т.д.) в использовании блюда; 3) наличие провербиального признака у кулинаронима [Леонова 2003].

Считаем целесообразным использование данной методики в качестве алгоритма исследования соматической лексики в лингвокультурологическом аспекте. Таким образом, анализ соматической лексики селькупского языка проводится в несколько этапов:

- 1) уточнение периода формирования;
- 2) исследование словообразовательной активности;
- 3) определение способности к семантической деривации;
- 4) анализ устойчивых словосочетаний с компонентом-сомонимом;
- 5) изучение фразеологических единиц с компонентом-сомонимом.

Однако специфика селькупского языка требует внесения корректировок в данный алгоритм. Необходимо добавление морфосинтаксического и компонентного анализа названий с целью выявления их внутренней формы и коннотативных значений, что позволит осуществить комплексный анализ соматической лексики селькупского языка.

В отношении селькупского языка не представляется возможным говорить о литературно-поэтическом фонде, так как селькупский язык относится к младописьменным языкам и его письменная фиксация языка началась относительно недавно. Однако при оценивании лингвокультурологической значимости сомонимов в селькупском языке могут быть привлечены некоторые признаки интегрированности лексических единиц в национальный литературно-поэтический фонд, разработанные А. И. Леоновой, такие как: использование сомонимов в бытовых текстах и фольклорных произведениях и присутствие или отсутствие ограничений в их употреблении.

Не менее важным является исследование материалов по истории и этнографии селькупского этноса, связанных с телом человека и его частями. Данные материалы позволяют верифицировать результаты, полученные при проведении лингвистического анализа сомонимов.

1.2.4 Символизм тела человека в культурах мира

Соматическая лексика становится предметом пристального внимания лингвистов на рубеже XX–XXI вв. в рамках антропоцентрической научной парадигмы, в которой образ человека является отправной точкой. Хотя, безусловно, истоки антропоцентрических исследований можно обнаружить еще в работах В. фон Гумбольдта. Ш. Балли писал: «человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [Балли 1955: 221].

Л. Бенуас утверждает, что человеку свойственно считать внутреннее «я» центром и смотреть на все вокруг как на отражение своего «я» и в связи с этим «считать любой объект зависящим от нас, вдыхать в него жизнь и сознание, приписывать нашу душу всему, что имеет тело» [Бенуас 2004: 16].

Протагор провозглашал человека мерой всех вещей. Эта тенденция по-прежнему поддерживает в действии оригинальный антропоморфизм, остающийся принципом любого языка. Морфология тела человека предоставила первые архетипы идеологии и первые единицы измерения – сажень, локоть, пядь или четверть аршина, дюйм, фут и шаг, которым измеряют также и время, поскольку он подчиняется дыхательному ритму. Первым инструментом человека было его тело и более всего рука, являющаяся моделью его будущих инструментов, «инструментом инструментов», как сказал Аристотель [Бенуас 2004: 17].

По словам В. Н. Топорова, только в условиях взаимодействия человека и природы возможно выживание человека, поэтому необходим обмен между человеком (микрокосмосом) и миром (макрокосмосом), при котором «вселенское» интериоризируется в «человеческое», а «человеческое» «экспериоризируется» во «вселенское» [Топоров 1995: 12]. Части тела выступают как своего рода вещи, образы, их предвосхищающие, локализованные в царстве природы; вещи («первовещи») как бы части тела, их мыслимое развитие до предела, помещенные в царство культуры и сообразно этим новым условиям трансформированные. Поэтому члены тела «вещественны» или, по меньшей мере, «вещеобразны», а сами вещи действуют в пределах того функционального пространства, которое определяется

возможностями человеческого тела в совокупности его частей, выводится из них. Эта «вещеобразность» частей тела и ими определяемая «функциональность» вещей делают возможной операцию двустороннего перехода – представление частей тела в «вещном» коде и вещей – в «квази-телесном» [Топоров 1995: 14].

Человек не только приписывает функции и характеристики тела вещам окружающей действительности, но и, наоборот, считает свое тело «вещью», «инструментом». Эта связь отражалась в культуре в виде ритуалов. Например, ведийский обряд жертвоприношения Первочеловека – Пуруши, из членов тела которого был создан материальный мир, все основные элементы мира, включая и их персонификации (Индра, Агни). «Его рот стал брахманом, его руки сделались ражданья, его бедра – вайшья, из ног родился шудра. Луна из (его) духа рождена, из глаза солнце родилось, из уст – Индра и Агни, из дыханья родился ветер. Из пупа возникло воздушное пространство, из головы развилось небо, из ног – земля, стороны света – из уха (RV V, 90, 11-14)» [Топоров 1995: 13].

Наиболее древним представлением о теле было его сравнение со строением Вселенной. В древнеиндийской Гаруда-пуране написано: «тело состоит из тех же элементов, что и Вселенная ... горы, миры, континенты и океаны, солнце и другие светила – находятся в теле» [Тюлина 1997: 329]. Подобный подход соответствует восточному мировосприятию, в котором человек и многие другие явления представляют «по образу и подобию Космоса» [Елисеев 1989: 54].

Аналогичные идеи существовали и в Европе. Учение о человеке-микрокосмосе можно найти у многих древнегреческих философов: Анаксимена, Пифагора, Гераклита, Эмпедокла, Демокрита, Сократа, Платона и др. [Позов 2008: 17]. Идея микрокосмичности человека сохранилась в западной культуре до сих пор, затронула она и психологию. Так, например, по мнению основателя аналитической психологии, мистика и «визионера» Карла Юнга: «Наша психическая структура повторяет структуру вселенной, и все, что происходит в космосе, повторяет себя в бесконечно малом и единственном пространстве человеческой души» [Юнг 1998: 407].

Итак, с позиции антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что человек видит мир сквозь призму своего сознания, это метафоры и символы, существующие в культурах мира. Символ и метафора образуются от одной основы – образа. Метафора является отражением мысли и чувства человека с помощью знаков, символ определяется экстралингвистическими факторами и отражает культуру [Арутюнова 1990: 71-88; Лакофф 2004]. Таким образом, рассмотрение отсоматических метафор и символов позволяет раскрыть взгляд представителей определенных культур на самих себя и на окружающий мир.

В научной литературе описано символическое разделение тела по горизонтали и по вертикали. Вертикальное положение человека означает его устремленность к небу, с чем связаны его «высокие» помыслы, горизонтальное в человеке – это все земное, тленное.

По культурологическим данным разных народов, в теле человека выделяется три уровня: 1) голова; 2) тело; 3) ноги [Маслова 2001: 132].

В учении о макрокосме (Вселенной) и микрокосме (человеке) отмечалось, что все тела, как материальные, так и духовные имеют три центра. Греки называли их – верхний, средний и нижний, то есть – это небо, земля и преисподняя. В человеческом теле они тоже присутствуют. Однако, в данном случае эта система предстает в необычной последовательности.

Так, высший или духовный центр (небо) находится в середине, между остальными двумя, и в теле человека соответствует сердцу – наиболее духовному и таинственному органу. Тело человека также можно отнести к верхнему миру, так как здесь расположен самый важный жизненный и духовный центр человека – сердце. Сердце есть источник жизни как материальной – содержит кровь, а кровь – это жизнь, так и духовной – олицетворяет «центральную» мудрость, мудрость чувства [Горчаков 2007: 91]. Представление о сердце как высшем, духовном центре находит свое отражение в языках разных народов, например: рус. *золотое сердце*

(говорят о добром, хорошем человеке), *сердце мхом обросло* (говорят о человеке, который стал черствым, бездушным).

Второй по значимости средний центр (земля), связывающий верхний и нижний миры, соответствует человеческому мозгу. Голова наряду с сердцем считается основной частью тела, местом расположения жизненной силы. Означает мудрость (но мудрость рассудочную в отличие от мудрости чувства, которой обладает только сердце), ум, управление и контроль. Следовательно, голова принадлежит среднему, материальному, земному миру. Примеры отражения данного представления в языках: рус. *светлая голова* (говорят об умном, сообразительном, рассудительном человеке), *шалая голова* (говорят о рисковом, безрассудно смелом, отчаянном человеке) [Стоянова 2002: 185].

Третий, нижний мир (преисподняя) соответствует воспроизводительной системе, а так же ногам, но не во всех культурах. Например, у славян-язычников ноги считались принадлежностью демонов, дьявола, нечистой силы: *сам черт ногу сломит* (о захлавленном месте), *отрясти прах со своих ног* (забыть), *земля горит под ногами* (о неуверенном, угрожающем положении). Черти, демоны были хромыми или беспятыми, плохие ноги также у всех мифологических персонажей, которые рождены землей [Маслова 2001: 36]. Однако, в восточных странах стопы являются символом Будды. Омовение стоп, умощение их маслом – важная восточная церемония, несущая глубокое знание об энергетическом значении стоп [Горчаков 2007: 91].

В культурах мира существует также разделение тела человека на две половины горизонтально. При этом, правая рассматривается как светлая и символизирует духовность, а левая рассматривается как темная сторона и символизирует материальность. Правая половина тела считается мужской, а левая – женской, так как в древние времена человек сражался правой рукой и защищал жизненно важные органы левой, в которой был щит, то есть правая половина тела служила для нападения, а левая – для защиты. Некоторые древние народы использовали правую руку для всякой честной работы, левую – только для такой, которая считалась нечистой и недостойной зрения богов. По этой же самой причине

черная магия рассматривалась как путь левой руки, и небеса помещались справа, а ад – слева [Горчаков 2007: 79].

Вышеприведенные примеры о символизме и значении человеческого тела основаны преимущественно на мировоззрении индоевропейских народов. Если же мы обратимся к культуре селькупского этноса, то обнаружим, что в его представлении человеческое тело имеет свою символику, отличную от описанной.

1.2.5 Представления о теле человека в селькупской культуре

Человек и мир в представлении селькупов имеют неразрывную связь, это единое целое. Согласно селькупской мифологии прародительницей человека является мать-земля. Древнейший ее облик – это огромное существо (зверь, птица), на спине которого они живут. Лес – это шерсть (или перья) данного животного. Река, протекающая по данной земле – это кишка, проходящая сквозь тело мифического зверя. Устье реки – это *ak* ‘рот’ данного животного. Ручей истока – это *tal’ž’e* ‘хвост’. Притоки левого берега – это *tibil* ‘ноги’ данного животного. Противоположный берег – это *tokal* ‘спина’. Опытный шаман, камлая, проникает через устье реки внутрь тела матери-земли и бродит там между внутренностями животного проходит мимо сердца – «маленькой железной земельки» и т.д. Со временем мать-земля приобретает антропоморфный облик [Пелих 1998: 9].

Духовное начало в органах человека проявляется в их способности к рождению. Жизнедательным чревом матери-прародительницы помимо ее тела-полости представлялся также целый ряд ее органов и частей тела, способных самостоятельно воспроизводить жизнь: детородный орган, голова, грудь, сердце, печень, легкое, ухо, кости и т.д. Человеческое тело, его части и органы, по аналогии с матерью-предком, осмысляются самостоятельным источником жизни человека: за пределами земного мира они считаются духами, при переходе от инобытия к бытию из них происходит возрождение человека. Тело человека как целое, а также части и отдельные органы составляют основу жизненности человека, его рода и являются формами жизненного начала. Душа человека в представлениях селькупов – это сам

человек, его материальное тело и каждый элемент, составляющий это тело, в отдельности [Степанова 2008: 140].

Структура телесных душ человека эквивалентна структуре чрева матери-предка. Жизненным началом человека (душой) выступают все полости человеческого тела и «жидкие», «вязкие», «текучие» или «ветреные» составы, в них заключенные: женский детородный орган, желудок, живот, все тело как полость-оболочка (кожа), волосы, ногти, череп, скелет и каждая из костей, «мясо»-плоть, сердце, печень, легкие, голова, пуп, отпавшая пуповина, кровь, дыхание, ум (мудрость), слюна, звук и голос (и его «проявления» – слово и песня), глаза и взгляд, ухо и слух, материнское молоко и т.д. [Степанова 2008: 207].

В представлениях селькупов Вселенная (макрокосм) делится по вертикали на три уровня: Верхний, Средний и Нижний миры [Тучкова 2004: 73-81]. Несмотря на это в селькупской культуре нет такого же четкого деления по вертикали тела человека (микрокосма). Части и органы тела человека соотносятся с разными мирами, например: голова – с Верхним миром, так как в ней, по представлениям селькупов обитает одна из жизненно важных душ; сердце является символом соединения Верхнего мира, где зарождается душа, и Среднего мира, где душа существует; женская репродуктивная система соответствует Верхнему миру, символизируя чрево матери-предка.

Этнографические материалы свидетельствуют о культурологической ценности частей тела. Для выявления представлений селькупов о теле человека в целом и его частях необходимо проведение лингвокультурологического анализа соматической лексики.

Выводы по первой главе

1. Существует несколько определений термина «сомоним». В данном диссертационном исследовании в качестве рабочего определения рассматриваемого термина выбрана трактовка Л. О. Кармышакова: «под сомонимами понимаются не только названия внешних частей человеческого тела (узкое понимание), но и все

слова, которые теснейшим образом связаны с человеком и обозначают жизненно важные элементы материальной субстанции, без которой человек как живой организм не может существовать (широкое понимание)» [Кармышаков 1992]. Для обозначения лексико-семантической группы сомонимов нами используется термин «соматическая лексика», введенный в научный оборот при проведении первых исследований в данной сфере и являющийся наиболее употребительным в современных работах. На данный момент не существует единого подхода к классификации соматической лексики. В нашем исследовании за основу берется принцип деления тела человека и его частей на области, представленные в описании сомонимической лексики. При анализе каждой области включаются описания конкретных систем организма (спланхнонимической, ангионимической, остеонимической, сенсонимической). Соматическая лексика селькупского языка распределена по четырем тематическим группам: «названия, относящиеся к телу в целом», «названия области головы», «названия области шеи и туловища», «названия области верхних и нижних конечностей».

2. Обзор проведенных ранее исследований в области наименований частей тела свидетельствует о том, что данный пласт лексики изучался с акцентом на такие аспекты, как этимология, денотативный анализ, стилистическая принадлежность, полисемия, морфология, систематизация сомонимов, словообразование, фразеология, концепты. Лингвокультурологический анализ проводился только на примере отдельных частей тела, фразеологизмов с компонентом-сомонимом или выступал в роли дополнительного при рассмотрении других аспектов. Следовательно, лингвокультурологический анализ ранее не выступал в роли ключевого аспекта изучения соматической лексики как отдельной лексико-семантической группы.

3. Согласно предыдущим исследованиям других авторов, проведенным на примере разноструктурных языков, соматическая лексика обладает такими специфическими характеристиками, как древнее происхождение, частотность употребления, многозначность, значительный словообразовательный потенциал, разнообразие морфологических форм. Данные факторы приводят к тому, что

лексико-семантическая группа сомонимов является одной из ключевых в любом языке. Сомонимы принадлежат к основному словарному запасу языка и служат основой для большого количества метафорических и метонимических переносов значения не только внутри соматической лексики, но и в других лексико-семантических группах, обозначающих объекты как живой, так и неживой природы.

4. Лингвокультурология является комплексной наукой синтезирующего типа. Методы исследования данной области научного знания представляют собой совокупность подходов, применяемых в лингвистике, культурологии и социологии. Для проведения комплексного исследования сомонимов селькупского языка в рамках лингвокультурологического подхода нами разработан алгоритм анализа лексических единиц, который состоит из следующих этапов:

- 1) уточнение периода формирования;
- 2) проведение морфосинтаксического анализа;
- 3) исследование словообразовательной активности;
- 4) выявление внутренней формы;
- 5) определение способности к семантической деривации;
- 6) анализ устойчивых словосочетаний с компонентом-сомонимом;
- 7) изучение фразеологических единиц с компонентом-сомонимом;
- 8) контекстуальный анализ соматической лексики на материале бытовых текстов и фольклорных произведений;
- 9) выявление табу и эвфемизмов в сфере соматической лексики;
- 10) верификации полученных результатов путем сопоставления их с имеющимися этнографическими и культурологическими материалами.

В основу данного алгоритма заложена система критериев для определения ценности лексических единиц в культуре, предложенная А. И. Леоновой [2003].

5. Лингвокультурологический подход в исследовании соматической лексики позволяет рассматривать данный лексический материал как отдельный языковой код, который проявляется в символах и метафорах. Комплексный анализ сомонимов селькупского языка в рамках рассматриваемого подхода позволит выявить

представления селькупов о теле человека, его органах и частях, о структуре мироздания и многих объектах живой и неживой природы.

6. Согласно культурологическим данным, в представлении селькупского этноса земля – это живое существо, части которого соотносятся с частями тела живого организма. Некоторые части тела и органы человека выступают местом локализации души, т.е. с точки зрения представителей селькупского этноса отдельные органы в теле человека обладают жизненной силой и при проведении определенных ритуалов могут стать как причиной смерти человека, так и оживить его.

ГЛАВА 2. НАЗВАНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ТЕЛУ В ЦЕЛОМ

В представлениях коренных народов Севера тело человека сопоставляется с душой. В языках данных этносов одни и те же лексемы используются для обозначения и тела человека, и его души. В языке чукчей название души *увирит* происходит от основы *увик* ‘тело’, ‘туловище’ [Вдовин 1976: 245]. Нанайцы имели представление о душе-теле (*уксуки*) [Иванов 1976: 163-165]. Представители многих коренных малочисленных этносов Сибири считают, что в теле человека обитает несколько душ, которые локализуются в определенных органах. В силу таких «наивных» представлений подобные органы и части тела, рассматриваются как жизненно важные. В данной главе мы рассмотрим селькупские названия частей, органов, тканей и жидких выделений тела человека, которые относятся к телу человека в целом, для выявления жизненно важных с точки зрения селькупской культуры.

2.1 Названия тела

Одним из наиболее распространенных названий тела в селькупском языке является вариант сомонима О. *kab* N. ‘тело без головы’ [Castrén 1960: 42]; кет. *кеpi* ‘туловище’, ‘тело’ [Erdélyi 1969: 90]; об. С *kap, qar*; об. Ч *kab, kabəd, kaβ, qaβ*; об. Ш *qao* ‘тело’; кет. *кеppa* ‘тело’, ‘туловище’; тур. *käpiti, kepiṭi* ‘туловище’ [СРДС 2005: 37]. Как свидетельствует фактический материал, одни и те же лексемы используются для обозначения как тела человека в целом, так и отдельной, но наиболее значимой, его части – туловища. Для данных лексем также зафиксировано метафорическое значение ‘туша (животного)’ и метонимические значения ‘фигура’, ‘бок’ [СРДС 2005: 32, 72].

Сомонимы в фонетических вариантах *qam, kam, qar* встречаются в сложных словах и составных наименованиях тур. *qaməl’ poroqi* ‘рубашка (букв. ‘нательная-одежда’, *-əl’* – суффикс прилагательного)’, ел. *kamipory*; вас. *qaporkə* ‘рубашка

(букв. ‘тело-одежда’), ср. об., кет., вас., ел. *porγ, porγə* ‘шуба’, ‘одежда’; тур. *qamp’i* ‘платок’ (букв. ‘тело-лоскуток’), ср. кет. *pi* ‘лоскуток’.

В синхронии значительное распространение получило название тела об. Ч *kab*, тур. *keṗiti*. Обыденное восприятие лексем выявлено при анализе следующих контекстов: таз. *mat keṗoqäk čentäl’ porqamı l’oqqimāssı* ‘на мое тело надели мокрую одежду’; *imakotap ukkır qur temnişä moqinä näqqilpat keṗōmıntı sārımpılä* ‘мужик тащит старика за веревку, обвязанную вокруг тела’ [Erdélyi 1969: 90]; об. С *sıran qar* ‘туша коровы’ [СРДС 2005: 72].

Особенностью названия *kab* ‘тело’ является его использование, как для обозначения тела, так и крови, ср.: об. С *kar* ‘тело’ – об. Ч *kar, qar* ‘кровь’; об. Ч *kaβ* ‘тело’ – тым. *kaβa* ‘кровь’; тым. *kaṃ* ‘тело’ – об. С *kaṃ* ‘кровь’. Согласно этимологическим данным слово *kaṃ* ‘кровь’ является общим для самодийских языков: **kaṃ* ‘кровь’ – sk. (Pr) *kaṃ* [Janhunen 1977: 65]. Селькупское название тела не совпадает по форме с названиями тела в других самодийских и финно-угорских языках. Полагаем, что данное название сформировалось в более поздний период, когда селькупский язык отделился от других самодийских языков. Материальное совпадение основ названий тела и крови может свидетельствовать о наличии единой лексемы для обозначения, как крови, так и тела. При этом значение ‘тело’ появилось в более поздний период существования языка. Возможно, под лексемой *kab* и ее диалектными вариантами подразумевается объединенная семантика ‘кровь-плоть’.

Обращают на себя внимание исторически сложные слова *keṗiti, kabəd* ‘туша’, ‘туловище’, ‘плоть’, которые состоят из корней *keṗ-iti, kab-əd* ‘тело-еда’, ср. об. Ш *edıgu* ‘есть, кушать’. Следующие глагольные лексеммы включают в свою структуру компонент, материально совпадающий с названием тела/крови: 1) об. Ч *qaptəgu* ‘окровавить’ (букв. ‘тело/кровь-поругать’, ср. *tıgu* ‘поругать’); 2) тур. *qapsurıqo* ‘шаманить’ (букв. ‘тело/кровь-промышлять’, ср.: ел. *surat’iqo* ‘охотиться на мелкого зверя’; кет. *sūrujgu* ‘промышлять’); 3) об. Ч, кет. *qaptəgu*; кет. *qabdıgu* ‘прокоптить’, ‘закоптиться’; 4) об. Ч *qabžeşpıgu* ‘наедаться’, ‘насыщаться’; об. Ч *qabχul* ‘толстый’, ‘упитанный’; об. Ч, кет. *qābərgu*; вас. *qapərəgu* (букв. ‘тело-еда’, ср. об. Ш, Ч, вас. *ərgu* ‘попить’, ‘попировать’); кет. *qappərəgu* ‘потолстеть’, ‘ожиреть’ (букв. ‘тело-

живот’, ср. об. Ш *perəgə* ‘живот’, ‘брюхо’); *qabəralgu* ‘откормить многих’; вас. *kar’ejttigu* ‘откормить’, ‘сделать жирным’; кет. *qəppəžəgu* ‘насытиться’, иначе – ‘насытить плоть’.

Представленный фактический материал свидетельствует о том, что тело без головы (туша, туловище) функционально значимо в духовной культуре селькупского этноса. Производные от наименования тела *kab* ~ *kar* передают ритуальные действия, которые заканчиваются поеданием жертвенной пищи, подвергнутой обработке огнем и дымом. По-видимому, в семантику слова *kab*, *kar* интегрирован смысл ‘кровавое жертвоприношение’. Об этом можно судить, исходя из приведенных примеров: тур. *kepiti* ‘туша’; *keptiqo* ‘убить’, ‘добыть’; ел. *qurijm* ‘мертвец’.

В селькупских диалектах имеются слова со значениями ‘мясо’, ‘тело’, причем наиболее употребительным является первое значение: О. *wač*, *wads*’, Н ‘мясо’, ‘тело’; *watj*, МО.; *wattje*, К.; *wəttje*, *wattje*, NP.; *watjeä*, *wuatjeä*, Tsch.; *watje*, ОО.; *wuetj*, Tas., Kar. ‘мясо’, ‘тело’ [Castrén 1960: 26-27]; кет. *βad*’, *βəd*’, *βətt’a*, *βət’t’i*; тым. *βaž’ep*; об. Ш, Ч, вас., тым. *βaž*’ ‘мясо’, ‘тело’ [СРДС 2005: 22] и О. *muetj*, В. ‘мясо’, ‘тело’ [Castrén 1960: 26-27]; ел. *m’eč*, *meč*; тур. *mäč’i*, *mič’i* ‘мясо’ [СРДС 2005: 125]. Междиалектное чередование *m* ~ *β* повторяется в следующих случаях: тур., ел. *münd* ~ об. Ш *βand* ‘след’, ‘дорога’; ел. *mündə* ~ об. Ш, Ч, тым. *βandə* ‘лицо’; тур. *mürü* ~ об., тым. *βargə* ‘большой’.

Рассматриваемые лексемы реализуются в следующих контекстах: вас. *ambaut βad’em mužəramba* ‘наша мать мясо сварила’; кет. *əgə ədəlžik n’onanə qarərambədi βad’am!* ‘не жди от зайца жирного мяса!’, *qβel’d’imdi ittīt, βəd’am potnar, aβirgu ezun* ‘он котел повесил, я мясо сварил, он есть стал’; тым. *omteš, aureš, βaž’ mužərambında* ‘садись, ешь, мясо сварилось’; об. Ч *βaž’ mužərgu nadə* ‘мясо сварить надо’, *madət qöqit čayərbəl βaž’ ədənd* ‘у дома вяленое мясо висит’, *tab βaž’imdə mulžugu kīga* ‘она его тело помыть хочет’; нар. *Nadeŋ əžilguk: “Puyıl pōm ā abılajχ’e, manan βaž’ ētta”*. ‘Девушка сказала: «Гнилушки есть не будем, у меня мясо есть»’ [Сказки 1996: 45, 115].

Ю. Янхунен связывает происхождение лексемы *βaž'* с общесамодийской праформой *aja 'мясо', 'тело' – sk. (Pr) *węci*, *węci* [Janhunen 1977: 17]. Значение 'тело' сохранилось в глагольной лексике, обозначающей действие, совершаемое телом, или направленное на какую-либо его часть, например: об. Ш, Ч *βažgu*, *βažagu*, об. С *βosku*, кет. *βažigu*, *βassigu* 'встать', 'подняться': об. Ш *mat toboqak βažak* 'я на ноги встал'; об. Ч *βač'č'embugu* 'поднимать': *udap βač'č'embat* 'руку поднимает'; кет. *βad'ikkugu* 'поднимать', 'подниматься': *βad'ikkut ondī sol'd'im*, *manž'akkuḡ innenna riččonnā* 'поднимает шею, смотрит с высоты на бобра'; кет. *βažikkugu* 'поднимать', 'подниматься': *qum assī βažikkun* 'человек не поднимается'; тым. *βat't'igu* 'поднять (голову)'

Значение 'плоть' слова *βaž'* восстанавливается из следующего лексического слоя: об. Ч *βad'el*, *βaž'el* 'мясной', 'из мяса'; тым. *βaž'ebi* 'мясной', 'сырой': *βaž'ebi ro* 'сырая древесина'; вас. *βaž'eugu* 'стать мясным'; об. Ч *βaž'el* 'мясной'; кет. *βet't'ibi*, *βat't'ibi* 'мясной', 'сырой (о мясе, рыбе)'; кет. *βet't'igu*, *βat't'igu* 'быть мясным (зверю, рыбе)'; кет. *βet't'igumgu*, *βat't'igumgu* 'стать мясным (зверю, рыбе)'

В тазовском диалекте название мяса выступает в диалектных вариантах ел. *m'eč*, *meč*; тур. *mič'i*. Как производные от *βaž* 'мясо' имеют значения 'сырой', так и производные от *miči* 'мясо' имеют подобное значение: тур. *mič'ibil* 'сырой', *mič'ipik* 'в сыром виде': *ukot qilip mič'ipin apsoadit* 'раньше они рыбу сырой ели', *mič'iploy* 'сыроватый'. Название ел. *mečte* 'кожа' (*mečte ničkil's'it* 'он кожу разорвал') имеет основу *meč* в силу того, что кожа рассматривается неотделимой частью плоти.

Аналогично лексеме *βaž'*, первоначальным значением лексемы *meč* было 'тело'. Оно сохранилось в глагольной лексике, обозначающей действие, связанное с телом или какой-либо его частью, например: об. С *müz'el'ž'egu* 'выбить (глаз)', об. С *müzulgu* 'вытереть': *üdim müzulgu* 'руки вытереть'; ел. *mič'iqo* 'поднять': *tem inne mič'ist olimda*, *n'uti putimind man'imbi's'it mičend* 'он поднял свою голову, сквозь траву посмотрел на дорогу'; тур. *mäč'iqo*, ел. *meč'iqo* 'поднять', 'взвалить за плечи'; ел. *meč'imbit'ij qote* 'заплечный мешок'; об. С, вас. *mottigu* 'биться (о сердце)'

Слово со значением 'тело', 'мясо' в разных фонетических вариантах *mač-*, *mäči-*, *möz-*, *müž-*, *muz-*, *modz'a-*, *müdz'e-*, *muč'a*, *müt'a-* входит как в сложные слова в

качестве составного компонента: кет. *maččelgu* ‘нарезать’, ‘порезать на куски’; об. С *puđ’om mözelgu* ‘нос вытереть’; об. Ч *mužbatku* ‘забиться (о сердце)’; об. С *müzel’ž’egu* ‘выбить (глаз)’; об. С *müziřmpaġu* ‘топить (жир)’, так и выступает в качестве названий частей тела тур. *mäčä, mäč’a* ‘хвост’; кет. *met’t’a, metča* ‘ягодица’, ‘задняя часть’; об. С, вас. *mot’t’a*, тым. *močča* ‘пятка’.

В селькупских сказках и поверьях *węči* и *mič’i* ‘мясо’ обладает свойствами живого существа: само способно сложиться в котел и вариться, само может прирасти к телу. Если над мясом умершего провести определенные действия, то человек оживет: нар. *na id bažip n’aldänniř tablandiše, ažiř enne baža aġ qumle ažiřmba* ‘этот сын мясо потоптал ногами, отец встал и человеком стал’ [Сказки 1996: 45]. Злые духи питаются мясом умерших людей, однако такое мясо может выполнять функции самого духа. Кроме того, существует идиома со словом *węči*: *tän węčiřmti amkuššak ešimpa* ‘он пришел в бешенство (букв. ‘он как будто мясо съел)’ [Тучкова 2004: 111]. Цвет мяса является признаком, позволяющим отличить живого человека от мертвого.

Как известно, в селькупской культуре, подобно другим культурам малочисленных народов Сибири, считается, что в теле человека обитает несколько жизненных душ. Главной определяющей характеристикой каждой из душ, образы которых копируют производящую их священную материнскую утробу, является сила. Тело человека, наряду с другими элементами сакральной сферы, выступает олицетворением души-силы [Степанова 2008: 171]. Этим объясняются способности плоти к самовозрождению.

В результате лингвистического анализа сомонима об. С *kar* ‘тело’, ‘туловище’ и его диалектных вариантов выявлено, что названия тела с основой *kar* относятся к сфере сакральной лексики и практически не используются в текстах, описывающих обыденные ситуации. В этнографических материалах наиболее часто встречаются сомонины *bad’* и *meč*. Для лексем *bad’* и *meč* восстанавливается единое внутреннее значение ‘плоть’. Контексты, в которых используются данные лексемы, свидетельствуют о том, что тело или его плоть имеют жизненную силу и способны действовать самостоятельно.

2.2 Названия кожи

Названия кожи в селькупском языке представлены лексемами, которые можно условно разделить на три группы: 1) О. *kob*, N.; *kob*, MO.; *koba*, Tsch.; *kobe*, OO.; *korpa(e)*, K., NP.; *kor*, B., Tas.; *kur*, Jel. ‘кожа’; О. *cyk* ‘кожа (на лице)’ [Castrén 1855: 233]; кет. *qorpi* ‘кожа’ [Алатало 1998: 102]; об. Ш, С *kob*, об. С *kob'i*, об. Ш *kobə*, об. С, кет. *qobi*, об., вас. *qobə*, об., тым. *qor*, кет. *qorrə*, тур. *qorı*, ел. *qorig*, кет., вас., ел. *qorə* ‘кожа’ [СРДС 2005: 44]; 2) об. Ш *qunbat* ‘кожа’ [СРДС 2005: 99]; 3) ел. *mečte* ‘кожа’ [СРДС 2005: 138]. Фонетические варианты составляют ряд регулярных соответствий $k \sim q$, $o \sim u$, $b \sim p$ [Dulson 1971: 36]. Представленные сомонимы актуализируются в следующих обыденных контекстах: об. Ш *qobə nälgolēšpa* ‘кожа облезает’; об. Ч *qabə bandōqit puda ek* ‘кожа на лице гладкая’. Сомоним *kob* имеет уральское происхождение и восходит к праформе **kora* ‘кожа’, ‘кора’ – selk. Та. *qór(ə)*, Ке. *qorra*, Ту. *qor* ‘кожа’ [Rédei 1986a: 180].

Названия кожи первой группы лексем с основой *kob* имеют дополнительные значения ‘мех’, ‘пушнина’ [СРДС 2005: 44]: вас. *qobəp petqilgu* ‘шкуру выделывать’, *qobop taqərgu* ‘кожу ободрать’, *ont kβādīt aj surəm koblam pajantjn'e* ‘сам оставил снова пушнину жене-его сшить шубу’; кет. *qoj qorpi* ‘грубая кожа’; об. С *qobəmdə qirgu* ‘шкуру ободрать’, *sətqaj d'el p'ettəkβattə kob'i* ‘два дня мнут кожу’, *kobə t'egu* ‘кожу выделывать’, *na koboyəttə maželkβatt pöllam* ‘из этой кожи выкраивают чирки’; ел. *č'uj qorə* ‘змеиная кожа’, *teker'ij qorə* ‘высохшая кожа’. Значения данных лексем позволяют предположить, что словом *kob* обозначается любая оболочка живого организма. От названия *kob* в значении ‘мех’ образуются производные имена прилагательные об. Ш *kob'itarz'e*, вас., об. Ч *qobəl* ‘меховой’. Посредством добавления к основе *kob* суффикса *-i* образуются прилагательные об. Ш *kobi*, об. С *qob'i*, кет. *qobi* ‘кожаный’.

На основе аналогии функций кожи и коры (дерева) произошло расширение сферы использования сомонима: об. Ш *tijdid kob* ‘кора кедрa’; об. Ч *pit qobə* ‘осиновая кора’ [СРДС 2005: 44]. Тот же признак лежит в основе номинации спичечного коробка: кет. *serangan qorrə* ‘коробка спичек’. Выявленные значения

лексемы *kob* свидетельствуют о том, что, по представлениям селькупов, кожа является внешней оболочкой, которая выполняет функции вместилища.

От сомонима *kob* образованы названия предметов окружающей действительности, связанных с кожей или шкурой животных. Например, компонент *n'ak* в наименовании тым. *qobət n'ak* 'мездра' имеет буквальное значение 'ил'. Производное слово от данной лексемы об. Ш *n'aksuj* 'грязный', 'мутный'. Для составного наименования *qobət n'ak* восстанавливается буквальное значение 'кожи-его грязь'. Название орудия мездрения представлено словосочетанием об. С *qobi qatənti qβes* 'скребок (для снятия мездры)'.

В названиях обуви об. Ш *kobi pöβ* 'чирки'; об. С *qob'i pöt* 'сапоги' второй компонент является самостоятельным словом со значением 'обувь', т.е. буквальное значение словосочетаний – 'кожаная обувь'. Название обуви происходит от названия материала, из которого ее изготавливают. Глаголы с компонентом *kob-* имеют буквальное значение 'убрать кожу', ср. об. Ш, Ч *kobalgu* 'почистить (рыбу, картофель)', 'обтесать, ошкурить (дерево)', об. *qobalgu* 'почистить', 'ошкурить', 'обтесать'.

Согласно древним представлениям селькупов, человек может приобретать свойства животного или птицы через их оболочку (шкуру или кожу), превращаться в соответствующего представителя фауны. Например, в сказках нарымских селькупов кожа превращает человека в птицу: *Tabla qondugu kužal'ešpizat, a pēg'e onž kobomd tē n'agžimbat, azimba qut tarēdik. A pajayind m'embat kobomd, ēžalgβa tabjin: "Na kobip kūnaj əg kadbot, kū katbonžil, mašem aza qonžirženžal"* 'Они спать ложились, а рябчик свою кожу снимал, становился человеком. А жене отдал кожу, сказал ей: «Эту кожу никуда не девай, куда денешь, меня не увидишь» [Сказки 1996: 50]. Иногда превращение может происходить в иное животное, нежели то, шкура которого была использована [Тучкова 2004: 173]. Так как животные и птицы в селькупской культуре считаются первопредками и относятся к миру духов, то данные примеры свидетельствует о том, что кожа может служить средством, позволяющим человеку перейти из мира живых (Средний мир) в мир духов (Верхний или Нижний миры).

Другое обозначение кожи представлено составным наименованием об. Ш *qunβat* 'кожа'. Для него восстанавливается букввальное значение 'человек-тело', ср.: об. С, кет. *qum* 'человек', кет. *βad*, *βət't'i* 'тело'.

Третий вариант названия кожи ел. *mečte* материально совпадает с названием мяса, тела ел. *m'eč*, *meč*; тур. *mäč'i*, *mič'i*. Полагаем, что это значение основано на метонимии по пространственной смежности. Так как кожа непосредственно соединяется с мышцами, то в северных диалектах селькупского языка, возможно окказионально, использовали название мяса для обозначения кожи.

В результате анализа фактического языкового материала выявлено несколько вариантов названий кожи. Наиболее употребительной является первая группа лексем с основой *kob*. Данная лексема относится к уральскому пласту лексики и включает в себе информацию о функции кожи как вместилища. С точки зрения селькупской мифологии кожа выполняет посредническую роль между Средним и Верхним / Нижним мирами. Вторую группу названий кожи представляет составное наименование об. Ш *qunβat* 'кожа' с букввальным значением 'человек-тело', третью группу – лексема ел. *mečte*, которая является дериватом сомонима ел. *m'eč* 'тело', 'плоть'.

2.3 Названия крови

С древних времен в представлениях людей разных культур с кровью отождествлялась душа человека: «душа всякого тела есть кровь его» [Степанова 2008: 10]. Например, по верованиям нганасан, кровь, наряду с другими жизненно важными органами и частями тела, считалась душой человека (*нилымты*), которую дарует высшее женское божество [Грачева 1976: 45]. Лингвокультурологический анализ селькупских названий крови позволит выявить представления носителей данного языка и культуры, связанные с этой частью человеческого организма.

В селькупском языке в разные исторические периоды учеными были зафиксированы названия крови в следующих вариантах: О. *kap*, N.; *kam*, K.; *käm*, Tschl., OO.; *kame*, NP.; *kem*, Jel., B., Tas., Kar. 'кровь' [Castrén 1855: 208]; таз. *ķem*

‘кровь’ [Erdélyi 1969: 89]; кет. *kem* ‘кровь’ [Алатало 1998: 105]; вас. *kaβa, qarə, kapta*; кет. *kəm, qaββə, qam*; об. С *kam, kamə, qam*; об. Ш *kam, kamə, kap*; об. Ч *kap, kapt, kaptə, qar*; тым. *kaβa, qarə, kɨβ*; тур. *kam, kım* ‘кровь’ [СРДС 2005: 35].

Данные лексемы актуализируются в таких контекстах как: вас. *kapta čaž’a* ‘кровь идет’; таз. *kəm kırıntınānı orsä ponnä tantışi* ‘из его раны сильно течет кровь’; тым. *kıβlikat pöllagand al’tēšpat* ‘капельки крови на камни падают’; об. С *katum üdärgu* ‘остановить кровь’; об. Ч *tabə čaž’a, a kap č’abβadešpa* ‘он идёт, а кровь капает’, *taβ fa qut kapt* ‘это кровь хорошего человека’, *qar norβādešpa* ‘кровь течет’. При этом название крови человека используется также для обозначения крови животных, например: вас. *na χurunnat kaptə rōtra* ‘у этого зверя кровь тёплая’.

Слово *kəm* ‘кровь’ является общим для самодийских языков: **kem* ‘кровь’ – sk. (Pr) *kəm* [Janhunen 1977: 65]. Диалектные варианты сомонима *kəm* ‘кровь’ в селькупских диалектах различаются ауслатным консонантным элементом *m ~ p ~ β*. На основании этой фонетической особенности их можно поделить на три группы: 1) об. С, кет. *qam; kəm*; тур. *kım*; 2) об. Ч, вас., тым. *qar, qarə*; 3) вас., тым. *kaβa*; тым. *kɨβ* [Dulson 1971: 38]. Семасиологический аспект исследования позволяет считать их не только фонетическими вариантами, но и лексемами разной культурно-функциональной направленности.

Первая фонетическая группа названий крови представлена лексемами *qam ~ qəm ~ kım ~ kəm* ‘кровь’: ел. *qem qes’imb* ‘кровь течет’; *qemet sös’emb* ‘кровью харкает’. Сомонимы данной группы имеют дериват ел. *qimij* ‘кровяной’ в составе аналитического слова *qimij qunt* ‘кровеносный сосуд’. Лексема *qam* материально совпадает с основами глаголов об. Ч *qamž* ‘разлив’; об., вас., тым. *qamžugu* ‘лить’, ‘поливать’; кет. *qamžimbıgu* ‘литься’, ‘обливаться’; об., тым., вас. *qamžəlgu* ‘полить’, ‘потушить (огонь)’. Из семантики глаголов следует, что слову *qam* присуще значение ‘жидкость’.

Полагаем, что название *qam ~ qem ~ qım* имеет внутреннюю семантику ‘кровь человеческого рода’. Данное предположение подтверждают культурологические данные. Кровь является содержимым красного моря в жаркой огненной стране предков, где живет жизненная старуха *Илынтель коты*. Все ее потомки – люди

«одной крови», одного рода (народа). Горячая кровавая (жизненная) сила каменно-железной утробы священной матери попадает в человека при рождении через пуп [Прокофьева 1977: 79].

Кроме того, именно кровь *qam* заключает в себе смысл, что кровь – это жизнь: «Кровь (кэм) имеет отношение к душе человека. Потеря крови грозит смертью» [Прокофьева 1976: 127]. Жизненным началом человека (душой) выступают все «жидкие», «текучие» составы тела человека, в том числе и кровь [Степанова 2008: 207]. Злые духи могут убить человека, выпив его кровь. Например, дух *ижимба* (иносказательно его называют старик – «кривой карась») выходит из воды ночью и пьет у людей кровь [Пелих 1972: 145]. Селькупы полагают, что кровь обладает воскрешающей силой. Человека можно оживить, вернув ему его кровь: об. Ч, Ш *tab čaža, a kap č'abβadešpa* 'он идет, а кровь капает', *tab qol'č'embat, qombat kaβlikat, n'arg ējadīt* 'она посмотрела, заметила капельки (крови) красные', *tab tarba: "Tab kapt fā qut kapt"*. 'она подумала «Это кровь хорошего человека»', *tab kaβlat udound taqqilbat, udīt t'ir taqqilbat* 'она капли (крови) рукой собрала, полную горсть набрала', *tab tarβimba: "Mat kaβl'ikat m'erχul pōtko ēž'embađīt"* 'она подумала «Я капли (крови) вылью обратно»' [Сказки 1996: 99].

Существует также представление о возможности оживить или вылечить человека с помощью чужой крови. В камланиях, устраиваемых по поводу чьей-то болезни, обычно использовалась кровь оленя: между ноздрями оленя делали разрез и пускали текущую из него кровь на живот больного. В других случаях оленя для этой цели убивали и мазали больного его кровью [Третьяков 1869: 432]. В фольклоре богатырь *Палны*, когда тунгусы тяжело ранили его брата, дает ему выпить своей крови, потом камлает, и брат поправляется [Тучкова 2004: 148, 232]. До сих пор селькупы считают, что «кровью другого человека можно оживить умершего – шаман оживлял» [Степанова 2008: 193]. Кровь убитого животного, особенно медведя и лося, селькупы стараются не пролить на землю, чтобы обеспечить последующее его воскрешение, которое, по-видимому, представляется невозможным без пролитой крови, нарушающей целостность организма.

Лексемы второй группы об. Ш, Ч *kap*, об. Ч *kapтэ*, вас. *kapта*, об. Ч *qар* ‘кровь’ имеют в качестве омонимов об. С, кет. *qар* ‘тело’, ‘туловище’, об. С *qар* ‘туша коровы’, ср. тур. *qerindilaka* ‘туша’. На наш взгляд, есть основания полагать, что *qар* ‘кровь’ является не только омонимом слову *qар* ‘туша’, но и имеет общую с ним внутреннюю форму – «жертвенное животное во время жертвоприношения с кровью» (см. раздел «Названия тела»).

Третья группа лексем кет. *qаββэ*; об. Ч *kaβ*, вас. тым. *kiβ* ‘кровь’ также имеет омоним – об. Ч *kaβ* ‘туловище’. Сомоним *kaβ* ‘кровь’ входит в качестве составного компонента в лексемы об. Ч *kaβešpуги* ‘идти о крови’, кет. *kaβsar* ‘протока’. Имя прилагательное кет. *kiβal* ‘кровяной’, образованное от слова *kiβ* ‘кровь’, входит в составное наименование кет. *kiβal pänge* ‘вена (букв. ‘кровеносный сосуд’)’; кет. *qiβi paŋk*, вас. *qiβel pän* ‘кровеносный сосуд’. Для второго компонента данных составных наименований – *paŋk*, *pänge*, *pän* восстанавливается значение ‘стержень’, ср. общесамодийская праоснова: *pəŋkə ‘(кровеносный) сосуд’ – sk. (D) ТаМ *paŋgсэ id.*, *küiməl paŋgсэ*, КеМ *pəŋg id.* [Janhunen 1977: 113]. Кровеносные сосуды человека считаются образом опасной, смертельной связи с иным миром. Селькупы полагают что, по кровеносным сосудам, как по «дорогам», передвигаются злые *лозы*, причиняющие человеку болезнь [Прокофьева 1976: 123].

Опасной и «нечистой» считается женская менструальная кровь. Она обозначается сомонимом *pili*, который также используется для обозначения кровавой жертвы духам нижнего мира. Селькупы полагают, что женская менструальная кровь устанавливает связь (мост) между миром живых и Нижним миром мертвых и потому она опасна для человека [Прокофьева 1976: 127].

Из описания следует, что названия крови в селькупском языке относятся к самодийскому периоду формирования. Названия с основой *qam* имеют внутреннее значение ‘кровь человеческого рода’. Данное обозначение крови является наиболее наполненным культурными смыслами. При изучении этнографических материалов выявлено, что по представлениям селькупов кровь равносильна душе. Кровь дает жизнь, она способна воскресить, но может стать и причиной смерти. Другой вариант названия крови *qар* имеет внутреннее значение ‘жертвенное животное во время

жертвоприношения с кровью’, в то время как названия с основой *qab* ‘кровь’ имеют нейтральное значение и отражают явления обыденной жизни человека.

Кровеносные сосуды наряду с женской менструальной кровью *pilj* олицетворяют каналы связи с потусторонним миром.

2.4 Названия жира

В селькупском языке в разные исторические периоды были зафиксированы такие диалектные варианты названий жира, как кет. *ür* ‘жир’ [Алатало 1998: 75]; об., тым., вас. *ör*; об.Ч *örrä*; об. С, кет., вас., тур. *ür*; кет. *ürre, üre*; об. Ч, кет., тым. *ir, irä* ‘жир’ [СРДС 2005: 174]. Данные термины относятся к пласту лексики, сформированному в общесамодийский период, что подтверждается этимологическими данными: *jür ‘жир’ – sk. (Pr) *ür* [Janhunen 1977: 50].

Сомоним *ör* и его диалектные варианты в основном используются для обозначения жира животных и рыб: вас. *qbölan ör* ‘рыбий жир’; тур. *tepit ürñ enuatat* ‘они жирные’, *qilj qandibil’ ütqit ürñ eña* ‘рыба в холодной воде жирная’; об. Ч *qoryit ör* ‘медвежий жир’, *qoryit ör xolat t’ir nagur bar ötkaut, naye fa ečka puga* ‘медвежий жир по полной ложке три раза пьем, от этого легкие выздоравливают’, *öry’e madadešpugu nadä* ‘жиром промазывать надо’, *örrä änn’e čannamba abät parond* ‘жир всплыл поверх супа’.

Внутренняя форма лексемы *ör* и ее диалектных вариантов раскрывается через семантику глаголов, в составе которых присутствует компонент, материально совпадающий с названием жира: вас. *örgu*, кет. *iramb’igu* ‘напиться’, ‘пить’, ‘пировать’; об. С *örugu*, об. С, Ч, кет., тым. *irgu, irägu* ‘пить’, ‘пировать’; об. Ч *örp tiralžugu* ‘напоить силой’. Учитывая традиционные обряды селькупов – кормить духов той едой, что едят сами, в том числе жиром [Степанова 2008: 239], и семантику представленных глаголов, полагаем, что лексема *ör* использовалась для обозначения пищи приносимой в жертву богам. Подтверждение находим как в текстах сказок: *Pəj rajani qbəlip qbandikkuzādīt, ürñp qbandikkuzādīt – β’ēs’ Pəj rajani m’ešpizādīt*. ‘Каменной бабе рыбу носили, жир носили, все каменной бабе давали’

[Сказки 1996: 39], так и в этнографических материалах: «У изваяния «хозяйки» одного из озер бассейна Таза лицо и передняя часть тулова черны от пропитавшего их жира, которым «хозяйку» долгие годы «кормили»» [Гемуев 1984: 108].

От сомонима *ör* образованы прилагательные об. Ш *öri*, *örend'i*, об. С, кет. *ür'i* ‘жирный’; об. С *ürs'ē*, *ürsuj* ‘жирный’, ‘сальный’. Другими дериватами лексемы *ör* являются названия об. С *ürč'embədimi* ‘сметана’, тым. *ürəl' qet* ‘кишечный жир’.

Кроме значения ‘жир’, слово *ör* используют также для обозначения масла и сала, например: об. С *müzəmpədi sīran ör* ‘топленое коровье масло’, *āmd n'ajim sīran örs'e* ‘съешь хлеб с маслом’; об. С *süntegə ör* ‘нутряное сало’. Использование одного названия объясняется аналогией качественных характеристик данных объектов и животным происхождением.

Лингвистический анализ названий жира в селькупском языке позволил выявить, что сомоним *ör* ‘жир’ восходит к самодийской основе с аналогичным значением. Данная лексема обладает полисемией (второстепенные значения – ‘масло’, ‘сало’) и используется для обозначения жира животных или рыб.

2.5 Названия пота

Названия пота в селькупском языке представлены следующими диалектными вариантами: кет. *n'eldud'e* ‘пот’ [Алатало 1998: 124]; об. С *n'el'd'*, *n'al'd'edä*, об. Ч *n'el'ž'*, *nel'ž'*, вас. *n'al'd'e*, *n'al'ž'e* ‘пот’ [СРДС 2005: 146]. Представленные сомонимы объединяет компонент *n'al-*, который также можно выделить в глаголах об. *n'alaj*, *n'alal* ‘сырой’. Материальное совпадение компонентов свидетельствует о том, что в семантику названия пота интегрирован смысл «мокрый» как характерный признак данного выделения человеческого организма. Компонент *n'al-* лежит в основе глаголов тым. *n'elžigu*, об. С *n'el'd'z'igu*, об. Ч *n'el'ž'igu*, *nel'ž'igu*, об. Ш, вас. *n'ald'igu*, *n'al'ž'igu* ‘потеть’; об. Ш *n'al'd'imbagu* ‘вспотеть’ (*βandom n'al'd'imba* ‘мое лицо вспотело’); об. Ч *nel'ž'igu* ‘потеть’, *nel'ž'imbugu* ‘вспотеть’ (*tan nel'ž'imand* ‘ты вспотел’).

По мнению О. Б. Степановой, пот, наряду с другими продуктами жизнедеятельности человеческого организма (например: слеза, моча), можно считать образом души. Он может проявлять себя как жизненное начало: давать человеку жизнь и лишать ее [Степанова 2008: 208].

При проведении лингвистического анализа названий пота в селькупском языке выявлено, что в сомоним вас. *n'al'd'e* и его диалектные варианты интегрирован смысл «мокрый», выступающий качественной характеристикой данного проявления организма. Согласно культурологическим данным, пот относится к числу продуктов жизнедеятельности человеческого организма, в которых обитает душа.

2.6 Названия, относящиеся к опорно-двигательной системе тела человека в целом

2.6.1 Названия кости

Названия кости в селькупском языке представлены следующими фонетическими вариантами: О. *li*, N.; *lo*, NP.; *lä*, OO.; *ly*, B., Кар. 'кость' [Castrén 1855: 241]; таз. *le* 'кость' [Erdélyi 1969: 117]; кет. *le*, *l̥j* 'кость' [Алатало 1998: 104]; об., кет., вас., тым. *lj*, *l̥j*, ел. *l̥ē*, кет., ел. *l̥ə*, тур. *l̥illa*, *l̥alla*, вас. *l̥allakka* 'кость' [СРДС 2005: 118]. В селькупском языке встречается два варианта уменьшительно-ласкательной номинации кости об. С *l̥iga*, тым. *l̥ija* 'косточка'.

Лексемы актуализируются такими обыденными контекстами, как вас. *ol'jek qajda l̥ind šul'bak* 'я просто что-то костью подавился'; ел. *ter̥in l̥ə ipel̥imbād̥in mitt̥i qen'm̥ind* 'его кости, как гора'; тым. *mat kanak l̥j kurt̥jssak* 'я собаке кость бросил'; об. С *l̥ilam polgu as keregẽ* 'кости глотать не надо'; об. Ч *mat l̥ip malal̥ēšp̥əγap* 'я кость обгладывал'. Имеется также фразеологизм с компонентом *l̥j* 'кость': кет. *man üttumban̥ l̥ilan̥ize* 'я промок до костей'. Представленные контексты свидетельствуют о том, что селькупы используют одни те же лексемы для обозначения костей человека и животного.

Сомоним об., кет., вас., тым. *lj* ‘кость’ относится к уральскому пласту лексики: *luwe ‘кости’ – selk. Та. *le*, Tur. *lē*, Ке. *lj*, Т. *lj*; kam. *le* ‘кость’, ‘нога’ [Rédei1986b: 254]. Согласно приведенным этимологическим данным лексема *lj* имеет также значение ‘нога’. Так как, с точки зрения селькупов, основная функция ноги – служить опорой (см. раздел «Названия ноги»), полагаем, что в рассматриваемый сомоним заложена аналогичная идея о функции кости – являться опорой.

Для составных вариантов названий кости тур. *ljllaka*, *ləllaka*, вас. *ləllakka* в словарях зафиксированы также значения ‘череп’ и ‘мосол’. В данных названиях второй компонент *-laka* имеет значение ‘округлость’ при учете регулярных чередований *k ~ g* [Dulson 1971: 38], ср. об., кет., тым., вас. *laga*, *laya* ‘нечто круглое’, ‘шарик’; об. Ш, Ч *l’ak*, об. Ч, тым. *l’akka* ‘кольцо’. Восстанавливается буквальное значение рассматриваемых составных наименований – ‘кость-округлость’. Таким образом, лексемы тур. *ljllaka*, *ləllaka*, вас. *ləllakka* передают информацию об особенностях формы обозначаемых ими костей.

Сомоним *lj* ‘кость’ выступает центром словообразовательного гнезда, в которое входят такие слова как: об. Ч *ljg’e*, об. С *ljz’e*, кет. *lij*, *lijl*, *lijl’*, тур. *ljllakal*, *ləllakkal* ‘костлявый’; об. С *ljgadi*, кет. *ləgədəl* ‘бескостный’; кет. *ljgu* ‘окостенеть’. Кроме того, от лексемы *lj* ‘кость’ образованы словосочетания тым. *ljdojol batt* ‘утоптанная тропа’ и об. Ч *ljlol tjisa* ‘костяной тамар’.

В наименовании кладбища прослеживается культурологическая связь костей человеческого тела с миром мертвых. В современных лексикографических источниках зафиксирован термин кет. *lejet* ‘деревня костей’ (кет. *le* ‘кость’, об., кет., вас., тым. *ed* ‘деревня’). Данная лексема встречается исключительно в кетском диалектном ареале, как в слитном, так и в раздельном написании: кет. *lojede*, *loj edj* ‘кладбище’. В словаре Я. Алатало термин помечен как «*volksetymologisch*» (народная этимология) [Alatalo 2004: 393]. Г. И. Пелих отмечает, что словом *lejet* нарымские селькупы называли «собственно селькупские кладбища», имея в виду место для хранения костей [Пелих 1980: 16].

Являясь элементом мира мертвых, кости, однако, не теряют жизненную силу. Согласно фольклорным данным, если кости человека или животного сложить в

нужном порядке, а затем помазать их мазью *нутур* или позволить какому-либо зверю облизать их, то обладатель костей оживет [Тучкова 2004: 189].

В результате анализа названий кости в селькупском языке было выявлено, что сомоним об., кет., вас., тым. *l̥i* ‘кость’ принадлежит к уральскому пласту лексики и в него интегрирована идея о функции кости – служить опорой. Название кости имеет уменьшительно-ласкательную форму, а составные наименования тур. *l̥illaka*, *l̥allaka*, вас. *l̥allakka* используются также для обозначения черепа и заключают в себе информацию об особенностях формы кости (округлая). В представлении селькупов кость является элементом мира мертвых. Человека можно вернуть к жизни, если сохранить все его кости.

Лексема об., кет., вас., тым. *l̥i* ‘кость’ и ее диалектные варианты входят в состав названий костей черепа, туловища, верхних конечностей и плечевого пояса, нижних конечностей и тазового пояса.

2.6.2 Названия скелета

В селькупском языке зафиксированы следующие названия скелета человека: об. С *qunlankot*’, *qunlankots*’, *lankot*’, *qunlankots*’, ел. *l̥ajm̥i* ‘скелет’; об. Ч *l̥ilβad*’, *l̥ilβaž*’ ‘тело (кости)’ [СРДС 2005: 100]. Сомонимы встречаются в таких контекстах, как об. Ч *qul l̥i*, об. С *qun lankot*’ ‘скелет человека’; об. Ч *l̥ilβadem lam*’*iešpad*’ ‘кости ломит’, *l̥ilβaž*’*em χartpad*’ ‘он себя привязал’.

Варианты названий *l̥ajm̥i*, *l̥ilβad*’, *l̥ilβaž*’ представляют собой сложные слова, в составе которых выделяется общий компонент *l̥aj-* ~ *l̥il-* ‘костлявый’. Вторым компонентом сомонима *l̥ajm̥i* является показатель нерасчлененной собирательной множественности *-m̥i* [Беккер 1995а: 57]. В лексемах *l̥ilβad*’, *l̥ilβaž*’ вторым компонентом выступает лексема *-βad*’ ~ *-βaž*’ ‘тело’. Для двух последних названий восстанавливается буквальное значение ‘тело, состоящее из костей’.

Другие составные сомонимы *qunlankot*’, *qunlankots*’, *qunlankots*’ можно интерпретировать как ‘человека-костей-много’, ср. *qun-* < об. С, кет. *qum* ‘человек’ (в сомониме *m* меняется на *n* – показатель притяжательности); *-lan-* < ел. *l̥ē*, кет., ел.

lə ‘кость’ (при учете чередований *a ~ e*; *n* – показатель притяжательности); *-kot’ ~ -kots’* < об. С *kōt’i, kots’e, kots’* ‘много’.

Особый интерес представляют второстепенные значения рассматриваемых сомонимов. Так, для названий об. С *qunlankot’, qunlankots’, lankot’, qunlankots’*, ел. *lajmj* зафиксировано значение ‘труп’, а варианты названий об. Ч *lilβad’, lilβaž’* имеют дополнительное значение ‘тело (себя)’ [СРДС 2005: 119]. Данные значения свидетельствуют о том, что лексемы первой группы обозначают кости, как части тела, а второй – ассоциируются с живым человеком, т.е. они живые, одухотворенные. Вторая группа номинаций обладает «одушевленностью» благодаря компоненту *-βad’, -βaž’*, который, как известно, обладает душой и может проявлять функции отдельного живого организма (см. раздел «Названия тела»).

Таким образом, названия скелета в селькупском языке представлены сложными сомонимами, для которых восстанавливаются буквальные значения *lilβad’, lilβaž’* ‘тело, состоящее из костей’ и *qunlankot’, qunlankots’, qunlankots’* ‘человека-костей-много’. При этом названия об. Ч *lilβad’, lilβaž’* – это кости, которые обладают душой, а сомонимы об. С *qunlankot’, qunlankots’, lankot’, qunlankots’*, ел. *lajmj* обозначают кости, как части тела.

2.6.3 Названия хряща

Для обозначения хряща в селькупском языке используются следующие лексемы: кет. *n’ir* ‘хрящ’ [Алатало 1998: 143]; кет. *n’ir*, об. С *nir*, об. Ш, вас. *n’er*, об. Ч, вас. *n’erre* ‘хрящ’ [СРДС 2005: 149]. Сомоним *nir* относится к уральскому пласту лексики: **ńęrkz* ‘хрящ’ – selk. ТаU *nēr* [Rédei 1986b: 317]. Внутренняя форма лексемы *n’ir* затемнена, данный сомоним не встречается ни в фольклорных, ни в бытовых текстах.

2.6.4 Названия мышц

В селькупском языке встречается один вариант названия мышцы кет. *karoŝ* ‘мускул’, который актуализируется следующим обыденным контекстом кет. *tanan karolža t’aŋkβan* ‘у тебя мускулов нет’ [СРДС 2005: 39]. В этимологических словарях

отсутствуют сведения о происхождении данного наименования. Полагаем, что оно сформировано в период, когда селькупский стал существовать как отдельный язык.

Несмотря на немногочисленность лексем, обозначающих мышцы, селькупы используют отдельные названия для мышцы голени – икроножной мышце. В лингвистических словарях наименования данной мышцы зафиксированы в значении ‘икра ноги’: 1) О. *purož*, N.; *purož*, K.; *purruož*, NP.; *puraž*, Jel., B.; *puražet*, Tas.; *puradet*, Tas.; *puradet*, Kar. [Castrén 1855: 299]; кет. *purrož'i* ‘икра ноги’ [Алатало 1998: 100]; об. С *poroč*, *purožot* ‘икра ноги’ [СРДС 2005: 193]; 2) О. *paktur*, ОО., Tsch. [Castrén 1855: 299].

Согласно этимологическому словарю К. Редей, первая группа лексем с основой *pur-* восходит к уральской праформе **purz* ‘рыбья икра’ – selk. Та. *puradšet*, Ке. *puods*, *püróds*, N *puródš*, *puraldšet* ‘икра ноги’ [Rédei 1987: 407]. Автор словаря уточняет, что компоненты *-adšet*, *-ods* вероятно являются словообразовательными суффиксами. Вторая группа лексем названий икры ноги также относится к уральскому пласту лексики: **poška* ‘бедро’ – selk. Ѓа. ОО *paqtur* ‘икра ноги’ [Rédei 1987: 396].

Наличие специфического окончания *-č ~ -ž* у названий мускул и икроножной мышцы позволяет утверждать, что данные лексем относятся именно к классу номинаций мышц. При этом сибиллянты *-č*, *-ž*, *-š* находятся в условиях регулярных соответствий [Dulson 1971: 40].

Итак, в селькупском языке имеется одно общее название мышц кет. *karoš*, образованное в период существования селькупского как отдельного языка, и два названия икроножной мышцы об. С *poroč* и О. *paktur*, ОО., Tsch, берущие начало от уральской праформы.

2.6.5 Названия сухожилия

Для обозначения сухожилия (жилы) в селькупском языке используются такие лексем, как таз. *tjñi* ‘сухожилие’ [Erdélyi 1969: 269]; кет. *čen* ‘жила’ [Алатало 1998: 96]; об. С *čan*, *čən*, *č'an*, тым. *čat*, кет. *čän*, *č'on*, об. Ч *čjn*, вас. *čət*, *čəttə*, кет. *čön*, об. Ч,

тым. *čət, čjt* ‘жила’, ‘сухожилие’ [СРДС 2005: 278]. В данном ряду фонетических вариантов наблюдаются регулярные чередования $t \sim č, j \sim a \sim ä \sim e \sim ə \sim ě \sim ö, n \sim t$ [Dulson 1971: 37, 39].

Лексема *čen* восходит к уральской праоснове: **sęne (sōne)* ‘вена’, ‘сухожилие’ – selk. Та. *čen*, Ке. *cān, tsān*, N *čət, čet*, Ту. *čət* ‘вена’, ‘сухожилие’ [Rédei 1987: 441]. От лексемы *čan* ‘сухожилие’ образованы прилагательные тым. *čjñl*, об. С *č’ansi*, об. Ч *tjñöl* ‘жилистый’: об. С *č’ansi bat*, об. Ч *baž’ede tjñöl* ‘жилистое мясо’.

К уральской праформе **jänte* со значением ‘сухожилие’ восходит селькупское название тетивы лука – selk. ТаU *čjnte*, ТаМ *t’jnte* ‘сухожилие’, Ке. *kendda, kenddä, kend, kenddэ*, N *čend* ‘тетива лука’ [Rédei 1986a: 92]. Селькупы использовали для охоты луки и самострелы, тетиву для которых изготавливали из сухожилий животных [Хомич 2002: 61, 64]. Данная информация сохранилась в семантике следующих лексем: вас. *č’endjgo* ‘стрелять’, об. Ч *qjndətəl po* ‘лук (оружие)’, об. С *poqər qjñzigu* ‘поставить сеть’, об. Ч *qjñžəbəl poq* ‘натянутая сеть’ [СРДС 2005: 106].

Проведенный анализ лингвистических и культурологических материалов позволил выявить, что сомоним кет. *čen* ‘сухожилие’, ‘жила’ принадлежит к уральскому пласту лексики. От данного названия образованы имена прилагательные, а также имена существительные и глаголы с обобщенной семантикой ‘охота’.

Выводы по второй главе

1. Тематическая группа «названия, относящиеся к телу в целом» включает в себя **15** наименований, представленных рядом диалектных вариантов, количество которых на синхронном уровне составляет **86** единиц.

2. В рассматриваемой тематической группе выявлены лексемы сформированные в разные исторические периоды:

- уральский: об. Ш, С *kob* ‘кожа’; об., кет., вас., тым. *lĭ* ‘кость’; кет. *n’ir* ‘хрящ’; кет. *purrož*, О. *paktur* ОО., Tsch. ‘икра ноги’; об. С *čan* ‘сухожилие’;

- самодийский: об. Ш, Ч, вас., тым. *βaž'* ~ тур. *māč'i* 'мясо', 'тело'; кет. *kət* 'кровь'; об., тым., вас. *ör* 'жир'.

Некоторые сомонимы рассматриваются нами как сформированные в период существования селькупского как отдельного языка, так как данные названия частей тела не имеют аналогов в родственных языках и отражают культурную специфику селькупского этноса: об. С *kap* 'тело'; об. С *n'el'd* 'пот'; кет. *karoš* 'мускул'.

3. Сомонимы рассматриваемой тематической группы в основном являются простыми (непроизводными) словами: об. Ч *kab* 'тело', 'туловище'; об., тым. *qop* 'кожа'; об. Ш, С *kap* 'кровь'.

Имеются также имена существительные, образованные с помощью разных морфем:

- существительное, образованное от прилагательного с помощью суффикса *-mĭ* – ел. *lajmĭ* 'скелет' (букв. ел. *laj* 'костлявый'; суффикс *-mĭ*);

- существительное в уменьшительно-ласкательной форме, образованное с помощью суффикса *-ga/-ja* – об. С *lĭga*, тым. *lĭja* 'косточка'.

Названия, представленные сложными словами, образованы с помощью синтаксического словосложения разного количества компонентов:

- сложное слово, состоящее из двух компонентов: об. Ч *lĭl-βad'* 'тело (кости)' (букв. 'костлявое-тело');

- сложное слово, состоящее из трех компонентов: об. С *qun-lan-kot'* 'скелет' (букв. 'человека-костей-много').

4. Простые сомонимы обладают значительным словообразовательным потенциалом. От них образованы слова, относящиеся к различным частям речи:

имена существительные:

- в сфере соматической лексики: об. Ш *qunβat'* 'кожа' (букв. 'человек-тело');

- в названиях предметов окружающей действительности: вас. *qarorkə* (< *qar-porkə*) 'рубашка (букв. 'тело-одежда)'; тур. *qatp'i* 'платок' (букв. 'тело-лоскуток'); тым. *qobat n'ak* 'мездра' (ср. об. Ш, С *kob* 'кожа');

имена прилагательные: тур. *mĭč'ibĭl* 'сырой' (ср. тур. *mĭč'i* 'мясо'); об. Ч *qobəl* 'меховой' (ср. об. Ш, С *kob* 'кожа'); кет. *qobi* 'кожаный' (ср. об. Ш, С *kob* 'кожа');

глаголы: об., вас., тым. *qamžigu* ‘лить’ (ср. об. С *kat* ‘кровь’); кет. *liǵu* ‘окоستنеть’ (ср. об., кет., вас., тым. *li* ‘кость’).

5. В селькупском языке одни и те же сомонимы используются для обозначения частей тела человека, животных и птиц: об. Ч *kabəd* ‘туша (животного)’, ‘туловище’; об. Ш, С *kob* ‘кожа’, ‘шкура’, ‘мех’.

Сомонимы, входящие в тематическую группу «названия, относящиеся к телу в целом», обладают полисемией и обозначают нескольких частей и органов тела человека. В данном случае речь идет о метафорическом и метонимическом переносе, например: об. Ч *kabəd* ‘тело’, ‘туловище’ (метафора, основанная на местоположении); об. Ч *kabəd* ‘туловище’, ‘плоть’; вас., тым. *βaž* ‘мясо’, ‘тело’ (метонимия, основанная на пространственной смежности); тур. *liǵlaka* ‘кость’, ‘череп’, ‘мосол’ (метонимия, основанная на смежности основных признаков).

Кроме того, соматическая лексика рассматриваемой тематической группы используется для обозначения предметов окружающей действительности. Основой номинации послужили: метафора, основанная на аналогии функций – об. Ш, С *kob* ‘кожа’, об. Ш (*tidi*) *kob* ‘кора (кедра)’, кет. (*serangan*) *qoppə* ‘коробка (спичек)’ и метонимия, основанная на вещественной смежности – об., тым., вас. *ör* ‘жир’, об. С (*müzəmpədi sjan*) *ör* ‘(топленое коровье) масло’.

Выявлены устойчивые словосочетания и фразеологические единицы с компонентом-сомонимом: кет. *kiβəl pänge* ‘вена (букв. ‘кровеносный сосуд’)’; кет. *man üttumbaŋ liǵlanize* ‘я промок до костей’.

6. В результате проведенного лингвокультурологического анализа выявлено, что в селькупской культуре части тела человека обладают разной степенью значимости, которую можно условно разделить на три уровня:

1) части тела, названия которых обладают высшей степенью культурной детерминированности: тело человека в целом, кровь, пот, кость, скелет. По представлениям селькупов данные части тела являются местом обитания или аналогом души человека и, нарушив их целостность, человек умирает;

2) части тела, названия которых имеют высокую степень выраженности культурной детерминированности: кожа, жир, кровеносные сосуды. Данные части

тела выступают в роли каналов связи или, наоборот, служат границей между реальным и ирреальным мирами;

3) части тела, названия которых обладают наименьшей степенью культурной детерминированности: хрящ, мышцы, сухожилие. Представители селькупского этноса рассматривают такие части тела только с точки зрения их анатомических характеристик и функций.

ГЛАВА 3. НАЗВАНИЯ ОБЛАСТИ ГОЛОВЫ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

В культуре селькупов голова (наряду с сердцем) считается основной и важнейшей частью тела. При этом в этнографической литературе отмечается значимость каждой части и органа головы в силу их функциональности в обыденной и духовной жизни селькупского этноса [Пелих 1998, Тучкова 2004, Степанова 2008]. Голова и ее части наделяются сакральным смыслом, что проявляется в названиях культурных героев, богов и злых духов.

3.1 Названия головы

Тело человека рассматривается представителями селькупского этноса как единое целое, состоящее из определенных элементов, при этом каждый из этих элементов не может существовать самостоятельно и находиться вне данной системы. Однако не все органы и части тела являются одинаково релевантными для селькупской культуры. Для селькупской культуры характерно обыденное и сакральное восприятие, как всего человеческого тела, так и отдельных его органов и частей. Обыденное восприятие объективируется, как правило, прямыми значениями лексем, обозначающими части тела, а сакральное восприятие вербализуется посредством переносных и метафорических значений.

Для проведения лингвокультурологического анализа названий головы в диалектах селькупского языка следует обратиться к данным словарей. В лексикографических источниках по селькупскому языку зафиксированы следующие фонетические варианты наименований головы: кет. *olli* 'голова' [Алатало 1998: 90]; об., кет., вас., тым., тур. *ol, ol̄, olə, ol̄ə*; кет. *olli*; ел. *ol', ol̄ə*; об. С, ел. *ul* 'голова' [СРДС 2005: 167, 259]. Анлаутные гласные находятся в условиях регулярного звукового чередования *o ~ ol̄ ~ u* [Dulson 1971: 37].

Анализ селькупских бытовых и фольклорных рассказов свидетельствует о том, что лексем, обозначающие голову, как правило, маркируются лично-притяжательными суффиксами, например, тур. *ol̄it* (букв. 'голова-его'), в которой

суффикс *-it* является показателем притяжательной формы третьего лица единственного числа. Соматическая лексика относится к семантической группе определяемых субстантивов, которые способны приобретать притяжательные формы органической принадлежности. Другими словами, так как сомонимы выражают понятия, которые непосредственно связаны с человеком, то они могут получать лично-притяжательные суффиксы [Беккер 1995а: 76]. Кроме того, названия частей тела относятся к группе наименований объектов неотчуждаемой семантики, т.е. сомонимы в селькупском языке выражают неотчуждаемую посессивность. Под термином «неотчуждаемая посессивность» понимается «выражение принадлежности такого предмета, который естественным образом не может быть отчужден от другого предмета или посессора» [Heine 1997: 10]. Неотчуждаемость (неотторжимость) концептуализируется как отношение абсолютной врожденной или естественной части, без которой нормальное функционирование организма невозможно. Отчуждение частей тела невозможно без серьезных последствий для их обладателя [Полякова 2015б: 53].

В других названиях головы отражается ее круглая форма: об. Ш, Ч, вас. *ollaga* (букв. ‘голова-шар’), в состав которой входит компонент *laga* ‘нечто круглое (шарик, комок, клубок)’ [СРДС 2005: 111]: об. Ш *tap ollagar qajimbat* ‘он голову накрыл’, *ollaga pöra* ‘круглая голова’ (букв. ‘голова-шар круглая’). Последний пример интересен тем, что компонент *laga*, указывающий на форму головы, утрачивает свое лексическое значение, а для указания на форму головы используется лексема *pöra* (об. С, Ш *pör* ‘круглый’ [СРДС 2005: 195]).

Лексемы, используемые в диалектах селькупского языка для обозначения головы, встречаются в контекстах как в прямом значении, например, кет. *tebīnan olot küzüŋ* ‘у него болит голова’, об. Ч *ole körelžugu* ‘головой кивнуть’, так и в переносном: вас. *qədīl qunnan oloqənd logon amdadīt* ‘у шамана в голове черти сидят’. Последний пример указывает на «руководящую» роль головы и является метафорическим описанием особых, сверхъестественных способностей шамана общаться с духами. Другой пример метафорического контекста описывает относительную «самодостаточность» головы и ее способности осуществлять

определенные действия: кет. *tebīnan pal'd'unnī olīt* 'у него кружится (букв. 'ходит, бродит') голова'. Как свидетельствуют приведенные примеры, функции и состояния головы, а точнее головного мозга, описываются через метафоры, основанные на сходстве с явлениями, присущими реальному миру.

Лексема *ol* и ее диалектные варианты используются для обозначения не только головы в целом, но и ее мозговой части, включая волосяной покров, что основано на метонимическом переносе от целого к части: вас. *m'i oloβut mul'ž'ekaut* 'мы моем головы'; об. С *kutalk, tan ulom tannumplaj* 'ложись, будем смотреть твою голову', *tan ulol qarlan as'eβan, tan ulol n'ulyaη jeη* 'твоя голова не косматая, твоя голова гладкая', *olou pangilgβattə* 'волосы вьются', *olundjīn'ežargu keregeη* 'за волосы ее драть надо', *oləm pūž'ugu* 'волосы обстричь'.

Особый статус головы в селькупской картине мира подтверждается словообразовательной активностью данной лексемы, а также метафорическими переносами не только на другие реалии окружающей действительности, но и в сфере соматической лексики.

Слово *ol* является центром словообразовательного гнезда в сфере соматической лексики и, в первую очередь, названий частей головы: об. Ш *ōl-īt-par*, об. С *ol-ən-par* 'макушка', 'темя' (букв. 'голова-его-верх', 'голова-верх', ср. *-īt* суффикс, образующий притяжательную форму третьего лица единственного числа; *-ən* – показатель генитива; об., вас. *par* 'верх'); кет. *ol-an-qil*, об. Ш *ol-t-köβ*, об. Ч *ol-t-köuβ*, тым. *ol-t-köl* 'головной мозг' (букв. 'голова-его-мозг', 'голова-его-мозг', ср. *-an* – показатель генитива; *-t* – суффикс, образующий притяжательную форму третьего лица единственного числа; кет. *qil*, об. Ш, Ч. *köβ, köuβ, köl* 'мозг'); об. Ш *olo-tar, ol-tar* 'волос' (букв. 'голова-шерсть', ср. об., кет., вас. *tar* 'шерсть'). Использование лексемы *ol* для обозначения указанных частей головы основано на их местоположении. Из приведенных примеров следует, что компонент *ol* используется для обозначения внешних и внутренних частей головы, расположенных в области волосяного покрова.

Кроме того, сомоним *ol* входит в состав сложных названий других частей тела. Выделяется две модели словообразования: 1) морфологическое словосложение,

например, об. С *qil-ən-ol* ‘ключица’; об. Ш, Ч *kil-n-ol*, кет. *kil-en-ol* ‘грудь’ (букв. ‘грудь-голова’, ср. об. Ш, Ч, кет., тым. *qil*; об. Ш *kil* ‘грудь’; *-n* – показатель генитива); 2) синтаксическое словосложение, например, об. С *qad-ol* ‘лоб’ (букв. ‘лоб-голова’, ср. об. Ч *qad* ‘лоб’); об. С *qöd-ol* ‘бок’, ‘ребро’, ‘борт (лодки)’ (букв. ‘бок/ребро-голова’, ср. об. Ч, тур. *qödi* ‘бок’, ‘ребро’); об. С *mog-ol* ‘спина’ (букв. ‘спина-голова’, ср. кет. *moga*; об. Ч, тым. *tok* ‘спина’). Основой данных метафорических переносов является округлая форма данных частей тела.

Аналогичный тип ассоциативной связи привел к использованию лексемы *ol* в качестве составного компонента названий предметов окружающей действительности, имеющих круглую форму, например: об. Ч *pörl-ol* ‘картофель’ (букв. ‘круглая-голова’, ср. об. С, Ш *pöril* ‘круглый’); об. С *sijzi-n-ol* ‘пуговица’ (букв. ‘застежки-голова’, ср. об. С *sijzi* ‘застежка’; *-n* – показатель генитива); тур. *tin-ol* ‘туча’ (букв. ‘туча-голова’, ср. об. С, Ш *tit* ‘облако, туча’), *söng-e-n-öl* ‘кедровая шишка’ (букв. ‘ореха-голова’, ср. об. С *sönga* ‘орех’, ‘кедровая шишка’; *-n* – показатель генитива), аналогичная структура наблюдается в словах об. С *sung-ən-olij*; кет. *şeng-olla*, *şeng-ollij*; об. Ш *şäčk-ən-ol*; об. Ш, Ч *şäšk-ən-ol*; вас. *föč'ka-n-ol*, об. Ч *fäşq-ən-ol*; об. Ч, тым. *χväčk-an-ol* ‘кедровая шишка’; тур. *kansa-n-ol* ‘головка трубки (часть курительной трубки, в которую закладывают табак)’ (букв. ‘трубки-голова’, ср. кет., тур. *kansa* ‘трубка курительная’; *-n* – показатель генитива); об. Ш *kβa-n-ol* ‘стрела’ (букв. ‘стрелы-голова’, ср. об. Ч *kβa* ‘стрела (с железным наконечником)’; *-n* – показатель генитива); тур. *kol'a-n-ol*, *kul'a-n-ol* ‘веретено’ (букв. ‘круга-голова’, ср. тур. *kol'a* ‘круг’; *-n* – показатель генитива); об. С *paŋo-n-ol* ‘головка гвоздя’ (букв. ‘гвоздя голова’, ср. об. С *paŋo* ‘гвоздь’; *-n* – показатель генитива); об. Ч *şabi-n-ol* ‘рыболовный крючок, удочка’ (букв. ‘удочки-голова’, ср. об. Ч, вас., тым. *şabiq* ‘рыболовный крючок, удочка’; *-n* – показатель генитива); тур. *akkal-n-ol* ‘возжа’ (букв. ‘возжи-голова’, ср. тур. *akkal* ‘возжа’, *-n* – показатель генитива).

Важная роль головы в языковой картине мира представителей селькупского этноса отражается также в значениях сложных слов и составных названий. Компонент *ol* входит в структуру сложных слов с обобщенным значением ‘глава (рода)’, причем он может находиться как в препозиции к определяемому слову, так и

в постпозиции. От положения компонента *ol* в составе сложного названия значение определяемого слова не меняется, например: тур. *ol-kup* ‘глава (рода)’ (букв. ‘голова-человек’, ср. об. Ш *kup* ‘человек’); об. Ч *βary-ol*; тым. *βary-ol-d* ‘царь’, ‘правитель’, ‘шаман’, ‘старшина (старший в роду)’, ‘хозяин’ (букв. ‘старшая-голова/ страшая-голова-его [Беккер 1995а: 71]’, ср. об. *βary* ‘старший (брат или старшая сестра)’, ‘большой’), тым. *matkıl βary-ol* ‘глава семьи’ (букв. ‘дома старшая-голова’, ср. об., кет., вас., тым. *māt* ‘дом’). Посредством добавления субстантивирующего элемента *-mı* к основе *ol’i* ‘голова’ получено наименование об. Ш *ol’imı* ‘председатель’.

Согласно этимологическим материалам лексема *ol* обладает значением ‘вершина’*olə ‘вершина’, ‘голова’ – sk. (Pr) *olı* [Janhunen 1977: 29]. Данное значение включает в себе не только информацию о местоположении головы (в верхней части тела человека), но и свидетельствует о символической соотнесенности головы с небом или Верхним миром в представлении самодийцев. Рассмотрим другие лингвистические и культурологические данные, доказывающие это утверждение.

В селькупском языке лексема *ol* в качестве составного компонента входит в названия частей дерева и реки: об. Ш *goldıt-ol*; об. Ч *kın-ol*, кет. *qın-ol* ‘верховье реки’ (букв. ‘реки-голова’, ср. об. С, Ч, кет., тур. *qı* ‘река’; *-n* – показатель генитива), об. Ч *ron-ol*, об. С, Ч *rōn-ol*; кет. *ron-ollə*, *rōn-ullə* ‘верхушка дерева’ (букв. ‘дерева-голова’, ср. об., кет., вас., тым. *ro*, *rō* ‘дерево’; *-n* – показатель генитива). В представлениях селькупов Вселенная (Макрокосм) делится по горизонтали на три уровня: Верхний, Средний и Нижний миры. Репрезентантами такого членения в культуре являются дерево и река [Тучкова 2004: 75]. Реку делят на верховье, среднее течение и низовье [Полякова 2014: 31], в структуре дерева можно выделить такие составляющие как крона, ствол и корни. Кроме того, согласно культурологическим данным, тело человека символически также можно поделить по горизонтали на три уровня: голова, тело, ноги. Исходя из того, что в разных культурах человек рассматривается как малая Вселенная (Микрокосм) [Бердяев 2000], можно соотнести репрезентантов Макрокосма (реку и дерево) с Микрокосмом (человеком). Таким образом, верховье реки и верхушка дерева соотносятся с головой человека, среднее течение реки и ствол дерева – с телом человека, низовье реки и корни дерева – с ногами человека.

Следовательно, голова человека, равно как и верхушка дерева и верховье реки, является символом Верхнего мира.

Несмотря на выделение трех уровней во Вселенной, мир представляется селькупам единым и целостным, что проявляется в словосочетании об. Ч *(mandž'emū) oloj̄in tobj̄nddž'en* '(оглядеть) с головы до ног (т.е. целиком)'. Коренным образом изменить положение вещей в мире возможно лишь тогда, когда его переворачивают с ног на голову, т.е. Верхний и Нижний миры меняются местами, ср. об. Ч *tobj̄n oloqondo* 'с ног на голову'.

Символическая связь головы человека с Верхним миром отражается в мифологических данных, согласно которым голова является местом обитания главной души, души-жизни *ильсам*, посылаемой на землю из Верхнего мира на кончиках солнечных лучей. *Ильсам* – это так называемая, «большая душа», которая руководит всеми душами человека. В связи с этим, селькупы считают, что голова является центром рождения. Существует представление о происхождении людей из головы Старухи Земли (Пая) – *n'arj̄l' ol* 'болотная кочка (букв. 'болотная голова')'. Люди вылезли на свет из болотной кочки [Тучкова 2004: 78, 224].

Селькупская сказка о том, как младший внук Черного Царя боролся с *nāgor olj̄l' š'ü* 'трехглавый змей', свидетельствует о возможности возрождения из головы. Младший внук Черного Царя отсек две змеиные головы саблей и спрятал под большой камень; «третью» голову он потряс, и она упала на середину моря. На смену Трехглавому змею всплыл Шестиглавый Змей [Тучкова 2004: 208]. Этот пример свидетельствует о способности возрождения из головы, в случае, если она не была уничтожена или помещена в особое место, например, в короб или на дерево, ср. об. Ч *əndo oləmdə te pač'annad̄it, korobən čačadət* 'потом его голову отрубили, в короб бросили'; об. Ш, Ч *olptē sabj̄rnat i pot pārond k̄ibajčep olp əd̄j̄mbat, a ondž p̄rj̄md lōzla q̄bannj̄mbat amgu* 'голову оторвали и на дерево голову повесили, а самого черти утащили, чтобы съесть' [Сказки 1996: 20].

Отсутствие головы указывает на то, что человек или существо находится в мире мертвых [Полякова 2015а: 58; Быконя 2012: 167]. Например, *olj̄kitj̄l' qur* 'безголовый человек' – человекообразное существо без головы, у которого рот – на

туловище и глаза – в районе груди. Во время своего подземного путешествия за душой умирающего шаман в мире мертвых видит безголовых людей-покойников, приставленных к какой-то опоре. Другой пример, *olgidi qara* ‘безголовый журавль’ – существо, встреченное Младшим Стариковым Сыном в доме Человека-Вихря [Тучкова 2004: 226].

В результате проведенного анализа было установлено, что голова наделяется особым статусом в селькупской культуре, а сомоним, обозначающий данную часть тела, содержит в себе как языковое значение, так и культурный смысл.

Лексема *ol* является не только названием головы, но и широко используется (как самостоятельно, так и в составе сложных слов) для обозначения других частей тела и предметов окружающей действительности, что основано на метафорическом способе номинации. Для рассматриваемой лексемы восстановлены внутренние значения: ‘начальный’, ‘ведущий’, ‘главный’. Приведенный языковой, мифологический и фольклорный материал свидетельствует о том, что голова является репрезентантом Верхнего мира, а также символом зарождения, поддержания жизни и возрождения. Отсутствие головы является характерной чертой существ, находящихся в ином мире.

Для получения более точного представления о значении головы в культуре селькупов необходимо провести лингвокультурологический анализ названий частей головы.

3.2 Названия внешних частей головы

3.2.1 Названия волос

С древних времен люди бережно относились к волосам. Считалось, что для благополучия человека с его головы не должно упасть ни одного волоса. В мировоззрении сибирских народов волос рассматривается как символ незримой нити, связующей мир людей и мир духов [Нам 2014: 134]. В селькупской культуре с волосами связаны различные ритуалы и обычаи. Значимость волос в культуре этноса

объективируется и на лингвистическом уровне. Рассмотрим названия волос в диалектах селькупского языка для выявления смыслов, заложенных в них.

В разные временные периоды в селькупском языке были зафиксированы варианты наименований волос, которые можно условно разделить на несколько групп: 1) О. *opt*, N.; *optte*, K. ‘(конский) волос’; *opte*, ОО., Tsch., Jel., B., Tas.; *optä*, Tsch.; *upte*, Кар. ‘человеческий волос’ [Donner 1926: 231]; Turuchansk. *ūto*, Am Tas. *obt*, Tomsk. *apt*, Narym. *apte*, Tymische. *apte* ‘волос’ [187, с. 39]; таз. *opti*, *ōpti* ‘волосок’ [Erdélyi 1969: 169]; об., вас., тым. *opt*, *optə* ‘волос’ [СРДС 2005: 64]; 2) О. *tuja*, K.; *tuija*, NP. ‘человеческий волос’ [Castrén 1855: 231]; кет. *tūjja* ‘волос’ [Алатало 1998: 87]; кет. *tuija*, *tūja* ‘волос’, ‘шерсть’, *tüβ*, *tüβu* ‘волос’ [СРДС 2005: 64]; 3) О. *kaž*, MO. ‘человеческий волос’ [Castrén 1855: 231]; об. Ч *qaž*, *qāžə*, *qač*, тым. *qāč*, *qəč*, вас. *qaž* ‘волос’ [СРДС 2005: 64]; 4) кет. *tar* ‘волос’ [Алатало 1998: 87].

Представленные сомонимы встречаются в контекстах, описывающих цвет и структуру волос: вас. *tanān χāya qažəl* ‘у тебя черные волосы’, кет. *tebānan s'eγə tūja* ‘у него черные волосы’, об. С *kojerbədi opt* ‘седые волосы’, *qarolžəmbedi opt* ‘вьющиеся волосы’, а также в контекстах, в которых описываются действия, направленные на волосы: вас. *optomdə tēyale!* ‘волосы пригладь!’, кет. *tüβum qattolgu* ‘расчесать волосы’, об. С *optim pürčugu k'er'eg'eγ* ‘волосы заплести надо’, об. Ч *qāžəp rašqəlgu* ‘кудри завить’, *qažəm mažgu* ‘волосы подстричь’, *qažom püətešpugu* ‘волосы косматить’; таз. *optimti pütisätit* ‘они обстригли его волосы’, *tjap ōptōminti orqilniiti* ‘он взял ребенка за волосы’. В следующих примерах описываются разные состояния волос: вас. *optə roqβātpa* ‘волосы слиплись’, *tabānan optədə taγ al'd'emba*, об. С *tebnan optət to pəγyelba* ‘у него волосы выпали’, кет. *man tūjaβ βəzamba inne* ‘мои волосы встали дыбом’ [СРДС 2005: 169; Erdélyi 1969: 169]. Через волосы человек может понести наказание тым. *men monnom kudok, optund tadiriit* ‘она (старуха) бьет их, за волосы таскает’ [Дульзон 1972а: 645].

Согласно этимологическим данным, лексема *opt* восходит к уральскому пласту лексики: *apte ‘волосы’ – selk. Та. *optə*, Ке. *opttə* ‘конский волос’, Tur. *opti* ‘волосы на голове’, Ту. *opt* ‘волосы’ [Rédei, 1988: 15].

Лексемы со значением ‘волос’ являются центром словообразовательного гнезда. От данных сомонимов образовались: 1) имена существительные – вас. *optət qull'a* ‘волосок’, кет. *tujjat* ‘вихор’, тым. *optelari* ‘пучок волос’, об. Ш *sajtar* ‘ресница (букв. ‘глаз-волос’)’ [Полякова 2015б: 53]; 2) имена прилагательные – вас. *tarəl* ‘меховой’, ‘шерстяной’ (*tarəl porŷi* ‘меховая одежда’, *tarəl qaβp'i* ‘шерстяной платок’), кет. *tūjaj*, *tujarbədi* ‘волосатый’, *tar'i* ‘меховой’ (*tar'i ükkə* ‘меховая шапка’, *tar'i porŷi* ‘меховая одежда’), *tarərbidi* ‘лохматый’ (*tarərbidi qβəryip* ‘лохматый медведь’), об. Ш, кет. *tariġalk* ‘лысый’, таз. *optil'* ‘волосатый’; 3) глаголы – кет. *tujarbəgu* ‘обрасти’, ‘покрыться волосами’, *tükolgu* ‘линять’ об. С *tarərbigu* ‘покрыться шерстью’, ‘обрасти’, *tarərgu* ‘покрыться шерстью’, ‘покрыться волосами’.

Кроме того, в словарях для лексемы *opt* зафиксированы значения ‘петля’ и ‘силок’: об. Ч *šepka opton šerga*, *opton patqilga* ‘бурундук в петлю заходит, в силок запутается’ [СРДС 2005: 169]. Связь значений ‘волос’ и ‘петля’, ‘силок’ объясняется через финно-угорские языки. Например, в мордовском языке глагол *сиавны* ‘настораживать’, ‘ставить’, ‘расставлять (ловушки)’ (*капкан сиавны* ‘насторожить капкан’) содержит компонент *си* ‘волос’, ‘ость (в меху, в шерсти животных)’ [Лыткин 1970: 254]. Общеизвестно, что изначально силки и петли на зверей изготавливались из волос животных. Селькупы ставили силки или «пленницы» на куропаток, сделанные из конского волоса [Занятия и промыслы 2007-2018]. Таким образом, в селькупском языке сомоним *opt* приобретает значение ‘петля’ и ‘силок’ в результате метонимии, основанной на вещественной смежности.

Сомоним кет. *tujja* восходит к уральской праформе **talja* ‘кожа’, ‘шерсть’ – selk. Ке. *tuja*, *tuija*, NP. *tuija* ‘волос’ [Rédei 1988: 508]. В селькупском языке данный сомоним используется только для обозначения волос и не получил широкого распространения.

Для сомонима *qaž* в словарях зафиксировано дополнительное значение ‘мох (болотный)’, что свидетельствует о связи данной лексемы с сакральным миром. Для южных селькупов реконструируется представление о том, что трава и мох – это волосы (шерсть) матери-земли. Такое отношение к траве как к волосам земли

существует на уровне архетипа и отражается в высказываниях, таких как: «Не могу на огороде равнодушно траву полоть, все мне кажется, будто я у земли волосы ее выдираю»; «Трава – это волосы Земли... Особенно на кочке. Кочка – голова земли» (Обь: Ив., Ласк.) [Тучкова 2004: 70]. Полагаем, что слово *qaž* является иносказательным обозначением болотного мха как элемента духовной культуры.

Для сомонима *tar* восстанавливается общесамодийская праформа **tər* ‘волос (на теле)’, ‘перо’ – sk. (Pr) *tar*, Ту. *tār* [Janhunen 1977: 149]. Таким образом, первоначальным значением лексемы *tar* выступало значение ‘волос на теле’, от которого впоследствии развились значения ‘шерсть’, ‘мех’, ‘перо’: об. Ч *koner tar* ‘овечья шерсть’, *n'eβa onž tart tō targut* ‘заяц свой мех меняет’; об. Ш *n'abīt tar t'eγjīn ējat* ‘утиные перья светлые’. Со временем значение ‘волос на теле человека’ утрачивается и в современном словаре для лексемы *tar* зафиксированы значения об., кет., вас. *tar, tarə* ‘шерсть’, ‘мех’, ‘перо’ [СРДС 2005: 231].

В селькупских сказках сомоним *tar* встречается только в значении ‘шерсть животных’, например: *Na nadēk tabjīn č'enča: “Mat mādap nōžap, tat mašep kol'd'enanž i kīt'batčjanž: mat p'el'ekka tarze ējak”*. ‘Эта девочка ей отвечает: «Я дверь открою, ты меня увидишь и испугаешься. Я наполовину в шерсти’.; *Tab na mādap nōmbat, mannjmbat na nadēmd p'ell'eka tarze ēja*. ‘Она дверь открыла, видит эту девочку наполовину в шерсти’.; *Aβīt kīt'batpa, što nēt tarze azjmba, nēmd māt qβannjmbat, aj nēndze kβattalžjmba βarkjgu* ‘Мать испугалась, что дочь ее в шерсти, взяла дочь домой, снова с дочерью начала жить’ [Сказки 1996: 70]; тым. *köt noγom erra q'elis'a el'ž'ika kujammešpat tar* ‘десять лет старик рыбачил, старуха пряла шерсть’ [Дульзон 1972а: 637], *ütkn č'anžin, okd βes' tarba* ‘из воды вышел (черт), сам весь в шерсти’ [Дульзон 1969б: 48].

Из культурологического материала следует, что в селькупской культуре волосы имеют связь с потусторонним миром (как с Верхним, так и с Нижним) [Полякова 2015а: 56]. Во многих культурах волосы считаютсяместилищем души, или жизненной силы человека. Они могли ассоциироваться с солнечным лучом, приносящим на землю жизнь. Отсюда в мифологии селькупов именно с солнечным

лучом старуха-прародительница, покровительница всего живого Илынта-Кота внедряет в утробу беременной женщины душу-жизнь – *ильсам* [Тучкова 2004: 119].

Волосы служили оберегом человека. Их приносили в жертву. Существовал ритуал отрезания длинных женских волос и подвешивания их на березу, которую сравнивали с женщиной. Короткие волосы отрезали и бросали в огонь. Согласно обычаю при рождении девочки делали ‘приношение’ воде: бросали в воду косичку, сплетенную из травы [Тучкова 2004: 234]. Маленьким детям, когда им исполнялся год, отрезали волосы и зашивали в подушечку: *вас. üčəga el'mad'elikannan mi optimdi tak peželnye, paduškağind pelluye, nat'eqit optidj eppa* ‘маленькому ребенку (букв. ‘у ребенка’) мы волосы отрезаем, в подушку кладем, там волосы лежат’ [СРДС 2005: 169].

Кроме того, волосам приписывалась способность выступать в роли медиатора между миром людей и миром духов. Шаманская шапка как один из аксессуаров шаманов, обладающих способностью перемещаться из одного мира в другой мир, была украшена косой (*pañış'tj*): *вас. sumbatal' kuna ugata, pañžətə šekel* ‘у шамана на шапке нитяная коса’. Она представляет собой полосу из ровдуги, прикрепленную к головному убору и символизирует дорогу, по которой к шаману идут духи Нижнего мира (снизу вверх по косе). У места прикрепления косы привязывается узелок из ровдуги с волосами умершего шамана-родича [Тучкова 2004: 235].

Исследование показало, что в одно из четырех вариантов названий волос интегрирована информация о культурной значимости данной составляющей организма человека – сомоним *qaž* включает в себе представления селькупов о происхождении этноса. Наиболее широкое распространение в языке получило название *opt*, оно является центром словообразовательного гнезда. Сомонимы *tujja* и *tar* используются только в прямом значении, при этом лексемой *tar* обозначаются только волосы на теле.

3.2.2 Названия темени и затылка

Темя и затылок в культурах разных народов наделяются различными смыслами. Например, в русской культуре темя и затылок символически связаны с умственными способностями человека. Темя ассоциируется с памятью, а затылок – с мыслительными процессами: *и я в темя не колочен* (не дурак); *у меня, брат, уж давненько темечко окрепло* (давно поумнел), *он тмит зло* (он злопамятен); *тут поневоле зачешешь затылок* (задумаешься) [Даль 2008-2017]. Селькупы наделяют темя особыми свойствами и считают, что данная часть тела обладает некоторыми специфическими функциями.

В селькупском языке лексемы со значениями ‘темя’ и ‘затылок’ можно условно разделить на 3 группы согласно основам: 1) таз. *pār, par* ‘макушка’ [Erdélyi 1969: 177]; кет. *pald’ij pār’i* ‘макушка’, ‘темя’ [Алатало 1998: 109]; об., вас. *par, pār*; кет. *par’i, parə*; об. Ч, тым., тур. *pari, parə*; тур. *pōrt, poari, poarim, puorum, pōriti* ‘затылок’; об. Ш *pal’də par*, вас. *pārlaga*, ‘макушка’; ел. *emb’ipōr* ‘макушка’ [СРДС 2005: 180]; 2) О. *suk*, В., Тас.; *suŋ*, Кар. ‘затылок’ [Castrén 1855: 254]; таз. *šuk* ‘затылок’ [Erdélyi 1969: 223]; кет. *sumba* ‘темя’, ‘затылок’; об. С *subba*, об. С, кет. *sumba, sūmba, sumbajpārə* ‘темя’, ‘затылок’; тур. *sūkt*, ел. *sūkt* ‘затылок’ [СРДС 2005: 216]; 3) О. *nug, nog*, N.; *nuga*, Тsch.; *nukka*, К.; *nukku*, NP. ‘затылок’ [Castrén 1855: 254]; кет. *nukku* ‘затылок’ [Алатало 1998: 98].

Большинство сомонимов представляют собой простые односложные названия. Однако некоторые варианты сохранили суффиксы притяжательности: об. Ч, тым., тур. *pōrt, pōriti* (букв. ‘верх-его’), где *-t, -ti* – суффикс притяжательности третьего лица единственного числа; об. Ч, тым., тур. *poarim, puorum* (букв. ‘верх-мой’) *-im, -um* – суффикс притяжательности первого лица единственного числа.

Вариант названия вас. *pārlaga* ‘макушка’ представляет собой простое слово, осложненное суффиксом *-laga*, который включает в себе значение ‘нечто круглое’, ‘шарик’ и добавляется в селькупском языке к названиям предметов круглой формы, ср.: об. Ч *χigətellaga* ‘щитовидная железа’; тур. *lallaka*, вас. *lallakka* ‘череп’. Получаем буквально значение лексемы *pārlaga* ‘верх круглой формы’.

Первый компонент *pal'd* в названиях кет. *pald'ij pār'i* об. Ш *pal'də par* имеет значение 'кружиться', ср. кет. *pal'dəngu*, об. С *pal'd'ugu* 'кружиться'. Данная лексема используется для обозначения кружения головы кет. *tebīnan pal'dəŋŋi olit* 'у него голова кружится'; движения верхушек деревьев кет. *olan pō pal'd'urattə* 'вершины деревьев качаются (букв. 'кружатся')'; ритуальное действие на охоте кет. *qayə surul'de qum qoqut t'ajmadəm, teptebim pūruŋ pal'dəlgut* 'когда охотник находит берлогу, он ее кругом обходит'. Полагаем, что применение данной лексемы к описанию перечисленных действий, не связанных между собой, имеет в своей основе древний архетип 'движение небесных тел по небу'. Данное предположение можно подтвердить мнением В.А. Масловой: «... все, что относится к верхней части тела, связывается с небом и его главными объектами – солнцем, луной и звездами. Символика микрокосма славян прослеживается в идиомах: *голова горит, голова идет кругом, ходить на голове*» [Маслова 2001: 71].

Слово *par* имеет ведущее значение 'верх' и используется носителями селькупского языка для обозначения верхней части любого предмета. В елогуйском говоре верх обозначается лексемой *por, pōr* 'верх', 'крыша', 'вершина'. Интересно, что в селькупском языке лексема *par* (в отличие от русского слова *верх*) сохраняет свою основную семантику в разных контекстах: об. Ч *kut olot paroget pal'depar, pot (ponan) paroget – pot par, ostolt paroget – ostolt par, madat paroget – madat par, kβel'džinan – kβel'džit par, kij'egit – kijet par* 'у человека на верху головы макушка, а у дерева наверху – верхушка, а у стола – крышка, а у дома – крыша, а у гвоздя – головка, а у реки – верховье (букв. 'у человека на головы верху макушка, у дерева на верху – дерева верх, у стола на верху – стола верх, у дома на верху – дома верх, у гвоздя – гвоздя верх, у реки – реки верх')' [Дубровская 2011: 15]. Из приведенного примера следует, что в селькупской культуре человек не выделяется из окружающей среды, а воспринимается как ее составная часть. В силу такого восприятия селькупы используют одни и те же лексемы для обозначения верхней части тела человека и верхней части любого другого объекта окружающей действительности.

Части тела в различных культурах и их названия в разных языках функционируют не только в прямом, но и переносном смысле: они носят

символический характер. Как отмечает В. Г. Гак, человек эгоцентричен, он видит в себе центр Вселенной и осмысляет мир по своему подобию. Например, названия верхних частей предметов восходят в понятие «голова», а «нижних» – к понятию «нога», центральных – к понятию «сердце», стороны определяют по руке [Гак 1998: 702].

Лексема *par* ~ *por* относится к сфере сакральной лексики. Ей присуще значение 'дух, живущий вне тела человека': об. Ч *por'i* 'амбарчик для духов', 'дух-идол' (вырезанное на дереве лицо); ел. *porge* 'могила'. Кроме того, они вычленяются в структуре слов: тым., вас.тур. *par-g'e*; ел. *por-g'e* 'идол', 'шайтан (дух, который живет между небом и землей)'; вас. *portiš* 'пошел' (при обращении к медведю; второй компонент *tjš* материально совпадает с компонентом местоимения об. Ш *tjštep* 'вас' и свидетельствует об уважительном отношении к зверю-тотему). К этому лексическому кругу относится также лексема *parg'el'ak* 'река' (<*parg'e-l'ak*, букв. неприкаянный дух=кольцо, ср. об. Ш, Ч *l'ak* 'кольцо', другим значением слова было 'племя', ср. экзоним *l'ak'i* (так называли селькупов соседние народы) [Быконя 2011: 121].

Лексема *par* 'верх' встречается в качестве составного компонента в названиях плеча: об. Ш *q̄bātpar*, об. Ч *q̄bātpar*, *qotpār*, вас., тым. *qobātpar*, об. Ч *q̄bātpar*, вас. *fatpar*, вас. *χbatpar* букв. 'плечо/сустав-верх', ср. *q̄bat* 'плечо', 'сустав' [СРДС 2005: 41]. об. Ш . Компонент *par* прослеживается в словосочетании таз. *paril' qātīt*, *paril' qatīt* 'пригорюнившись', 'опустив голову (букв. верхушечным лбом, т.е. теменная, верхушечная часть головы попадает в положение лба)' [Erdélyi 1969: 178].

В южных диалектах лексема *pārə*, *parə*, *par* – 'верх', 'поверхность', 'вершина', 'верховье (реки)' входит в число послелогов. Лок.: Нап. *paron*, *parūt*; Тюхт., Ласк. *paroūt*, *parot*; Ив. *paron*, *-t*; СтС *parūn*; УО *parin*, *pariyan* 'на чем-либо', 'над чем-либо'. Лат.: Нап. *part*, *paront*; Ласк., Ив., СтС *paront*, *pāront*; УО *parində* 'на что-либо', 'на поверхность чего-либо', 'в пространство над чем-либо'. Пролат.: Нап. *parout*; Ив. *paroutte*, *parmut*, *parobāt*; СтС *pārətmən*, *parmən*; УО *pariβən*; Лос. *parəβən* 'вдоль поверхности чего-либо', 'через что-либо'. Абл.: Нап. *parout*, Ласк. *paroyondə*; Пар. *pārout*; Ив. *parogond*; УО *pārūnnə*; Зуб. *parūnnə* 'с поверхности чего-либо'. В

тымском диалекте локатив используется также для передачи исходного пункта действия: Нап. *qət parγat* – с гор; *mačət parəγət* – из-за леса [Беккер 1995б: 184].

В этимологическом словаре Ю. Янхунена «*Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien)*» для лексемы *sumba* восстанавливается самодийская праформа **sumpə, sümpə* ‘спина (рыбы), спинка (ножа) и т.д.’ – sk. der. (C) К *sumba* ‘нож, топор’, (D) ОО *subba* [Janhunen 1977: 144].

При учете регулярных чередований *b ~ p* [Dulson 1971: 38] диалектный вариант об. С *subba* материально совпадает с основами финно-угорских лексем с обобщенным значением ‘твердая изогнутая часть’: фин. *sepä* ‘высокая согнутая передняя часть саней’, *sepälus* ‘воротник’; эст. *seba* ‘высокая согнутая передняя часть саней’; морд. *sive, sivä* ‘твердый воротник рубашки’; вотяк. *sies* ‘хомут’ [Rédei 1988: 473]. Подтверждает предположение о внутреннем значении наименований затылка в селькупском языке наличие второстепенного значения лексемы *šuk* ‘обух’ [Erdélyi 1969: 223]. Данный объект также имеет изогнутую форму. Варианты тур. *sūkt*, ел. *sükt* [СРДС 2005: 216] являются притяжательными формами: *sūk-t, sük-t* букв. ‘затылок-его’.

Согласно этимологическому словарю К. Редери «*Uralisches etymologisches Wörterbuch*» сомоним кет. *nukku* ‘затылок’ возможно восходит к уральской праформе **nukkz* ‘затылок’, ‘шея’ – selk. Ке. *nukka*, N *nug, nog, nõg(a)* ‘затылок’, ‘шея’ [Rédei 1986b: 328]. В селькупском языке лексема *nuk* получила более широкое использование в значении ‘шея’ (см. раздел «Названия шеи»). Для сомонима кет. *nukku* ‘затылок’ характерно второстепенное значение ‘шиворот’, основанное на метонимии по пространственной смежности: кет. *nukkōβin oralgu* ‘схватить за шиворот’ [СРДС 2005: 151].

Согласно проведенному анализу фактического материала приходим к выводу, что сомонимы с компонентом *par* изначально использовались для обозначения темени. Сомоним *sumba* – название верхней изогнутой части затылка, а наименование *nuk* – обозначение нижней части затылка, в том месте, где он переходит в шею. Так как части головы темя и затылок, именуемые селькупцами *par*

и *sumba*, расположены в непосредственной близости друг от друга, данные наименования могут использоваться для обозначения, как темени, так и затылка.

При этом все лексемы, обозначающие темя и затылок в диалектах селькупского языка, наполнены в культуре селькупов разными смыслами. Так, лексема *par* имеет большую степень сакрализации и имеет символическую связь с духами ирреального мира. В сомоним *sumba* интегрирована информация о форме затылка. Под сомонимом *nug* в селькупской культуре больше подразумевают шею, а не затылок.

3.2.3 Названия лица

В культурах коренных народов Сибири такой части тела как лицо не придается особого значения, исключительной значимости и сакрализации. Вероятно, это связано с тем, что лицо в целом представляет собой меньший интерес, чем каждая составляющая его часть в отдельности (например, глаза, нос, рот). Аналогичная ситуация прослеживается и в селькупской культуре. Рассмотрим лингвистический и этнографический материал, раскрывающий роль и место данной части тела в культуре носителей селькупского языка.

В селькупском языке названия лица представлены следующими диалектными вариантами: О. *wand*, N.; *wandda*, K.; *wanže*, Tsch.; *wandi*, NP.; *wuend*, Tas., Kar. ‘лицо’ [Castrén 1855: 228]; таз. *wentj* ‘лицо’ [Erdélyi 1969: 294]; кет. *βend'i* ‘лицо’ [Алатало 1998: 107]; об. Ш, Ч, тым. *βand*, *βandə*, тым. *βantj*, ел. *mjnd*, *mjndə*, тур. *mjntj*, ел. *mjnd'it* ‘лицо’ [СРДС 2005: 22]. Сомонимы *βantj*, *wentj* и *mjndə* являются словами одного ряда в силу регулярных чередований начальных согласных $\beta \sim w \sim m$ [Dulson 1971: 38]. Вариант названия лица ел. *mjnd'it* представляет собой притяжательную форму и имеет буквальное значение ‘лицо-его’, так как *-it* – является суффиксом-показателем принадлежности.

Обыденные значения лексемы *wentj* ~ *mjndə* актуализируются в следующих контекстах: тур. *mjntomjntj č'atjst* ‘он выстрелил в его лицо’ [СРДС 2005: 135]; таз. *wental somak musjltät!* ‘помой хорошо свое лицо!’ [Erdélyi 1969: 294]. Кроме того, в

селькупской культуре отмечают различные характеристики лица, что отражается на языковом уровне, например, цвет: об. Ч *bandət č'eq ēja* 'ее лицо белое', *tabən bandəd č'aq ež'emba* 'его лицо побледнело', об. Ч, об. Ш *mat popolyjndo čažak, bandom qoškaliŋ āzimba*. 'я из подполья выхожу, лицо мое побледнело' [Сказки 1996: 78, 109]; качество: об. Ш *bandol parn'ibatpa* 'твое лицо морщинистое', об. Ч *kužan nalyur öt mannəmbə, ödət šadəgudet qbež'ed'i bannjmd qol'ži* 'когда женщина в воду посмотрела, в середине воды свое красивое лицо увидела'; форма: об. Ч *man n'enn'annan bandədə čānžak* 'у моей сестры лицо широкое'; состояние: об. Ш *bandit pulumba* 'его лицо вспухло' [СРДС 2005: 22].

Встречается использование сомонима *wentj* 'лицо' в значении 'щеки', что объясняется процессом метонимического переноса от целого к частному: *wentjitiŋ n'arqitqo esotjŋ* 'его щеки (букв. 'лицо') стали красными' [Erdélyi 1969: 294]. Сомоним *band* и его диалектные варианты используются также для обозначения морды животного: таз. *wentj* 'морда' [189, с. 294]; об. Ш, Ч, тым. *band, bandə*, тым. *bantj*, ел. *mjnd, mjndə*, тур. *mjntj* 'лицо', ел. *mjnd'it* 'морда (животного)' [СРДС 2005: 22]. Например: об. Ш *qory udjnde bannomd oralbat, č'ur'elba,...* 'медведица схватилась лапами за морду, завыла ...' [Сказки 1996: 78, 109].

Согласно этимологическим данным, сомоним *wentj* 'лицо' восходит к уральской основе *weńćz 'лицо' – selk. Та. *wuend*, Ке. *wando*, -э, NP *wandi* 'лицо', 'облик', 'передний', Ту. *wand* 'лицо' [Rédei 1988: 568]. Ранее присущее лексеме *wentj* значение 'передний' свидетельствует о том, что данное слово изначально использовалось для обозначения передней, «лицевой» стороны объекта. Данное предположение поддерживается и другим лингвистическим материалом. Лексема *band* входит в состав названия «лицевой» стороны шаманской колотушки, ср. тым. *qarša ille bandokəndə eppa* 'шаманская колотушка вниз лицом лежит' [СРДС 2005: 22]. Полагаем, что «лицом» колотушки называют ее выпуклую сторону. Благодаря своей выдающейся вперед форме, она, подобно лицу человека, занимает переднюю позицию.

Сомоним *mjndə* 'лицо' является центром словообразовательного гнезда. Например, его диалектные варианты присутствуют в качестве составных

компонентов в словосочетаниях: тур. *mındıt mattıt* ‘морщина (букв. ‘лица-надрез’, ср. тур. *mattelqo* ‘порезать’, *matıbıl*, *matıpıl* ‘резанный’, *matıl* ‘надрезанный’; ел. *matıqo* ‘порезать’); таз. *pıtik wentik* ‘незавуалированный’, буквальным значением которого является ‘с голым лицом’, т.е. ‘напрямую’ [Erdélyi 1969: 294].

Кроме того, в селькупском языке от наименования лица образованы названия предметов быта связанные (напрямую или опосредовано) с данной частью тела: об. С *bandım muzulžukundi tıs’e* ‘умывальник (букв. ‘лицо-мое мыть посудина’), таз. *wentip mučiräl’ qampil’ mı* ‘полотенце’ (букв. ‘лица водная тряпка’) [Erdélyi 1969: 294], тым. *bandət qβ’e*, ел. *mandersı qes* ‘зеркало (букв. ‘лицо-его железо’).

По данным мифологии слово *band* ~ *wentı* ~ *mındə* употребляется не только в прямых своих значениях. Лицо человека / морда животного предстает в традиции как своего рода экран или зеркало, в котором отображается кто-то или что-то. Например, в сказке о *Томнэнке* и *Нэтэнке*, записанной в 1940-х гг., *Нэтэнка*, у которой украли ребенка, говорит собаке, подброшенной ей вместо украденного мальчика: «На твоей морде человека лицо проступает» [Тучкова 2004: 110]. Существует идиома *kanat mąntısä moqınä tüsaŋ* ‘не солоно хлебавши (букв. ‘с собачьей мордой обратно пришел’)’ и ругательство *kanat mąnntı* ‘собачье отродье (букв. ‘собачья морда’)’ [Тучкова 2004: 110].

Названия лица в селькупском языке представлены диалектными вариантами *band* ~ *mındə* ~ *wentı*. Согласно фактическому лингвистическому материалу, изначально данная лексема использовалась для обозначения передней стороны объекта. Лингвокультурологические данные свидетельствуют о том, что в селькупской культуре лицо рассматривается как часть тела, способная отображать скрытые чувства и поступки.

Для более глубокого понимания смыслов, заложенных в понятие «лицо» в селькупской культуре необходимо провести лингвокультурологический анализ всех его частей, с составляющими их компонентами.

3.2.3.1 Названия лба

Во многих культурах наименования лба входят в состав фразеологических единиц, которым присуще значение '(не)обладание умственными способностями', например: рус. *быть семи пядей во лбу* (отличаться от других умом, мудростью, обладать выдающимися способностями), *заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьёт* (иметь невыдающиеся умственные способности) [Гудков 2006]. В селькупской культуре наблюдается другая культурологическая и смысловая наполненность данной части тела. Лингвистические и этнокультурные данные свидетельствуют о том, что в представлении селькупского этноса лоб обладает особыми сакральными характеристиками. Для их выявления необходимо провести лингвокультурологический анализ наименований лба в селькупском языке.

В разных источниках зафиксированы следующие фонетические варианты наименования лба в селькупском языке: О. *kat*, Кар., NP.; *kāt*, В., Tas. 'лоб' [Castrén 1855: 286]; таз. *qāt, qat, qot* 'лоб' [Erdélyi 1969: 63]; кет. *qāt* 'лоб' [Алатало 1998: 107]; тур. *qβāt, qboat*; об. Ч, тым. *qat, qāt, qattə*; ел. *qon*; об. С *čažəkat, čantəkat* 'лоб' [СРДС 2005: 74]. Лексемы *kat, qat, qβāt* являются диалектными вариантами при условии чередования $k \sim q \sim q\beta$ [Dulson 1971: 41]. Этот ряд продолжает вариант *qon* при условии чередования $t \sim n$ в ауслауте [Dulson 1971: 39], другие примеры подобного чередования: об. С, кет. *tan* ~ об. Ш, Ч, вас., тым. *tat* 'ты'; об. С, кет. *ton* ~ об. Ш, Ч, тым. *tot* 'сто'. Значение первого компонента сложного сомонима об. С *čažəkat, čantəkat* 'лоб' затемнено. Пример употребления наименования лба в обыденном контексте: таз. *qātij̄ t̄ant̄ij̄ es̄ij̄* 'его лоб был широким' [Erdélyi 1969: 63]

Сомоним *qat* восходит к общесамодийской праформе: **kāt* 'лицо' – sk. (Ps) *qat, qot* 'лоб', (D) Ту. *kad* [Janhunen 1977: 65]. Как показывает этимологический материал, первоначально слово *qat* использовалось для обозначения лица. В селькупском языке это значение сохранилось на уровне использования данной лексемы для обозначения морды животного: об. Ч, тым. *qat, qāt, qattə* 'лоб', 'морда (зверей)' [СРДС 2005: 74], а так же в значении отсоматического послелого

qattj, qad ‘перед’, указывающего, что действие направлено к лицевой части предмета, например: Ласк. *tabnälğut qadpötpələbər čöčəmondət* ‘она женщине (букв. ‘женщины лоб’) горячий суп поставила’ [Беккер 1978: 90]. Аналогичное имплицитное значение имеет наименование лба и в енисейских языках. Данный сомоним входит в качестве составного компонента в наименование мыса, так как он имеет такую же выдающуюся вперед форму как и лоб: ен. *s’es’bat* ‘речной мыс’ (букв. ‘реки-лоб’) [Клопотова 2002: 133].

По мифологическим данным в теле человека в области лба и сердца обитает *wərqi keji* ‘главная душа (букв. ‘большая душа’)’. *Wərqi keji* является основной душой (или основной частью духовной жизненной силы человека и «руководит» всеми остальными душами [Тучкова 2004: 111]. Ее защищают от воздействия злых духов. В селькупских сказках повествуется о железном лице *keşil’ wəntj*. Выкованное селькупским кузнецом для мальчика, проигравшего в карты черту, железное лицо является средством защиты от нечистой силы. По условиям игры, выигравший щелкает проигравшего по лбу. Мальчик надевает на себя железное лицо-маску и таким образом защищает свой лоб от щелчка черта [Тучкова 2004: 149]. Щелчок по лбу может интерпретироваться как лишение содержащейся в нем духовной жизненной силы человека. Железная маска не позволяет черту забрать душу мальчика. Таким образом, согласно мифологическим данным в селькупской культуре лоб считается частью тела, которая относится к числу сакральных объектов и имеет символическую связь с Верхним миром, так как, по представлениям селькупов, душа человека, расположенная в данной части тела даруется человеку богами.

Следующий контекст больше связан с представлениями селькупов о глазах: об. Ч *qur čaža, okkjr haj qatqit* ‘человек идет, один глаз во лбу’ (из ск.) [СРДС 2005: 74]. Однако то, что глаз расположен на лбу, свидетельствует о том, что этот человек обладает особыми способностями и не принадлежит миру обычных людей.

В селькупском языке название лба представлено лексемой *qat* и ее диалектными вариантами. Для данного слова восстанавливается первоначальное

значение ‘лицо’, а при проведении анализа культурологического материала выявляется наличие символической связи данной части тела с Верхним миром. В представлении селькупов лоб являетсяместилищем одной из главных душ человека.

3.2.3.2 Названия глаза

Глаза – это важнейшая часть головы и лица человека. Они считаются важнейшим из органов, так как 80% информации о мире приходит именно через глаза. В силу важности их роли в жизни человека, во многих культурах глазам приписывается таинственная магическая сила. Издавна от сглаза заводили обереги-амулеты, которые изготавливали из драгоценных металлов и камней и делали их в форме глаза [Маслова 2001: 132-133]. Аналогичное отношение к глазам наблюдается и в селькупской культуре, что подтверждает лингвистический и этнографический материал представленный ниже.

В разные временные периоды в селькупском языке были зарегистрированы следующие фонетические варианты названий глаза: О. *χai*, N.; *sai*, K., Jel., B., Tas., Kar.; *sei*, Tsch., OO.; *saiji*, NP. ‘глаз’ [Castrén 1855: 201]; Turuchansk. *sei*, Am Tas. *sai*, Tomsk. *sai*, Narym. *sai*, Ket. *sai*, Tymische. *sai* ‘глаз’ [187, с. 36-38]; таз. *saji*, *saj*, *χaji* ‘глаз’ [Erdélyi 1969: 200]; кет. *sajji* ‘глаз’ [Алатало 1998: 89]; об. Ч, вас. *χaj*, *χajop*; об. кет., ел., тур. *saj*; об. С, Ч, тым., вас. *s’ej*; об. С, Ч, тым. *sej*; кет. *sajja*, *sajjip*, *sajje*; об., кет., тур. *sajji*; тым. *säj*, *säjop* [СРДС 2005: 206]. В южных диалектах анлаутные согласные находятся в условиях регулярного звукового чередования $s \sim \chi$ [Dulson 1971: 35-43].

Фактический материал иллюстрирует в синхронии параллельные варианты лексем со значением ‘глаз’, а именно, об., кет., тур. *sajji*, кет. *sajjip*, *sajja*, *sajje* – *saj*; тым. *säjop* – *säj*; об. Ч, вас. *χaji*, *χajop* – *χaj*. Существование полных форм слова в одних диалектах и усеченных форм того же слова в других является особенностью селькупского языка. В ходе исторического развития в данном языке имело место выпадение конечных гласных, например, ‘карась’: Тайз. *tudo*, ср. Тиб. *tōdā* ~ *tut*, Л-К

todə ~ *tod*, Ласк. *tot*; ‘палец’: Фарк. *mūnj*, ср. Ласк. *mun*, Тиб., Ив. *mūn*; ‘волос’: СтС, Нюль, Л-К *optə*, ср. Кел. *opt* [Сатеева 2000: 138].

В самодийских языках широко представлены суффиксы *-ŋ*, *-j*, *-p* как расширяющие основу, служившие на определенном этапе развития языка для специализации имен, к которым они прибавлялись [Основы 1974: 331]. Позднее данные суффиксы настолько срослись с производящими основами, что слова с ними воспринимаются как непроемные и неразложимые [Большдт 1983: 28-30]: *kēdaŋ* ‘иней’, *sundjir* ‘свисток’.

Исходя из этого, при анализе вариантов лексем со значением ‘глаз’: *sajji*, *sajjip*, *sajja*, *sajje* – *saj*; *sājop* – *sāj*; *χaji*, *χajop* – *χaj*, можно говорить, с одной стороны, о сокращении основы *sajji* > *saj* за счет элизии конечного гласного, и, с другой стороны, о расширении основы за счет суффикса *-p*, сохраняющего основу от разрушения. Параллельные варианты подобного рода имеют место в селькупских диалектах в других случаях: об. Ш *sj*, кет. *siji* ‘ржавчина’; об. Ч *qaj*, вас. *qajje*, *qāj* ‘уха’; об. С *qojje*, *qoju*, тым. *qojl* ‘седой’; тым. *kojjeju*, *kojegu* ‘ходить’; ср. об. С *qojje*, об. Ш *qoja* ‘круг’.

Обыденные значения лексем *saj* и *χaj* актуализируются в следующих контекстах: вас. *tabə χajgalik ež'emba* ‘он слепым стал’; кет. *essem sajlat tumba, qumba* ‘мой отец глаза закрыл, умер’; об. С *eraj qunnan sejdə soŋ as qožernət* ‘у старого человека глаза плохо видят’; об. Ч *χajp įbalžugu* ‘прищурить глаза (букв. глаз)’; об. Ч, Ш *nadek udinde laqal'ž'embat, tab χajomdį nēmbat*. ‘девушка рукой дотронулась, он глаза открыл.’, *nadek qič'batpa, pötpil š'ib imbad, χajojindį čupalbat*. ‘девушка испугалась, схватила горячую золу, бросила ей (медведице) в глаза.’ [Сказки 1996: 25, 35, 100, 109]; тур. *edītə sajkitil' irayotat soma engoat* ‘слова безглазого старика добрые’, *imīt sajkoal eza* ‘его мать слепая была’, *ma sajkap s'earil'ipį al't'isa* ‘в мой глаз соринка попала’.

Этимологически лексема *saj* ‘глаз’ относится к числу слов уральского происхождения. Корни этих слов являются общими как для самодийских, так и для финно-угорских языков: **silmä* – *selk*. Та. *sai*, *saj*, Ке. *sai*, N *hai* [Rédei 1988: 479].

Лексемы *saj* и *χaj* ‘глаз’ выступают центром словообразовательного гнезда: об. С *sejalgu* ‘сглазить’, *sejgulžugu* ‘ослепиться’, *sejgədə* ‘слепой’, *sejgələmgu* ‘ослепнуть’; вас. *s’ejgidiṃgu* ‘ослепнуть’; кет. *sajjegədi* ‘слепой’, *sajjedi* ‘глазной’, *sajjimžugu* ‘мозолить глаза’; об. Ч *χājga*, *χajgəda*, *χajgədəl* ‘слепой’; ел. *tebənmiṃit okur saj eṃa* ‘у него один глаз’, *pil’esai kup* ‘одноглазый человек’.

От сомонимов *saj* и *χaj* ‘глаз’ образованы:

а) составные наименования: кет. *sajjint tūda*; *sajjinda tut* ‘бровь (букв. ‘глаза-его волосы)’’, ‘ресница’, *sajjin ünžin* ‘бровь (букв. ‘глаза ободок)’’, *sejjin qaj* ‘слеза (букв. ‘глаза слеза)’’; об. Ш *sajt par* ‘бровь (букв. ‘глаз-его верх)’’, *sajt kat* ‘веко (букв. ‘глаз-его лоб)’’, *sajt sajg* ‘зрачок (букв. ‘глаз-его середина)’’; ел. *motkij saj* ‘глазница (букв. ‘внутренний глаз)’’; об. Ч *χajit č’ib* ‘белок глаза (букв. ‘глаз-его край)’’, *č’ayə χaj* ‘бельмо (букв. ‘белый глаз)’’; тым. *χajt nu* ‘ресница (букв. ‘глаз-его бровь)’’;

б) сложные существительные: об. Ш *saj-nu* ‘ресница (букв. ‘глаз-бровь)’’, *saj-nug* ‘бровь (букв. ‘глаз-шея)’’, *saj-par* ‘бровь (букв. ‘глаз-верх)’’, *saj-tar* ‘ресница (букв. ‘глаз-шерсть)’’;

в) сложные прилагательные: тур. *kold’a-saj* ‘косоглазый’; об. Ш *kolži-saj*, *qolže-saj* ‘косоглазый’, *p’il’e-saj* ‘одноглазый’, *saj-godi*, *saj-galk*, *saj-galiṃ*, *saj-gədimə* ‘слепой’; вас. *qolžə-χajje* ‘косоглазый’, *χaj-galiṃ* ‘слепой’; ел. *p’el’i-saj* ‘одноглазый’; кет. *sai-gədi*, *saje-gədi* ‘слепой’, *saj-jedi* ‘глазной’; тым. *sāj-gedil* ‘слепой’; об. Ч *χāj-ga* ‘слепой’, *χaj-galq*, *χaj-gəda*, *χaj-gədəl* ‘слепой’;

г) составные прилагательные: тур. *qottə sajil* ‘косоглазый’, *sey sajel* ‘черноглазый’; об. Ш *qöt sajji*, *p’igolb’i sajlaže* ‘косоглазый’; кет. *n’arəgə sai*, *kippilaj saji* ‘косоглазый’; тым. *patl sajjit* ‘сероглазый’; об. С *sē sejje* ‘черноглазый’;

д) глаголы: кет. *saj-jimžugu* ‘мозолить глаза (букв. ‘быть все время на глазах)’’; вас. *s’ej-gigimgu* ‘ослепнуть’.

Сложные слова являются исторически устойчивыми словосочетаниями, слияние компонентов последовало в связи с фонетическими процессами. В синхронии их словообразовательная модель соответствует сочинительному типу: глаз-дуга ‘бровь’; глаз-волосы ‘бровь’ и т.д. Тот же способ словообразования с лексемой ‘глаз’ встречаем в других языках, например: англ. *eye-lid* ‘веко’, *eye-lash*

‘ресница’, *eye-brow* ‘бровь’, *eye-sight* ‘зрение’; коми *sin-kim*, *sin-tas* ‘бровь’, *sin-kol’k* ‘глазное яблоко’; удм. *sin-kim* ‘слеза’, *sin-pum* ‘край глаза’, *sin-č’eber* ‘зрачок’; нган. *sejmi-sjr* ‘бельмо’.

Названия глаза входят в качестве составного компонента в устойчивые словосочетания: тым. *sejondə qogu* ‘увидеть (букв. ‘глазом-его найти)’; об. Ч *χajjomdə βes’ čayek m’egu* ‘промозолить глаза (букв. ‘глаз-его весь белый сделать)’; ел. *saindij qur* ‘уголок глаза’ (букв. ‘глаза-его угол’).

Название глаза в селькупском языке является основой значительного числа антропоморфных метафор. Так, для слов *saj*, *sej*, *s’ej* и *χaj* отмечены следующие метафорические значения: кет. *saj* ‘петля (сети)’ (*poqit saj* ‘петля сети’), ‘луч’ (*atuēatə t’ēljn sailat* ‘показались лучи солнца’); об. С *sej* ‘ячейка (сети)’ (*poqən sej* ‘ячейка сети’); тым., вас. *s’ej* ‘зерно’ (*suljn* ‘овсяное зерно’); об. Ч *χaj* ‘капля’ (*χoromžet χaj* ‘капля дождя’, *üdjit χaj* ‘капля воды’); ‘крупинка’ (*n’u’idil χaj* ‘икринка’ (букв. ‘сладкая крупинка’), *šaqit χaj* ‘крупинка соли’); ‘ядро’ (*feškīt χaj* ‘ядро ореха’).

В селькупском языке лексемы *saj* и *χaj* подверглись десемантизации, стали обозначать единичность предметов, выступая в качестве суффикса, например, таз. *tüs-saj* ‘огнилка’ (букв. ‘огонь-глаз’), *syry-saj* ‘снежинка (букв. ‘снег-глаз’), *pül’-saj* ‘градинка’ (букв. ‘каменный-глаз’), *soryntät-saj* ‘капля дождя (букв. ‘дождя-капля’)’ и т.д. [ОчСЯ 1980: 41]. В нганасанском языке, по утверждению Е.П. Больдт, компонент ‘глаз’ также служит для выделения отдельной частицы определенной однородной массы: нган. *tuθaj* ‘искра (*tuj* ‘огонь’, *θejmi* ‘глаз’)’; энец. *tuθ’a*, *tuš’a* ‘зола (когда еще угли)’; ненец. *tuselabta(s’)* ‘сделать так, чтобы огонь горел тускло’; сельк. *pö-saj*, *pü-sej* ‘бисер’, ‘бусы’; нган. *baθuj* ‘костер’, *sej-midi* ‘очки (наглазники, сделанные из тонкой жести/фольги, пользуются ими только мужчины зимой во время охоты)’, ‘повязка (красная, обрядовая с двумя черными бусинками на месте глаз, повязывается покойнику на глаза)’, *sejmibäj* ‘ресница’; энец. *θejitu* ‘ресница’ [Больдт 1987: 5].

В селькупском языке можно найти еще много аналогичных примеров: вас. *χirit-χaj*, *č’jöβit-χaj* ‘снежинка’, *č’obər-χaj* ‘ягодка’, *üdjit-χaj* ‘капля воды’; об. Ч *kat-χaj* ‘чешуйка’, *fešqit-χaj* ‘орешек’, *tüt χaj* ‘искра’; кет. *koraj saj-jika* ‘песчинка’; об. Ш

kjč'ka-saj, *qışqa-saj*, *nut saj* об. Ч *kışka-saj*, *qaşqat-χaj*, *qaşqa-χaj*, *qışqa-χaj*, *qəşqa-χaj* об. С *qışqa-sej*, тым. *qışqa-sej* ‘звезда’; об. Ш, об. Ч *pö-saj*, *pös-saj*, тур. *püs-saj*, ел. *püs-sej* ‘бисер’, ‘бусы’. Исходя из значений данного ряда лексем, можем говорить о том, что компоненты *saj* и *χaj* используются для обозначения отдельной мелкой части однородной массы. Коннотативное значение ‘мелкий’ для лексем *saj* и *χaj* выявляется при проведении компонентного анализа слов, в структуру которых они входят (при *j ~ l*): вас. *χel'ak* ‘мелко’, ‘на куски’; об. Ч *χiläl*, *χil'el* ‘мелкий’: *χil'elfäräd* ‘мелкий дождь’; тым. *sel'aχ* ‘порох’.

Компоненты *saj* и *χaj* ‘глаз’ присутствуют в селькупских названиях рыболовных принадлежностей: кет. *βarq sajjı poŋgi* ‘ахан (сеть на осетров)’, *poŋgəp sajjı* ‘ячейка (сети)’; об. Ч *poqəχaj* ‘сеть (с узкими ячейками для ловли рыбы круглый год)’; тур. *poqə kibl'a sajsə* ‘сеть с мелкими ячейками’; тым. *saiβ* ‘невод’, *saiβküχ* ‘грузило (к неводу)’. В хантыйском языке название *глаза* ‘sem’ активно употребляется для обозначения ячейки в неводе, в рыболовной сети, в орудиях охоты и рыболовства: *sem* ‘отверстие сети’, *sojəp sem* ‘ячейка в неводе’ (букв. ‘глаз невода’) – *jŋk iLpi sot sem* (*χoLəp*) ‘под водою сто глаз (загадка)’ (отгадка – *χoLəp* ‘рыболовная сеть’); *wür sot sem* (букв. ‘кровь-сто-глаз’) (отгадка – *piAt* ‘сеть-перевес’) [Рябчикова 2008: 126]. То же имеет место в других финно-угорских языках: манс. *vit ёлыпал сām сам* ‘под водой семь глаз (загадка)’ (отгадка – сеть); коми *син-кулём син* ‘ячейка в сети’; фин. *silmä* ‘ячейка рыболовной сети’; ненец. *поңка хём* ‘ячейка сети’ [Бармич 2002: 287].

В селькупском фольклоре встречаются имена злых существ, в основе которых выделяются компоненты *saj*, *χaj* ‘глаз’. Во всех их именах прослеживается та или иная аномалия, связанная с глазами. Они могут быть косыми, например, наименования *qabilži saj tudo* (Чая), *qabilže sajjin tutto* (Кеть), *qälde saji todla* (Обь: Ив.) ‘косоглазый карась (караси)’ выступают в паре с *qabilžj saj p'ār* ‘косоглазая утка’ (Чая) / *qabilde sajjin pūrja* ‘косоглазая утка-гоголь’ (Кеть). Такими существами пугала подрастающего *Иттю* бабушка, запрещая ему плавать самостоятельно вниз по течению, где обитал людоед: об. Ч, Ш *Al'd'igat massimba*: “*Taq əkkj qβajal'end, a tām qβajal'end! Taqqit koldisajji todla, a tämmit sβāsajji todla*” ‘Бабушка сказала: «Вниз

по течению не ежай, а вверх по течению ежай, в низовье косоглазые караси, а в верховье караси с нормальными глазами», (Идя съездил вверх и вниз по течению, привез карасей.) *Al'd'igand ədžalgumba: "Todla βēs' okkīrnādi saji todla, koldžisaji t'angβa"* 'Бабушке говорит: «Караси все с одинаковыми глазами, косоглазых нет» [Сказки 1996: 25, 35, 100, 109].

У существ потустороннего мира количество глаз может отличаться от нормы: *nāgur χajjil' lōχo* 'трехглазый черт', *oksaji lōzi* 'одноглазый дух' – дух-великан, обитающий в пещере, *ukkiŋ saji lōsi* 'одноглазый черт' [Тучкова 2004: 208, 226, 295]. об. Ч, Ш *Īd'en n'enn'at t'url'e āmdikkumba, lərl'e: "Okkiŋsaji lōz bī tone, mat okkiŋsaji lōz qumne qβanneŋ"* 'Сестра Иди сидела, плакала и пела: «Одноглазый черт бы пришел, я бы за одноглазого черта замуж бы вышла», *Okkiŋsaji lōz tōmba, Īd'en n'enn'at qonžirbat okkiŋsaji lōziŋ, kiŋ'βātpa* 'Одноглазый черт пришел. Сестра Иди увидела одноглазого черта, испугалась' [Сказки 1996: 25, 35, 100, 109]; вас. *ukkiŋ χaj qātqəndə amda* 'один глаз на его лбу находится'.

С некоторыми духами нельзя встречаться взглядом, так как этот взгляд смертелен для человека [Головнев 1995: 506]. Защитой человека от воздействия злых духов в представлении селькупов является дерево *χaj n'ary* 'рябина (букв. 'красный глаз')'. Согласно селькупской мифологии рябина дает свет в темноте и тем самым отгоняет злых духов [Тучкова 2004: 302].

Исследуемый языковой материал показывает, что названия глаза в селькупском языке представлены большим количеством фонетических вариантов, среди которых выделяются две основных формы: *saj* и *χaj*. Данные сомонимы участвуют в образовании названий не только частей тела человека, но и других объектов окружающей действительности. Кроме того, лексемы *saj* и *χaj* используются в качестве суффиксов, обозначающих отдельную мелкую часть однородной массы.

В результате лингвокультурологического анализа названий глаза в селькупском языке было выявлено, что по особенностям глаз можно определить принадлежность существа к миру людей или миру духов. Глаза – это орган, через который человек может, как пострадать, так и оградить себя от бед. Таким образом, глаза являются символом связи между миром людей и миром духов.

Для получения более полного представления о роли глаз в селькупской культуре необходимо провести лингвокультурологический анализ наименований глазного яблока и зрачка.

3.2.3.2.1 Названия брови, ресницы и века

Во многих языках названия брови, ресницы и века представлены описательными терминами, в которых содержатся компоненты-сомонимы. Не являются исключением и языки коренных народов Сибири, например: ен. *karax-ek, karaki ekŋ* ‘бровь’ (букв. ‘лба-волосы’, *karak* ‘лоб’, *-i* формант генитива, *ek* (мн.ч. *ekŋ*) ‘волосы’) [Клопотова 2002: 139]; хант. *säm pot* ‘веко’ (букв. ‘глаз-край’) [Рябчикова 2008: 53]. Для выявления особенностей селькупских номинаций брови, ресницы и века необходимо провести лингвокультурологический анализ сомонимов, обозначающих данные части тела человека.

В селькупском языке зафиксированы одни и те же языковые единицы для обозначения брови, ресницы и века. Названия данных частей тела являются сложными словами или словосочетаниями, в состав которых входят лексемы *saj* или *χaj* ‘глаз’. Их можно условно разделить на несколько групп: 1) об. Ч, вас. *ni, nudə* ‘бровь’ [СРДС 2005: 151]; 2) об. Ч, вас., тым. *χajtŋu* ‘ресница’; об. Ч *sajnumd* ‘веко’; вас. *χainnu*, об. Ш *sajnu, sajnug* ‘бровь’; 3) ел. *sajn öñžil, sajn ünditə*; кет. *sajin ünžij, sajin inžal* ‘бровь’, ‘ресница’; 4) кет. *sajində tut, sajint tūdə* ‘бровь’, ‘ресница’; 5) об. Ш *sajpar, sajtpar* ‘бровь’; 6) об. Ш *sajtar*, таз. *sajtar (õpty)* ‘ресница’ [ОчСЯ 1980: 50]; 7) таз. *sajyn üntyl’ tar* ‘бровь’ [ОчСЯ 1980: 50]; 8) об. Ш *sajtkat* ‘веко’ [СРДС 2005: 206]; 9) таз. *sajyn qanyk* ‘веко’ [ОчСЯ 1980: 50]; 10) ел. *sajndə qal’d* ‘веко’ [СРДС 2005: 206].

Первая группа лексем представлена простыми названиями об. Ч, вас. *ni, nudə* ‘бровь’, внутренняя форма которых затемнена. Полагаем, данное слово было образовано в период существования селькупского как отдельного языка, так как форма данной лексемы не совпадает с названиями брови в других самодийских

языках. Дериватами сомонима *nudə* выступают лексемы вас. *nudə*, ср. вас. *nudəl* ‘с бровями’.

Данная лексема входит в качестве составного компонента в сложные названия ресницы и брови об. Ч, вас., тым. *χajt-nu*, вас. *χain-nu* (букв. ‘глаза-бровь’), об. Ш *saj-nu* (букв. ‘глаз-бровь’). Компоненты *-numd*, *-nug* в сомонимах об. Ч *saj-numd*, об. Ш *saj-nug* также происходят от названия брови *nu*. Таким образом, буквальным значением рассматриваемых сложных слов является ‘глаз-бровь’.

В названиях третьей группы особый интерес представляет компонент *-ində* и его диалектные варианты ел. *önžj-l*, *üнди-tə*; кет. *saj-ində*, *ünžj-η*, *saj-int*, *inža-l*. Для данного компонента восстанавливается обобщенное значение ‘дуга’, которое восходит к уральской праформе **joŋ(k)sə* ‘дуга’ – selk. Та. *îndə*, *ində*, Ке. *ênddə*, *ê-nddä*, N *ênd* [Rédei 1886a: 101]. Оно стало базовым при формировании названия ‘лук’: кет., тур. *înd*, *îndj*; об. Ч, тым. *îndə*, *înzə*; об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *ənd*, *əndə*; тым. *əndə* ‘лучок для люльки’. В других фонетических вариантах она имеет следующие значения: об. Ш *önd*; об. Ч *öndə* ‘дуга’, ‘лук’; кет. *ünže* ‘ободок вокруг куженьки’; ел. *en’č* ‘облучок (нарты)’. Данная лексема стала использоваться селькупами для обозначения брови и ресниц (в общей совокупности), так как обе части тела образуют ободок (дугу) вокруг глаза, аналогичную луку по форме. Таким образом, метафора лежит в основе формирования названия брови и ресниц первой группы.

В словосочетаниях ел. *saj-n önžj-l*, *saj-n ünditə*; кет. *saj-in ünžj-η*, *saj-in inžal* ‘бровь’, ‘ресница’ компонент *-(i)n* является грамматическим показателем родительного падежа. Таким образом, получаем буквальное значение данных названий ‘глаза-дуга’.

В структуре лексем *saj-int*, *saj-indj* (ср. кет. *sajint tūdə*, *sajindj tut* ‘бровь’, ‘ресница’) компонент *-int* подвергся десемантизации и стал суффиксом родительного падежа лично-притяжательного склонения [Беккер 1978: 32]. Получаем, что лексем *sajint* и *sajindj* стали обозначать ‘глаз-его’.

Компонент *tut*, выделяемый в сомонимах кет. *sajində tut*, *sajint tūdə* ‘бровь’, ‘ресница’ входит к уральской праформе **tulka* ‘перо’, ‘флигель’ – selk. Та. В *tuu*, Ке. *tú(u)*, N *tu* ‘перо’. На соответствие указывает долгота гласного *ū* лексем *tūdə*.

Полагаем, что использование одной лексемы для обозначения пера и брови, ресницы основано на аналогии качественных характеристик, описываемых предметов, т.е. в основу заложена идея о том, что данные объекты состоят из волос. Подобное внутреннее значение прослеживается в названии обшитой шерстью лыжи: кет. *tutaltol'd'i, tūdaltol'd'i* (ел. *told* ‘лыжа’) [СРДС 2005: 244]. Элементы *-t* и *-də* являются притяжательными суффиксами третьего лица единственного числа. Таким образом, сомонимы кет. *sajint tūdə, sajində tut* ‘бровь’, ‘ресница’ могут быть расшифрованы как ‘глаз-его волосы-его’.

В селькупском языке имеются и другие названия брови, ресницы и века. Они представлены сложными словами с разными вторыми компонентами. Например, в сомоним об. Ш *sajpar, sajtpar* ‘бровь’ в качестве второго составного компонента входит лексема *par* ‘верх’. В одном из данных вариантов она соединяется с основой *saj* ‘глаз’ при помощи суффикса притяжательности третьего лица единственного числа *-t*. Получаем следующие буквальные значения *saj-par* ‘глаз-верх’, *saj-t-par* ‘глаз-его-верх’. В рассмотренных названиях отражается положение, обозначаемой ими части тела.

Названия ресницы об. Ш *sajtar*; таз. *sajtar (ōpty)* интерпретируется как ‘глаз-волос/шерсть’ (кет. *tar* ‘волос’, ‘шерсть’; таз. *ōpty* ‘волос’), что передает качественную характеристику данной части тела. Словосочетание таз. *sajyn üntyl'tar* ‘бровь’ включает в себе информацию о форме и качественной характеристике описываемой части тела, так как имеет буквальное значение ‘глаза дуга волос’.

Веко может обозначаться лексемой об. Ш *sajtkat*, с буквальным значением ‘глаз-его-перед’. Значение ‘перед’ для компонента *-kat* выявляется при проведении анализа названий лба в селькупском языке (см. раздел «Названия лба»).

Словосочетание ел. *sajndə qal'd'* можно разложить на компоненты *saj-ndə qal'd'*, для которых восстанавливается буквальное значение ‘глаз-его слеза-его’, Компонент *qal'* совпадает с названием слезы об. С *qaj* [СРДС 2005: 65] (при регулярном чередовании *j ~ l'*), *-d'* является суффиксом притяжательности единственного числа третьего лица. Полагаем, что данный сомоним передает представление селькупов о месте образования слез.

Вариант названия века в тазовском диалекте *sajyn qanyk* можно буквально интерпретировать как ‘глаза край’, ср. тур. *qanyk* ‘берег’, т.е. край земли/воды.

Названия верхнего и нижнего века в селькупском языке представлены словосочетаниями: об. Ч *jnneqal xajt ni* ‘верхнее веко’ (букв. верхнее глаз-его веко, ср. об. Ч *jnneqal* ‘верхний’), *ill'eqal xajt ni* ‘нижнее веко’ (букв. нижнее глаз-его веко, ср. об. Ч *ill'eqal* ‘нижний’). Для тазовского диалекта зафиксированы другие названия аналогичных частей тела: таз. *sajyn topy* ‘нижнее веко’ (букв. ‘глаза нога’, ср. кет. *topi* ‘нога’), таз. *sajyn qotra* ‘верхнее веко’ [ОчСЯ 1980: 50].

При проведении лингвокультурологического анализа названий брови, ресницы и века было выявлено, что в них интегрированы идеи о форме (бровь, ресница), качественной характеристике (бровь, ресница) и местоположении (бровь, веко) описываемых частей тела.

3.2.3.2.2 Названия глазного яблока и зрачка

Согласно лингвокультурологическому анализу селькупских названий *saj*, *xaj* с обобщенным значением ‘глаз’, данная часть тела является каналом связи с миром духов. Сомонимы, обозначающие части глаза (глазное яблоко и зрачок), имеют сакральное значение в культуре, что подтверждается лингвистическими и этнокультурными материалами.

В селькупском языке названия зрачка представлены следующими сложными лексемами: об. Ш *sajtsajg*; ел. *sajput'it*; об. Ч *xajitkβa* [СРДС 2005: 206]; таз. *sajyt pi* ‘зрачок’ [ОчСЯ 1980:50]. Представленные сомонимы различаются вторыми компонентами. Компонент *-sajg* первого названия об. Ш *sajtsajg* ‘зрачок’ материально совпадает с лексемой об. С *sajga*; об. Ш *sajgi*, *sajgət* ‘середина’, ‘центр’.

Второй компонент следующего названия зрачка *saj-put'-it* выделяется в таких сложных наименованиях, как тур. *setqit-puti* ‘ядро ореха’; об. Ш *n'ab'it-puž* ‘желток яйца’; об. С *pon-puža* ‘почка дерева’. Данные лексемы свидетельствуют о том, что компонент *-put* обладает значениями ‘ядро’, ‘зерно’, ‘почка’. Данные объекты являются символами зарождения новой жизни. В селькупской культуре началом

любой жизни является душа. Таким образом, считаем, что компонент *-put* обладает внутренним значением ‘душа’. Кроме того, рассматриваемый компонент лежит в основе селькупского слова тур. *puta* ‘душа’ [СРДС 2005: 198].

Компонент *qba* названия *χajitqba* материально совпадает с основами лексем об. Ш, Ч *kβej*; кет. *kβejgu* ‘дышать’, ‘вздохнуть’; об. С *qβaj*; кет. *qβej* ‘душа’, ‘дыхание’, а также с компонентом *qβe* в названии стрелы с железным наконечником об. Ч *indəl qβe* ‘наконечник лука’. Первобытное мышление соединяет эти понятия. Так рождается культурная реалья: «Старуха посылает на конце солнечного луча человеческую душу в тело новорожденного ребенка» [Пелих 1998: 9]. Полагаем, что для второго компонента *-kβa* составного названия *χaj-it-kβa* ‘зрачок’ восстанавливается значение ‘зародыш’.

В этом отношении представляет интерес зафиксированные Н.В. Поляковой реакции пассивно владеющих селькупским языком, а именно: ассоциация «солнце – луч», актуализирующая древнейшие представления селькупов о живоносной функции солнечного луча [Полякова 2005: 59]. Ср. в этой связи мнение Н.Д. Прокофьевой: «Название солнечного луча совпадает с термином «душа» – *ilsat* (где *il* – основа глагола ‘жить’ – *iljgo*; *-sat* – старинный самодийский суффикс отглагольного имени орудия действия), что значит ‘то, чем живет человек’. Только тогда, когда на женщину падает луч солнца, в ней зачинается новая жизнь – ребенок. О значении солнца говорит и поговорка селькупов: *k'elijtj qumjt werjnit*– ‘солнце людей содержит (опекает)’» [Прокофьева 1976: 107].

Второй компонент словосочетания таз. *sajyt pü* ‘зрачок’ является отдельным словом со значением ‘камень’ об. С, Ш, тым., ел., тур. *pü*. Аналогичный компонент входит в состав названия глазного яблока об. Ч *χajt pö* [СРДС 2005: 268], ср. об. Ш, Ч, вас., тым. *pö* ‘камень’. Данные сомонимы можно буквально интерпретировать как ‘глаз-его камень’. В селькупской культуре камень и женщина объединяются в своей способности «родить». Это сближение отражено в именах нескольких фольклорных героев, например: *Püneβalde* ‘каменная бабушка’, гигантская птица *Püne* (*pü-nē ‘камень-женщина’). Считается, что камень может родить железо и огонь [Тучкова 2004: 246]. Другой диалектный вариант названия глазного яблока таз. *sajyn püllaka*

оформлен компонентом *-laka* ‘нечто круглое’, ‘шарик’, что подчеркивает форму описываемой части тела.

Лингвокультурологический анализ названий зрачка в селькупском языке свидетельствует о том, что в данные сомонимы интегрированы идеи о местоположении рассматриваемой части тела – ‘середина’ (об. Ш *sajtsajg*) и мифологических представлениях селькупов о возникновении новой жизни – ‘зародыш’ (об. Ч *χajitkβa*), ‘душа’ (ел. *sajput’it*), ‘рождающий камень’ (таз. *sajyt pū*). Зрачок в представлении селькупов является символом зарождающейся жизни. Смыслы, заложенные в название глазного яблока, аналогичны символике зрачка.

Проанализировав представления, заложенные в названия зрачка и глазного яблока, можем прийти к выводу, что глаз ассоциируется у представителей селькупского этноса с беременной утробой, т.е. зрачок – это душа, зародыш, а глазное яблоко является егоместилищем. Согласно селькупской мифологии, жизнь даруется людям богами, следовательно, глаз является каналом, принимающим жизнь из Верхнего мира.

3.2.3.3 Названия носа

При анализе языкового материала селькупского языка нами был выделен ряд лексем со значением ‘нос’. Сомонимы этого ряда можно условно разделить на 3 группы: 1) О. *noc*’, N.; *pöt*, MO.; *putte*, K., NP.; *putö*, Tsch.; *puto*, OO. ‘нос’ [Castrén 1855: 255]; Turuchansk. *puia*, Narym. *puč*, Ket. *puč*, Tymische. *puč* ‘нос’ [187, с. 42-44]; таз. Ту. *pučče*, Ке. *put’t’e* ‘нос’ [Erdélyi 1969: 196]; кет. *puttj* ‘нос’ [Алатало 1998: 114]; об. Ш *pod’it*, *pož’it*, *pož’et*, *pud’*, об. С, Ш *pod’*, вас. *pot’*, об. Ч *pož’*, *puž’*, *puže*, *puž’et*, *puč’it*, об. С *pud’it*, тым. *put’*, кет. *put’t’e*, *puč’č’at*, об. С, тым. *puč’* ‘нос’ [СРДС 2005: 190]; 2) О. *ynžel*, Jel., В., Tas.; *inžel*, Kar. ‘нос’ [Castrén 1855: 255]; Am Tas. *unžel* ‘нос’ [187, с. 42-44]; таз. *įntäl* ‘нос’ [Erdélyi 1969: 52, 196]; тур. *intə*, *inde*, ел. *inže*, *in’č’i*, тур., ел. *įndel* ‘нос’ [СРДС 2005: 30]; 3) таз. *ukj*, *ūkj* ‘нос’ [Erdélyi 1969: 282]; об. Ш, кет., вас. *ug*; ел., тур. *ugj*; ел. *ūgijj*; кет., тым. *ūgə*; об. С, тым. *ugə*; об. С, вас., тым. *ūgət*; об. С, Ч, ел. *ūk* ‘нос’ [СРДС 2005: 13].

Значения данных лексем актуализируются в следующих обыденных контекстах: вас. *tab pud'emd šer'etĩmbad* 'он нос высморкал'; об. Ч *mat pož'e aptalbat* 'я носом нюхаю'; ел. *tep ĩndel's'e asa kĳjerna* 'он носом не дышит', *tam inžet ĩlyaj p'il'aqandĳ* 'под твоим носом'.

Благодаря процессу метафоризации сомонимы, обозначающие нос человека, могут использоваться для номинации носа животных или клюва птиц: таз. *ĩntal'tĳ čāti werqĳ hobot eĳa* 'в качестве носа у него (слона) есть хобот', *tĳpĳl ukĳiti āntĳšimĳil' eĳa* 'его (орла) клюв сильный' [Erdélyi 1969: 52, 282]; об. Ч *kanak pože aptalbat* 'собака носом чует'. Аналогичные случаи находим и в других языках народов Сибири, например: хант. *noA* 'нос (человека)', 'клюв (птицы)' [Рябчикова 2008: 96].

Первая группа сомонимов восходит к самодийская праоснове **pija ~ *puja* 'нос' – sk. (C) N *pudš*, K *puttje* [Janhunen 1977: 122]. Лексеммы об. Ш *pod'it*, *pož'it*, *pož'et*, об. Ч *puž'et*, *puč'it*, об. С *pud'it*, кет. *puč'č'at* представляют собой сложные названия с буквальным значением 'нос-его', в которых второй компонент *-it* является суффиксом притяжательности третьего лица единственного числа.

При проведении анализа зрачка нами было выявлено, что компоненту *pit* присуще внутреннее значение 'душа' (см. раздел «Названия глазного яблока и зрачка»). В селькупской культуре полагают, что нос является местом обитания души. Поэтому герои селькупского фольклора перед боем с покойниками оборачивают нос берестой, которая считается оберегом от злых духов [Прокофьев 1935: 104]. Они отрезают нос у побежденных врагов, для того, чтобы враги не смогли ожить [42, с. 142]. Носы животных служили оберегами, например, утиный нос клали в сумку, где хранилась душа (*куай*). Селькупы полагают, что эта душа переселяется из тела отца в тело сына и потому нуждается в особой охране от злых духов [Пелих 1998: 55].

В селькупской мифологии нос с характерными особенностями присущ чертям, способным творить добрые дела. Например, Дед с чумом (*мэссымыль ильча*) весь покрытый шерстью и имеющий нос, достигающий до крыши спасает героя *Ию* от чудища *Ōkĳlā*. В другом рассказе герой селькупского фольклора *Ий*, поборов злого черта, отрезал его нос и сделал его своим безносом товарищем – *Īntäl' kĳitĳl' keč'a* 'безносый товарищ (букв. 'безносый племянник')' [Тучкова 2004: 323]. Подобные

контексты могут свидетельствовать о том, что наличие (отсутствие) носа является индикатором наличия (отсутствия) души, а размер носа – ее силы.

Сомоним *puđ* ‘нос’ и его диалектные варианты являются основой номинаций частей носа: об. Ш *puđ'it čənž*, *puđ'itsajg*, тым. *puč'ičonž* ‘переносица (букв. ‘нос-его-середина’, ср.: об. Ч *čonžj* ‘середина’, об. С *sajga* ‘середина’); об. Ш *puđ'it šund* ‘ноздря (букв. ‘нос-его нутро’, ср.: вас., тым. *šund'e* ‘нутро’).

Вторая группа сомонимов представлена диалектными вариантами с основой *ində*. При проведении лингвокультурологического анализа брови, ресницы и века, для компонента *-ində* и его диалектных вариантов было выявлено обобщенное значение ‘дуга’ (см. раздел «Названия брови, века и ресницы»). Полагаем, что при обозначении носа рассматриваемой лексемой селькупы исходили из особенности его формы: тур., ел. *įndel'* ‘нос’ (букв. ‘имеющий форму дуги’).

В случае с сомонимом *įndel'* мы можем говорить о конверсии, так как он может использоваться и в качестве имени прилагательного тур. *indəl'* ‘носатый’ [СРДС 2005: 30]. От него образованы другие прилагательные, например: тур. *įndel'koal*, *įndel'kiłil* ‘безносый’. Кроме того, слово *įndel'* является основой номинации ноздри ел. *įndel't mü* ‘ноздря (букв. ‘нос-его отверстие’)', которая включает в себя в качестве составного компонента лексему кет. *n'u*, ел. *m'u*, кет., тур. *mü* ‘отверстие’, ‘дыра’ [СРДС 2005: 157].

Варианты названий носа третьей группы с основой *ug ~ uk* берут начало от уральской праформы **ukz (okz)* ‘голова’ – selk. Та. *uug (uuk)*, NP *uugə* ‘край’, ‘губа’, N *uug* ‘край’, ‘конец’, Tur. *ūkij* ‘носовая часть лодки’, ‘губы’ [Rédei 1988: 542]. Значения наличествующие у лексемы в уральский период может свидетельствовать о том, что основой для номинации носа послужило его переднее местоположение.

Кроме того, особенность положения носа относительно лица задействована в номинациях выдающихся вперед частей объектов. Как нос выступает впереди лица, так и описываемая данным сомонимом часть объекта выступает впереди поверхности этого объекта: об. Ш, кет., вас. *ug*; ел., тур. *ugj*; ел. *ūgiti*; кет., тым. *ūgə*; об. С, тым. *ugə*; об. С, вас., тым. *ūgət*; об. С, Ч, ел. *ūk* ‘передний конец’, ‘край’, ‘острие’, ‘нос’, ‘нос (лодки)’, ‘клюв’, ‘губа’, ‘уста’, ‘мыс’ [СРДС 2005: 13]: таз. *antit*

ukoqit ‘в передней части ботинка (нос ботинка)’ [Erdélyi 1969: 282]. Подобные второстепенные значения зафиксированы и для двух предыдущих групп лексем с основным значением ‘нос’: 1) об. Ш *pod’it, pož’it, pož’et, pud’*, об. С, Ш *pod’*, вас. *pot’*, об. Ч *pož’*, *puž’*, *puže*, *puž’et*, *puč’it*, об. С *pud’it*, тым. *put’*, кет. *put’t’e*, *puč’č’at*, об. С, тым. *puč’* ‘нос’, ‘нос (лодки)’; 2) тур. *intə, inde*, ел. *inže, in’č’i*, тур., ел. *indel’* ‘нос’, ‘нос (лодки)’: об. Ш *okır amñimba andjt pūžot* ‘один человек сидел на носу лодки’ [СРДС 2005: 30, 190].

Аналогичное употребление наименования носа для обозначения выступающих вперед частей объектов находим и в других языках: хант. *an’kjtš njr* ‘росток гороха’ (букв. ‘нос-гороха’), *sumat noA* ‘березовый мыс’, *xor noA* ‘передняя часть лодки’ (букв. ‘нос-лодки’) [Рябчикова 2008: 82-96]; ен. *tidolin* ‘нос лодки’ (букв. ‘лодки-нос’) [Клопотова 2002: 133].

Компонент *ug* входит в качестве составного компонента в: наречия – об. С *igon, ugun*, об. Ш, Ч *ugot, uyot* ‘раньше’, ‘сначала’, ‘впереди’; об. Ч *ugotal, uyottal* ‘тот раз’; об. Ч *ugotal’ž’e* ‘тогда’; имена прилагательные – об. С *igoj*, об. Ч *ugol*, об. Ч, тым., тур. *ugol’* ‘прежний’, ‘старый’; словосочетания – вас. *ugot ir* ‘очень давно’, ‘в старину’. Обращают на себя внимание значения ‘впереди’ и ‘раньше’, ‘прежний’, ‘старый’. Согласно представлениям древних людей, прошлое находится впереди человека, а будущее позади, так как прошлое людям уже известно (т.е. они его видели), а будущее неизвестно (оно спрятано за спиной) [Сузукей 2009; Бурштейн 1985]. Аналогичное мировосприятие присуще и селькупам, о чем свидетельствуют значения вышеперечисленных производных слов от лексемы *ug*.

Исследованные лингвистические и этнографические материалы позволяют утверждать, что в селькупской культуре нос является связующим звеном между Средним и Верхним мирами, так как именно в нем обитает одна из жизненных душ человека. Данная информация интегрирована в лексему *pud’* ‘нос’, которая является единственным названием носа, имеющим сакральное значение. Вариант названия носа *inde* является описанием формы носа, а лексема *ug* передает идею об особенностях расположения данной части тела. Последние названия используются только в обыденных значениях, так как в них не обнаружена мифопоэтическая

составляющая. Названия носа обладают метафорическими значениями, основанными на сходстве особенностей расположения носа и некоторых объектов окружающей действительности.

3.2.3.4 Названия щеки

Во многих культурах щекам, по сравнению с другими частями лица, такими как глаз, нос, рот, отводится второстепенная роль. По этой причине при анализе соматической лексики описанию номинаций данной части тела не уделяется особого внимания. В селькупском языке названия щеки являются интересным материалом для лингвокультурологического анализа, так как исследование данных сомонимов позволяет раскрыть мировоззрение селькупов.

В различные временные периоды были зафиксированы следующие лексемы для названия щеки в селькупском языке: О. *pudal*, N.; *pudöl*, Tsch., OO.; *putal*, NP.; *putel*, Jel., B., Tas., Kar ‘щека’ [Castrén 1855: 300]; Narym. *pudal*, Ket. *pudal*, Tымische. *pudal* ‘щека’ [187, с. 45-47]; таз. *putiła* ‘щека’ [Erdélyi 1969: 197]; кет. *pūdīl* ‘щеки’ [Алатало 1998: 146]; об. Ш *pudəl*, об. Ч *pudəlž*, ел. *put’i* ‘щека’ [СРДС 2005: 196].

Обыденные значения лексем актуализируются в таких контекстах как: об. Ч, Ш *Tabi manñımbad: na nehyunnan pudal tü ambat*. ‘Она смотрит: у этой женщины щека обожженная’ [Сказки 1996: 119]; таз. *mat putılanı çiri telırqolapsı* ‘(птичка) начала ластиться к моей щеке’ [Erdélyi 1969: 197]. Представленные сомонимы используются также для обозначения щеки животного: таз. *lanķičiptäqintit putılijti tanķičikātīt* ‘когда лягушка квакает, обе ее щеки надуваются’ [Erdélyi 1969: 197].

В приведенных вариантах наименования щеки выделяется общий компонент *pud* ~ *put*, который восходит к уральской праформе: *poske ‘плечо’, ‘щека’ – selk. ТаU КеМ, Ту *pūtel*, Тур. *pūtīl* ‘щека’. В данном названии компонент *-l* является словообразовательным суффиксом [Rédei 1987: 396].

Вариант наименования *putiła* образован путем присоединения суффикса множественного числа *-la*, т.е. исходным значением данной лексемы является ‘щеки’. От основы *pud* образовано существительное тым. *pudul’ža* ‘пощечина’.

Кроме значения ‘щека’ лексема *puḍəl* и ее диалектные варианты имеют значение ‘порог’: об. Ш *māḍit puḍəlyit eppa kanak* ‘у порога дома лежит собака’ [СРДС 2005: 197]. Жилище человека в целом у селькупов является олицетворением мира живых, а внешний мир, находящийся за порогом дома, является символом чего-то непознанного, непонятного, неизвестного (возможно, именно там, за пределами жилища, где-то находится мир мертвых). Дверь жилища помогает разграничить «свой мир» – мир живых от «чужого мира» – мира мертвых [Булгакова 2003: 48]. Порог является естественной разделительной линией, отделяющей «свое нутро» от «наружи», и, как всякая граница, требует остановки. Поэтому относительно порога у селькупов существует ряд запретов: нельзя переносить мусор через порог после захода солнца, нельзя петь, когда шагаешь через порог [Тучкова 1999: 91]. Полагаем, что, по представлениям селькупов, щеки подобно порогу дома выступают символом границы между миром живых и миром мертвых. Олицетворением открытого канала связи между мирами является рот.

Культурологические данные свидетельствуют о том, что символ щеки как границы между мирами является более древним, чем аналогичное представление о пороге дома. Для оберега жилища от злых духов селькупы вырезают над входом знак «витой петли». Однако, изначально первопредки селькупов – древние люди (*квели*) – выкалывали этот знак себе на щеках [Пелих 1972: 121].

Проведенный анализ лингвистического и этнографического материала позволил выявить, что в селькупской культуре в сомоним *puḍəl* ‘щека’ интегрирована идея о символизме данной части тела. По представлениям селькупов, щека олицетворяет границу между Средним и Нижним мирами. Эту границу принято оберегать от злых духов, изображая на ней символы-талисманы.

3.2.3.5 Названия уха

Ухо представляет собой значимую часть тела в символизме. Со времен античности ухо считалось вместилищем памяти. На Востоке считают, что чем больше уши, тем длиннее жизнь и лучше здоровье человека. Ухо слышит «слово»

творения и ассоциируется с дыханием жизни. В египетском символизме правое ухо воспринимает «дыхание жизни», а левое – «дыхание смерти» [Горчаков 2007: 86]. Значимость данной части тела отражается в народных выражениях, например: рус. *сидеть по уши в долгах, влюбиться по уши, навострить уши* (быть на чеку).

В селькупской культуре уши играют важную роль, о чем свидетельствует лингвистический и этнографический материал, а также данные селькупской мифологии. Названия уха в селькупском языке представлены следующими диалектными вариантами: О. *ko*, N.; *kuo*, Tschl.; *ku*, Jel., B., Kar. ‘ухо’ [Castrén 1855: 258]; Turuchansk. *kuo*, Tomsk. *kuo*, Narym. *ka*, Ket. *ko*, Tymische. *ko* ‘ухо’ [187, с. 42-44]; таз. *kō*, *qo* ‘ухо’ [Erdélyi 1969: 97, 289]; кет. *qō* ‘ухо’ [Алатало 1998: 142]; об., вас., кет., ел., тур. *qo*, тур. *qotj* ‘ухо’ [СРДС 2005: 85, 94].

Согласно этимологическому словарю К. Редеев исследуемое название восходит к уральской праформе **kule-* ‘слышать’, ‘ухо’ – selk. Tur. *qō*, Ке. *qo*, Ту. *qō* [Rédei 1986a: 197]. В фонетических вариантах названий уха прослеживается чередование начального согласного *k ~ q* и корневого гласного *o ~ ō ~ a ~ u*. В некоторых диалектах присутствует вариант с двойной гласной Jel., Turuchansk. *kuo*.

Слово тур. *qotj* ‘ухо’ является сложным и представляет собой притяжательную форму, в которой *qo* ‘ухо’, а *tj* – суффикс притяжательности третьего лица единственного числа. Таким образом, буквальное значение лексемы – ‘ухо-его’.

Обыденные значения лексемы *qo* актуализируются в следующих контекстах: об. Ч *mat qom čəqōl'ešpar* ‘я уши прокалываю’; вас. *qoβut*, *quž aqqit č'už el'eqqiq*, *qonde šaralž eqaut* ‘наши уши, когда болят, в уши закапываем’; вас. *qō togalž ugu* ‘уши заткнуть’, кет. *qōlam saqelgu* ‘уши заткнуть’. Уши могут стать объектом наказания: об. С *qomda n'ež argu* ‘уши его надрать’. В селькупской культуре обращают внимание на размер ушей животных: таз. *qoqitj čumr eja* ‘его (теленка) оба уха длинные’ [Erdélyi 1969: 97, 289].

Сомоним *ko ~ qo* ‘ухо’ выступает центром словообразовательного гнезда. От данной лексемы образованы прилагательные: кет. *qogita*, ел. *qoget'ima*, об. С *kōgaljĭk*, тур. *kogadal'* ‘глухой’, букв. ‘уха-без’, где *-get'i*, *gita*, *-galjĭk*, *-gadäl'* – суффикс лишительности. Примечательно, что в селькупском языке одной лексемой

обозначается отсутствие возможности слышать и говорить: ел. *qogetij*, вас. *qogadəl* ‘глухой’, ‘немой’. Компонент *ko ~ qo* образует так же глаголы: об. С *qōgaləmžaku* ‘оглушить’; об. Ч *qogolımbıgu* ‘стать глухим’, ‘оглохнуть’; вас. *kokeləmbəku*, об. С *qōgaləmgı* ‘оглохнуть’.

Производными словами от *ko ~ qo* ‘ухо’ в сфере соматической лексики являются сомонимы тым. *qotn’ir* ‘мочка уха (*qo-t-n’ir* букв. ‘уха-его-хрящ’)', ел. *qottop* ‘мочка уха (*qo-t-top* букв. ‘уха-его-край’)''. Аналогичные способы номинации имеются в других языках: долг. *kulgak upura* ‘мочка уха (букв. ‘ухо-конец-его’)' [Демьяненко 1980: 194]; хант. *пэл нярах* ‘мочка уха (букв. ‘ухо-хрящ’)' [Рябчикова 2008: 52].

В селькупском языке имеется отсоматические словосочетания с компонентом *ko ~ qo* ‘ухо’: об. Ч *qom čoqolbugı* ‘наострить уши’, ‘(перен.) насторожиться’; нар. *тєп qoubba qōžan* ‘поуши увяз’ [Дульзон 1962: 123], что не противоречит мировоззрению других народов: рус. *наострить уши* (напрячь слух), эн. *koopon’ič’* ‘держат ухо остро’ [Сорокина 2001: 300]. Название ушей используется для обозначения частей предметов быта: нар. *βedran kō* ‘ушки ведра (т.е. отверстия для дужки ведра)’ [Дульзон 1969а: 559]. Аналогичные примеры находим в других языках коренных народов Сибири: ен. *kastrul’a d’ogden* ‘ручки кастрюли’ (букв. ‘кастрюли уши’) [Клопотова 2002: 132]; хант. *раЛəη put* ‘кастрюля’ (букв. ‘котел с ушами’) [Рябчикова 2008: 95].

Согласно словарю К. Редеев компонент *qo-* обладает семантикой ‘добывать при помощи органов восприятия’, ср. **koke-* ‘видеть’, ‘осматривать’, ‘находить’ – selk. Та *qo-* ‘видеть’, ‘увидеть’, ‘воспринимать (органами чувств)’, ‘находить’, ‘чувать’, ‘добывать’, Tur. Ту. *qō-* ‘находить’ [Rédei 1986a: 171]. Основу жизнеобеспечения селькупов составляет охота, поэтому для них важен хороший слух. Он играет ключевую роль на охоте и имеет бóльший приоритет, чем зрение: кет. *qum ündjıd’et qōlandjıze, qonž ərnət sajlandjıze* ‘человек слышит своими ушами, видит своими глазами’; таз. *olä mōrjı üntjıčikap* ‘только ушами слышал он это’; тым. *mad’oğam səwa ko səwa ek* ‘в лесу хорошее ухо – хорошо’ [Дульзон 1979: 153]. Кроме того, ухо может выступать мерилем степени натяжения лука, а значит, и силы выстрела во

время охоты: об. Ч *tab qot moʻqolqond ʻermamd onʻžənanəl ʻindənd nʻakənnid* ‘он за ухо тетиву своего лука натянул’.

В селькупском фольклоре *qo* ‘ухо’ выступает в качестве символа связи между мирами. Символизм восходит к мифическому образу *Ilyntylʻ Kota*. Если заглянуть в ухо *Ilyntylʻ Kota*, можно увидеть, как люди скоблят шкуры, разминают, шьют. В другом сказании главный герой Итте получает в жены, девушку, жившую в ухе рыбы Тари Амди Куэл, которую Итте спас от когтей птицы Пюне. Данные мифологические сюжеты свидетельствуют о связи уха с Верхним миром, который обеспечивает человека всем необходимым на земле.

Однако ухо имеет символическую связь и с Нижним миром, на что указывает двоякая природа мифической старухи *Ilyntylʻ Kota*. По отношению к *Ilyntylʻ Kota* применяют термины верхняя и нижняя старуха, но она является единым, монолитным образом. Она может, как дать жизнь, так и взять ее обратно [Степанова 2008: 27]. Старуха могла появляться из отверстия в земле, а, по представлениям селькупов, через отверстие-яму, которое находится «где-то в лесу» можно попасть в Нижний мир [Тучкова 2013: 232-244]. Полагаем, что ухо рассматривается представителями селькупского этноса как подобная яма на теле человека. Таким образом, ухо в селькупской культуре является символом отверстия, связующего миры.

Воздействие на ухо может привести как к воскрешению человека, так и умерщвлению. Например, если пером пощекотать ухо, из глаз брызнут слезы и мертвый человек оживет [Тучкова 2004: 170]. Напротив, если ухо уколоть стеблем конопли, корешком травы, человек умирает. *Niñi popi sotisʻa kokintj pʻerkilnit, ĩma kũŋa* ‘Потом вдруг осокой ей в ухо ткнула, женщина умерла’ [Дульзон 1972б: 802].

Во многих сказках встречаются эпизоды с отрезанием ушей, что символизирует приручение, покорность и подчинение безухого человека или существа тому, кто уши отрезал. Вероятно, в данном действии заложена идея о том, что лишившись ушей, существо теряет связь с другими мирами, а, значит, и свою магическую силу. Например, *qōkiñilʻ kešʻa* ‘безухий товарищ’ – прозвище черта, над

которым одержал победу селькупский сказочный герой *Ий*. Победив черта, *Ий* отрезает черту уши и заставляет себе служить [Тучкова 2004: 170].

В ходе лингвокультурологического исследования выявлено, что в селькупской культуре ухо является символом связи между мирами: Верхним, Средним и Нижним. Считается, что ухо может быть причиной, как жизни, так и смерти человека. Данный орган символизирует место, где человек может перейти из мира живых в мир мертвых и наоборот. Ключевой функцией уха, выделяемой селькупками, является слух, помощь которого играет важнейшую роль во время охоты.

3.2.3.6 Названия рта

Во многих культурах рот ассоциируется со способностью человека говорить. На языковом уровне это отражается в устойчивых выражениях, описывающих разговорчивых людей: венг. *szeles szaju* букв. ‘широкоротый’; фин. *suulas* букв. ‘со ртом’; хант. *tuteŋ ɧajat* букв. ‘имеющий рот человек’; или, напротив, молчаливых: коми *žjn βoma* букв. ‘имеющий половину рта’; хант. *иҥәлл-наЛәтлi* букв. ‘без-рта, без-языка’ [Рябчикова 2008: 129]. Для селькупского языка, наряду с отсутствием подобной ассоциативной связи, характерно наличие более глубоких сакральных смыслов, заложенных в названия рта. Выявить значение данной части тела в селькупской культуре нам позволит лингвокультурологический анализ соматической лексики со значением ‘рот’.

Для обозначения рта в селькупском языке используются следующие лексемы: О. *ak, âk*, N., Jel., Kar.; *âŋ*, MO., K., NP., B., Tas.; *oaŋ*, Tschl.; *eaŋ*, OO. ‘рот’ [Castrén 1855: 253]; Am Tas *akt*, Tomsk. *aŋda*, Narym. *ak*, Ket. *aŋ*, Tymische. *ak* ‘рот’ [187, с. 42-44, 70]; таз. *āk, āŋ, ak, aŋ, ok, oŋ* ‘рот’, [Erdélyi 1969: 16]; кет. *āŋ* ‘рот’ [Алатало 1998: 129]; об. Ш, Ч, кет., тым. *āk, aŋ*; кет. *ang, āŋ*; тур. *ogli, oktj*; тур., ел. *okt* ‘рот’ [СРДС 2005: 13, 166]. В данных фонетических вариантах прослеживается чередование согласных *n ~ k* [Dulson 1971: 39].

Обыденные значения сомонимов актуализируются в таких контекстах, как кет. *m'ennan angjn* 'у меня во рту'; об. Ш *akt kōn ēja* 'его рот кривой', *öljg čaža akkįndi* 'слюна идет изо рта' [СРДС 2005: 13]; таз. *āqqįntį* 'у него во рту', *āktį werq eņa* 'его пасть большая', *āqqįntį timįimtį čāņka* 'у него во рту нет зубов', *āktį tukįp pillä* 'червя в рот кладущий', *ti tepįnmįqįt āktį esįsį* 'теперь у них есть рот' [Erdélyi 1969: 16]. Для представленных лексем в словарях зафиксированы также значения 'пасть (животного)' и 'клюв (птицы)': об. Ч *okar č'elžoqot pįkan aņmut aža čannәнža* 'однажды изо рта быка голос вышел' (из ск.); таз. *āktį šit tittejlä* 'с открытым клювом' [Erdélyi 1969: 16].

Лексема *an* ~ *ak* восходит к уральской праформе **aņe* 'отверстие', 'надрез', 'углубление' – selk. Та. *oang*, Ке. *aang*, *āng*, Ту. *āq* 'устье реки' [Rédei 1986a: 11]. Сомонимы тур., ел. *okt*, тур. *oktį* состоят из основы *ok* 'рот' и суффикса *-t/-tį*, выражающего притяжательность. Буквальным значением лексем *okt*, *oktį* является 'рот-его'. Вариант наименования тур. *oglj* является сложным словом. Первый компонент *og* представляет собой диалектный вариант сомонима *ok* 'рот' при учете чередований согласных *k ~ g* [Dulson 1971: 38], вторым компонентом выступает остеоним об., кет., вас., тым. *lj* 'кость'. Следовательно, для данного варианта наименования рта восстанавливается буквальное значение 'рот-кость'. Аналогичная лексема встречается в словаре И. Эрдеи: таз. *āglį somak musįltät* 'помой хорошо свой рот' [Erdélyi 1969: 16] при учете чередований согласных *o ~ ā* [Dulson 1971: 38].

В алтайских языках для лексем *an* также восстанавливается праформа со значением 'открывать', 'отверстие': праалт. **aņa-* 'открывать, отверстие', ср. тюрк. *aņ* 'отверстие'; тунг. *aņa-* 'открывать'; юкаг. *aņa* 'отверстие', 'рот'; мар. *an* 'отверстие (в вещах)', 'горло (в посуде)', 'устье (реки)', *ән* Г. 'отверстие'; коми *вом* 'рот, пасть, устье' [Лыткин 1970: 62]. Для самодийских языков характерно аналогичное исходное значение. Лексем *an*, *ak* используются в номинациях подобных объектов, ср.: об. Ш *madan āk* 'дверной проем'; тым. *kįn ak* 'устье реки'; таз. *Rōttan ōk* 'устье реки Ратты', *mōtan ōk* 'вход в чум', *pecyt ōk* 'печное отверстие', *okoškanōk* 'проем окна'. Наименования рта используются для наименования устья и

в мордовских языках: морд. *курга* М., *курго* Э. ‘рот’, ‘пасть’, ‘устье (н., печи)’ [Вершинин 2005: 185].

Согласно культурологическим данным, устье реки *an ~ ak* является местом связи реального и ирреального миров. Перейдя через исток или устье, можно попасть из одного мира в другой. Чтобы не выйти за пределы реального мира, проходя через *āk* на лодках, кидали монеты, опускали табак, переливали воду: «у одного борта котелком зачерпнут, у другого выльют» [Тучкова 2004: 102]. Дверной проем *an ~ ak* разграничивает мир живых от мира мертвых [Булгакова 2003: 48]. Согласно мировой культуре, рот является символом входа в мир мертвых [Горчаков 2007: 86]. Таким образом, сакральные значения производных наименований от сомонима *an ~ ak* ‘рот’ свидетельствуют о том, что рот является каналом связи между Средним и Нижним мирами.

Кроме того, согласно селькупской мифологии рту *ōk, ōη*, приписываются и другие сакральные функции. Например, он может служить средством опознавания собственного ребенка. Если мать пустит струю молока из своей груди и все молоко попадет в рот стоящего в отдалении ребенка, это означает, что это ее родной сын: нар. *tolok nīl'as ma n'ipsom č'ič'altentap mundjik n'ipsit saj okkintī al'č'enta, na ma ijaŋoko ennantī* ‘подальше встань, я грудью своей чиркну, если все капельки молока в твой рот упадут, тогда моим сыном будешь’ [Дульзон 1972б: 814]. По рту можно определить ложь. Если у краев рта появляется пена или складка, значит, человек обманывает [Тучкова 2004: 227].

Сомоним *an* ‘рот’ является центром словообразовательного гнезда. Его дериватами являются лексемы тур. *akkal* ‘узда, возжа’, вас. *akkal'd'e, akkal'že* ‘поводья’. Подобное отсоматическое словообразование встречается и в других языках: эрз. *онькость* ‘удила’ (*он* ‘рот’); саам. *виоŋас* ‘недоуздок’ (доперм. **sŋз* ‘рот’) [Лыткин 1970: 62]. Вариант наименования узды *āŋgaj* упоминается в селькупских сказках как средство укрощения и подчинения сказочных персонажей – медведя, коня [Тучкова 2004: 104].

В результате процесса грамматикализации сомонимы, обозначающие рот, стали использоваться в качестве серийных послелогов, определяющих

местоположение или движение относительно какого-либо объекта – Лок.: Нап., Ласк., Ив. *aqqət, aqət*; НС *aqqin*; Лос. *aŋgan* ‘напротив чего-либо’; Лат.: Нап. *aqtə, aqt* ‘к чему-либо’; Абл.: Ив. *aqqindo* ‘от чего-либо’ [Беккер 1995б: 187]. Предлоги встречаются в следующих контекстах: таз. *matänti akti tüŋa* ‘он подошел к дверному проему’, *matän ač čati* ‘напротив дверного проема’ [Erdélyi 1969: 16]. Аналогичная ситуация наблюдается в кетском языке *ko* ‘рот’ > ‘у’, ‘около’, ‘возле’: кет. *ad di:мескукко:динга* ‘я пошел к норе’, *еллако:динга* ‘до входа двери’ [Шерер 1978: 125-136].

Названия рта в селькупском языке представляют собой диалектные варианты лексемы *an*, которая относится к древнему уральскому пласту лексики. Сомоним *an* ‘рот’ участвует в словообразовании. В современном селькупском языке он может использоваться в качестве серийного послелого. Для сомонима *an* ‘рот’ восстанавливается внутреннее значение ‘отверстие’. Согласно культурологическим материалам, данная часть тела является символом связи между Средним и Нижним мирами.

3.2.3.6.1 Названия губы

Для обозначения губы в селькупском языке используются лексемы, которые можно условно разделить на две группы в соответствии с основами, образующими эти названия. Первую группу представляют сомонимы с основой *an* ‘рот’: О. *ātop, ātup*, N.; *ān tōb*, МО.; *agan tuob*, Tsch.; *ākte-tom*, Tas.; *āt-top*, Кар. ‘губа’ [Castrén 1855: 248]; кет. *ān* ‘губы’ [Алатало 1998: 91]; об. Ш *akka, āktōp*; об. С *āntop* ‘губа’ [СРДС 2005: 13]. Простой по структуре сомоним кет. *ān* представляет собой диалектный вариант названия рта *an*, которое стало использоваться для номинации губы благодаря метонимии, основанной на отношении части-целого (рот – целое, губа – часть целого). Вторым компонентом представленных сложных названий выступает лексема об. С *top* ‘край’ в фонетических вариантах *tup, tob*. Таким образом, буквальным значением данных сложных слов и словосочетаний является ‘рот-край’.

К первой группе относятся и названия кет. *ān ūgĭ* ‘губы’ [Алатало 1998: 91]; об. Ч *ānug* ‘губа’ [СРДС 2005: 13]. Второй компонент *ug* является самостоятельным словом со значением ‘передняя часть’, ср. уральская праформа **ukz (okz)* ‘голова’ – selk. Та. *uug (uuk)*, NP *uugə* ‘край’, ‘губа’, N *uug* ‘край’, ‘конец’, Тур. *ūkĭ* ‘носовая часть лодки’, ‘губы’ [Rédei 1988: 542]. Исходя из этого, сомонимы кет. *ān ūgĭ* ‘губы’, ‘край’; об. Ч *ānug* ‘губа’ можно интерпретировать буквально как ‘рот-передняя часть’. В кетском диалекте для вариантов сомонимов *ān* и *ān ūgĭ* зафиксировано значение ‘край’. Полагаем, что данное значение лексема приобрела позднее в результате метафоризации, основанной на специфике расположения губ.

Во вторую группу лексем со значением ‘губа’ входят такие лексеммы как О. *mānuī*, ОО. ‘губа’; *mānni*, ОО., ‘подбородок’, ‘губы’ [Castrén 1855: 248, 240]; кет. *m’enn’i* ‘подбородок’ [Алатало 1998: 122]; кет. *tenni*, *tenno*, *tenne* ‘подбородок’, ‘губы’ [СРДС 2005: 137]. Исходя из этимологического материала, данные названия являются заимствованием, так как при выявлении общесамодийской праформы селькупский язык не упоминается.: *muṇ (? *mon) ‘губа’, ‘голос’ (nsm) // (vgl. ng (? der.) (M) sg.3. *muṇuntu*, vgl. **ma-*, **man-* ‘говорить’ / en (T) *mo*’ (: *mon-*) (‘звук’), der. (C) V. aor.sg.1. *muḍ’ido* ‘молчать’ / neT (T) *mu*’ (‘звук’), (L) О *mu^{ns}*, der. (T) *va muṇoḥ* ‘звучать’ / neW (L) Lj. *mūn*, der. (S) *va mūnī*’š ‘говорить’ / km (D) *mōn*, *mon*’ / kb (Sp) +px sg.3. *монда* (‘губа’) [Janhunen 1977: 95].

Приведенный этимологический материал свидетельствует о том, что исходным значением сомонима кет. *tenni* и его фонетических вариантов является значение ‘голос’. Полагаем, что значение ‘губа’ данная лексема приобрела в результате метафоризации по месту воспроизведения звука. Появление у данных лексем значения ‘подбородок’ обусловлено тем, что изначально лексемой *tenni* обозначалась любая часть лица или рта, ассоциирующаяся с органом, воспроизводящим звук (голос). Позднее значение ‘подбородок’ вышло на первый план, так как в языке сформировались другие обозначения губы.

Для обозначения губы используются сложные слова и словосочетания об. Ш *āktōp*; об. С *āḥtop* ‘губа’; об. Ч *ānug* ‘губа’, буквальными значениями которых являются ‘рот-край’ и ‘рот-передняя часть’ соответственно. Сомоним *tenni* является

заимствованием из других самодийских языков для него восстанавливается исходное значение ‘голос’. Значения ‘губа’ и ‘подбородок’ являются метафорами, основанными на представлении селькупов о месте воспроизведения звука.

3.2.3.6.2 Названия зуба

Представители селькупского этноса воспринимают зубы не только как часть тела, выполняющую жизнеобеспечивающую функцию, но и как немаловажный элемент духовной культуры, о чем свидетельствуют лингвистические и этнографические данные.

Названия зуба в селькупском языке представлены следующими диалектными вариантами: О. *čeu*, Tsch.; *tiu*, К.; *tim*, Jel. В., Tas., Kar. [Castrén 1855: 305]; таз. *timj* ‘зуб’, ‘клык’ [Erdélyi 1969: 266]; кет. *t'ibβi* ‘зуб’ [Алатало 1998: 99]; кет. *t'ibβa*, вас. *tīβelaga*, кет. *tīββa*, кет., вас. *tīβa*, тур. *t'imj*, вас. *tiu*, *tīβ*, об. С, кет. *tīβa*, об. С, Ш *teβ*, тым. *temmā*, об. С *tā*, *tāu* ‘зуб’ [СРДС 2005: 237]. Обыденные значения лексем актуализируются следующими контекстами: кет. *poββ'i t'ibβa* ‘коренной зуб’, *tīββalaze l'attərəgu* ‘зубами лязгать’, *tīβəm m'iššalgu* ‘выдернуть зуб’; вас. *tīββalə qašqalž əmbēt!* ‘зубы не скаль’, *tabənan taŋ al'd'ešpa tiudə* ‘у него выпадают зубы’; об. С *manan tīβoβ t'angβa* ‘у меня зубов нет’, *təut qoŋčəl'e čāž ən* ‘у него режутся зубы’; об. Ч *āramblaqəl qunnan muktətqβeit teβəd ənneqət i našan əll'eγət* ‘у взрослого человека шестнадцать зубов вверху и столько же внизу’.

Кроме того, сомоним *t'ibβa* и его диалектные варианты используются для номинации зубов рыб и животных: вас. *p'ič'annan t'ibβed aŋd ek* ‘у щуки зубы острые’; об. Ш *kanak niŋga, teβilat āda* ‘собака стоит, у нее рот открыт, зубы видно’; таз. *timjmtj musiltiqo tantaltisātjt* ‘они научили его чистить зубы’, *kanak brinzel'ip timjntjsā ikjijt* ‘собака схватила зубами палочку’ [Erdélyi 1969: 266].

Для самодийских языков восстановлена единая праформа названия зуба **timä* ‘зуб’ – sk. (Pr) *timi*, (D) Ту. *tēm*, (C) Tsch. *čeu* [Janhunen 1977: 163]. Лексема *timj* ‘зуб’ и его фонетические варианты являются центром словообразовательного гнезда. От данного сомонима образованы термины, обозначающие части тела: таз. *timjil' laka*

‘челюсть (букв. зубная куча)’ – таз. *ukkır putit timıl laka* ‘челюсть бобра’ [Erdélyi 1969: 266]; ел. *t'imıtōp* ‘десна (букв. ‘зуба-край/нога)’; кет. *tifan* ‘усы (букв. ‘зуброт)’’, а также имена прилагательные: *t'ifı* ‘зубной’ (*t'ifı qüdi* ‘зубная боль’); вас. *tifβal* ‘зубной’, *tiugədəl* ‘беззубый’. Аналогично русскому языку в селькупском языке название зуба входит в качестве составного компонента в название зубной щетки: таз. *timır musıltipstāıl' mı* ‘зубная щетка’ [Erdélyi 1969: 266].

По культурологическим данным наличие у человека зубов свидетельствует том, что в человеке присутствует *sange* ‘жизненная сила’. Человек получает *sange* через пуп. Появление у ребенка первых зубов свидетельствует о том, что *sange* окончательно укрепилась. Считалось, что новорожденный ребенок, пока у него не выросли зубы, – существо иного мира – *лоз*. Младенец находился в пасти зверя-предка до появления зубов, знаменующих обретение им человеческого облика [Степанова 2008: 107]. «Для ограждения детей от происков злых *лозов* на колыбели делали орнамент «зубы». Когда у старика выпадают зубы, это значит, что жизненная сила начинает уходить от него [Пелих 1998: 60-77].

В этом отношении представляет интерес составное наименование кет. *tifıku ütče* ‘мальчик’. Первый компонент *tifıku* имеет буквальное значение ‘зуб-получать’, так как вас. *tif* ‘зуб’, а элемент *-ıku* по форме материально совпадает с глаголом об., тым., вас. *ıgu, ĩgu* ‘взять’, ‘получать’; тур. *ıqo* ‘взять’, ‘получать’ при учете регулярных чередований $k \sim q \sim g$ [Dulson 1971: 38]. Второй компонент *ütče* в самостоятельном употреблении имеет значение ‘ребенок’. Таким образом, можем полагать, что составное наименование кет. *tifıku ütče* используется при обращении к ребенку, у которого уже появились зубы.

С другой стороны, зуб может обладать и силой, лишаящей человека жизни. Например, убить человека можно с помощью зуба *еретика* (злой дух). Если *еретика* лишит зуб, то сам *еретик* становится безвредным, но зуб его по-прежнему опасен, и, если попадет в тело человека (например, жена-изменница подкладывает выбитый и подобранный зуб в постель мужу), то человек умирает [Тучкова 2004: 282].

Зубы медведя считаются символами восстановления справедливости. Когда между остяками случается преступление, виновному дают либо медвежье ухо, либо

медвежий зуб, чтобы он целовал, грыз, и рубил его. Если остяк все это выполнит, не сознаваясь в вине, то он освобождается от подозрения [Кривошапкин 1865: 135]. Самая страшная клятва происходила перед зубом и лапой медведя, кусая которые, остяк говорил: «если я неправ, пусть медведь так же съест, издерет меня» [Плотников 1901: 42].

При изучении фактического языкового материала было выявлено, что сомоним *timĭ* ‘зуб’ относится к самодийскому пласту лексики. От названия зуба образованы другие сомонимы, обозначающие части тела области рта. Согласно культурологическим данным, наличие зубов у человека является свидетельством присутствия в нем жизненной силы, а значит, «укрепления» его в Среднем мире. В тоже время зубы злых существ обладают силой, губительной для человека.

3.2.3.6.3 Названия языка

В разных культурах язык может выступать символом, как Бога, так и демонов. Язык означает глас божества, проявление мощного голоса, произнесение молитв. Мясистые языки – частые атрибуты демонов в восточном искусстве и искусстве средневекового христианства [Горчаков 2007: 86]. В русской культуре язык в первую очередь ассоциируется с орудием говорения или обозначает этот процесс, что выражается в целом ряде фразеологизмов: *язык не поворачивается* (не хватит решимости сказать), *как язык повернулся* (как смог сказать); *прикусить язык* (оборвать речь), *развязать язык* (говорить свободно), *распутить язык* (говорить непристойности) [Маслова 2001: 135]. В селькупской культуре язык считается одним из важнейших органов человека. Ему приписываются особые сакральные функции, что подтверждают лингвистические и этнографические материалы селькупского языка.

В разные исторические периоды в селькупском языке были зафиксированы следующие фонетические варианты названия языка: О. *se*, N.; *sie*, Tschl., MO.; *s'i*, B., Kar.; *s'e*, Jel., Tas. ‘язык’ [Castrén 1855: 307]; Turuchansk. *sioro*, Am Tas. *šet*, Tomsk. *siee*, Narym. *še*, Ket. *se*, Tymische. *še* ‘язык’ [187, с. 48-50]; таз. *še*, *se* ‘язык’ [Erdélyi

1969: 218]; кет. *s'ē* ‘язык’ [Алатало 1998: 147]; кет. *sā*, об. С *s'e*, ел. *s'ej*, *s'ejtj*, *sej*, об.С, кет. *se*, *sē*, об. Ш, Ч, вас., тым. *šē*, тым. *š'ē*, *šej*, об.Ч *šej* ‘язык’ [СРДС 2005: 209, 301]. Обыденные значения данных лексем актуализируются в таких контекстах как: кет. *qbersaj* ‘шершавый язык’, об. С *man tunβaŋ sez'e nōrpalgu* ‘я умею чистить языком (убирать соринку)’, об. Ч *adälžäl'el šēmd!* ‘покажи язык!’ [СРДС 2005: 220, 301]. Лексемой *šē* обозначают также язык животных, например: таз. *tamtä tukij šentisä orqilkijit* ‘лягушка ловит червей языком’ [Erdélyi 1969: 218].

Сомоним *šē* ‘язык’ обладает метафорическими значениями. Наименование языка как органа так же используется для обозначения языка в значении ‘речь’: об. С *ārəŋ čočogə sē* ‘иностранный язык’ (букв. ‘другого места язык’), *man t'aljmpəku tunβaŋ süsegu* ‘я умею говорить по-селькупски’; кет. *man on'eŋ sēβə qāyina assi eβälž'enžəβ* ‘я свой язык никогда не забуду’; вас. *čümäl'qut še* ‘селькупский язык’ [СРДС 2005: 220, 301]. В словарях для лексемы *šē* зафиксировано переносное значение ‘длинный язык’, а сама лексема также встречается в контексте с аналогичным значением: об. С *tebnan t'ubba set* ‘у нее длинный язык (букв. много говорит)’ [СРДС 2005: 220, 301]. Подобное второстепенное значение восстанавливается и для названия данной части тела, существовавшего в уральский период: *kele ‘язык (орган)’, ‘язык (речь)’ – selk. ТаU, Ту. *šē*, Тур. *sē*, Ке. *sée* [Rédei 1986a: 144].

По культурологическим данным язык, голос, слово и песня в представлениях селькупов воплощают собой душу человека и самого человека. Одно из своих самоназваний – *шеллекоп*, где *ше-* значит ‘язык’, – селькупы переводят как ‘первые люди, умеющие говорить’ или ‘первые люди, имеющие язык’: «*Шелле-коп* языком заговорил первый... По происхождению *шелле-коп* первые вышли... первые стали понимать друг друга» [Третьяков 1869: 422; Пелих 1981: 34]. Язык в обоих его значениях – и органа тела и речи человека – называется причиной появления первых людей и, таким образом, может рассматриваться жизненным началом человека [Степанова 2008: 199].

В связи с этим язык считается органом, который может, как отнимать жизнь, так и возвращать ее. Селькупы полагали, что только после изъятия из тела

поверженного врага его важнейших органов, враг может считаться «окончательно» мертвым. В число этих важнейших органов входит и язык: «Пришел в чум и видит: брат распоротый лежит – ни печени, ни почек, ни сердца, ни языка нет» [Головнев 1995: 142]. Герой одного из преданий сетует, что не имеет донорских органов – печени, почек, сердца и языка для оживления своего погибшего брата: «Подумал младший брат, что следовало бы женщину живой сюда привезти и ее части тела брату взамен недостающих вложить, тогда бы он снова ожил» [Головнев 1995: 142].

Лингвокультурологический анализ наименований языка в селькупском языке свидетельствует о том, что лексема *šē* ‘язык’ относится к уральскому пласту лексики с аналогичным значением. Данная лексема обладает метафорическими значениями. С точки зрения культурологии, язык является олицетворением одной из главных душ человека, поэтому считается не менее значимым органом, чем сердце, печень, почки. Селькупы полагают, что отнятие языка ведет к бесповоротной смерти, а при сохранении целостности языка человек может ожить.

3.2.4.7 Названия усов и бороды

Во многих культурах усы и борода выступают символами силы, мужества, верховной власти, а также зрелости и мужской силы. Борода богов интерпретируется как спускающиеся на землю лучи Солнца [Буслаев 1861: 216-237]. В селькупской культуре борода и усы тесно связаны со значением волос в целом. Как мы уже отмечали, волосы в представлении селькупов символизируют связь с Верхним миром, жизнью. Подобная идея заключается и в наивном восприятии бороды и усов.

В селькупском языке для обозначения бороды и усов используются одни и те же лексемы: О. *und*, N.; *unde*, Jel., B., Kar.; *umd*, MO.; *umdde*, K.; *umde*, OO., NP. ‘борода’ [Castrén 1855: 203]; Turuchansk. *unde*, Ket. *unde*, Tymische. *unde* ‘борода’ [Donner 1926: 36-38]; кет. *umdj* ‘борода’ [Алатало 1998: 84]; об., кет., вас. *umd*, *umdə*, об. Ч, тым. *omdə*, об. Ч, тым., тур. *und*, ел., тур. *undj*, вас. *unt*, тым. *undjil’ ūg*, об. Ч *undədaba* ‘борода’, ‘усы’, ел. *und’i p’eptej* ‘борода’ [СРДС 2005: 163]. Обыденные значения данных лексем актуализируются в следующих контекстах: об. Ш *umdam*

pöž lel! ‘побрей бороду!’; об. Ч *umdown’i n’urēšpi* ‘по усам текло’. В приведенном ряду фонетических вариантов наблюдаются ряды регулярных чередований *u ~ o, n ~ m* [Dulson 1971: 35-43].

Аналогично селькупскому языку, в нганасанском и энецком языках для обозначения бороды и усов используют одни и те же лексемы, ср.: нган. *mundu’c’a* ‘борода’, ‘усы’ [Костеркина 2001: 232, 366]; эн. *munč’i* ‘борода’, ‘усы’ [Сорокина 2001: 167, 299]. В ненецком языке названия различны, ср.: *munots’(n)* ‘борода’; *pija ngilī munots’* ‘усы (букв. ‘нос-низ-борода’, т.е. борода под носом)’ [Пырерка 1948: 24, 294; Хомич 1954: 50, 61].

Восходит к уральской праформе **wunčэ (wuntэ)* ‘борода’, ‘пух’ – selk. В *und, K umddэ, N und, ond, Tur. untj* [Rédei 1988: 587]. В настоящее время в селькупском языке название бороды представлены не только простыми словами, но и сложным словом об. Ч *undədaba*, а так же словосочетаниями тым. *undjil’ ūg* (букв. ‘бороды край’), ел. *und’i p’eptej* (букв. ‘бороды подбородок’).

От лексемы *umd* происходят слова, относящиеся к разным частям речи: имена прилагательные – кет. *umdi* ‘усатый’, *umdjūgэ* ‘бородатый’, ел. *und’i ukij*, вас. *undjil’ ukol’* ‘бородатый’, *undəgədəl* ‘безбородый’, тур. *undjil’ ugjl’* ‘усатый’; глаголы – об. С, Ч, кет. *umdərbəgu* ‘обрастать’, ‘зарастить бородой’; имена существительные – об. С *ūmtənjil* ‘подбородок’.

Согласно текстам сказок, в селькупской культуре борода является символом наличия жизненной силы. При утрате бороды человек или любое другое существо теряет свою силу. Например, старик с длинной бородой, приходящий из подземной ямы, лишившись своей бороды, совсем обессилел [Головнев 1995: 495-498]. В сказке южных селькупов повествуется о том, что борода может стать причиной смерти: тур., ел. *ulyo umdoundə oralbat, taŋ aha üdjinžit* ‘Лед его (старика) за бороду схватил, не отпускает’, *umdəd qandəd’imba ulyond* ‘борода примерзла ко Льду’ [Тучкова 2004: 328].

В другой сказке, записанной Г. И. Пелих, повествуется о маленькой девочке, которая упала в ямку, где «медведь лежал». Вернувшись через много лет к людям уже взрослой женщиной, она была усата: «помылась в бане, взяла побрила усы»

[Пелих 1972: 343]. Падение девочки в «медвежью яму» связывается с изменением ее психики и облика, в которых появились признаки животного, что можно соотнести со смертью героини в «этом» мире и воскресением в ином. Наличие у женщины усов во время ее возвращения к людям является показателем того, что она находилась в ином мире, а сбрив их, окончательно вернулась в мир людей. В данном сюжете находит выражение представление селькупов о загробном мире – все существа, обитающие там, имеют какую-либо физическую патологию.

Как показывает лингвистический материал, селькупы используют один сомоним для обозначения, как бороды, так и усов, т.е. в их понимании данные составные организма человека являются единым целым. Селькупское название бороды и усов *umd* относится к уральскому периоду формирования. Данная лексема имеет ряд дериватов, относящихся к разным частям речи. Материалы культурологического характера свидетельствуют о том, что, по представлениям селькупского этноса, борода и усы олицетворяют жизненную силу. В то же самое время они могут быть показателем того, что человек или существо находится в ирреальном мире.

3.2.3.8 Названия подбородка

Немаловажной частью тела человека в селькупской культуре является подбородок, о чем свидетельствует наличие нескольких его названий. В селькупском языке зафиксированы следующие диалектные варианты названий подбородка: О. *peptei*, К.; *peaptai*, ОО.; *pepti*, NP.; *peptel*, Jel., В., Tas., Кар. ‘подбородок’ [Castrén 1855: 240]; тур. *päptel’ij*, *päptel*, *pepta*, об. С *pätpajmij*, *p’atpaj*, ел. *p’ipte* ‘подбородок’ [СРДС 2005: 185]. Примером актуализации обыденного значения данных лексем выступает следующий контекст: тур. *pepteyan kibl’a k’ač’il’a* ‘на подбородке маленькая ямочка’.

Сомоним *pepta* относится к уральскому пласту лексики: **pijse-me*, *pise-me* ‘губы’ – selk. Та. *peptelj*, Ке. *peptei*, *peptei*, Тур. *päptal’* ‘подбородок’ [Rédei 1987: 383]. Исходя из значений уральской праформы изначально данной лексемой

обозначалась губа. Кроме того, в словарях для лексемы *peptə* и ее диалектных вариантов зафиксированы значения ‘рот’, ‘борода’, ‘челюсть’. Полагаем, что представленные значения также являются второстепенными и используются окказионально для обозначения той части тела, которая расположена в области подбородка.

В современном селькупском языке зафиксированы и другие названия подбородка об. С, Ч *aβal* ‘подбородок’, ‘нижняя челюсть’, тым. *aβal'mj* ‘подбородок’ [СРДС 2005: 10]. Вероятно первым компонентом данных названий выступает лексема вас. *aβ* ‘еда’ [СРДС 2005: 10].

В мифологии селькупов у многих духов в облике акцентируются части лица, в том числе и подбородок. Это Черт, у которого «подбородок скребется по полу» [Степанова 2008: 131].

Проведенный анализ показал, что в селькупском языке имеется несколько вариантов названий подбородка: тур. *peptə*, об. С, Ч *aβal*, тым. *aβal'mj*. Сомоним *peptə* ‘подбородок’ относится к уральскому пласту лексики. Изначально данное слово использовалось для обозначения губы. В настоящее время *peptə* обладает полисемией в сфере соматической лексики. Названия подбородка используются только в обыденных значениях, так как в них не обнаружена мифопоэтическая составляющая. В этнографических материалах подбородок упоминается в контекстах, описывающих существ потустороннего мира, которые обычно обладают физиологическими особенностями.

3.3 Названия внутренних частей головы

3.3.1 Названия мозга

Во многих культурах мозг считается местом сосредоточения умственных способностей человека [Горчаков 2007: 82]. Селькупы полагают, что ум находится между мозгом и теменем [Щапов 1937: 111], а мозг связан с духовной жизнью человека. Для выявления особенностей восприятия представителями селькупского

этнoса такой части тела, как мозг проведем лингвокультурологический анализ его названий.

В селькупском языке названия мозга представлены следующими диалектными вариантами: О. *köü, kïu*, N.; *kïu*, K.; *kïuŋ*, Tsch., ОО.; *kïŋ*, NP.; *kïm*, В., Tas., Kar. ‘мозг’ [Castrén 1855: 227]; кет. *qïβj, qïŋ* ‘мозг’ [Алатало 1998: 110]; об. Ш, Ч *köβ*, об. Ч *qöβ, qöu*, вас. *qöβə, qöβətə*, кет. *qï, qïβə, qïŋ, qïu* ‘мозг’ [СРДС 2005: 51]. В данных диалектных вариантах наблюдаются регулярные чередования $k \sim q, ö \sim ü \sim j, u \sim β \sim ŋ$ [Dulson 1971: 37].

Этимологически лексема *köβ* и ее диалектные варианты восходят к общесамодийской праформе **kajma* (? **kaəjma*) ‘костный мозг’ – sk. (D) Ту. *kïm* [Janhunen 1977: 58].

Головной и спинной мозг в селькупском языке обозначаются составными наименованиями: об. Ч *olət qöu* ‘головной мозг (букв. ‘голова-его-мозг’)', вас. *toqqoqəl qöβətə*, кет. *toqqoŋj qïŋ* ‘спинной мозг (букв. ‘спинной-мозг’)'; об. Ш *toqət qöβ* ‘спинной мозг (букв. ‘спина-его-мозг’). Другим дериватом названия кет. *qïβ* является прилагательное кет. *qïβəgaləq* ‘безмозглый’.

В этнографических материалах отмечается, что мозг является местом обитания духов. По сведениям, полученным от современных селькупов, «духи головного мозга исходят из волос» [Степанова 2008: 198]. Согласно записи К. Доннера о старом селькупском обычае поедать сердце и мозг поверженного врага [Donner 1926: 115], можем утверждать, что мозг в селькупской культуре относится к сфере сакральных объектов. Он рассматривается представителями селькупского этноса жизнеобеспечивающим органом равносильным сердцу.

Согласно проведенному лингвокультурологическому анализу, названия мозга относятся к древнему пласту лексики общесамодийского периода. Для названия мозга восстанавливается общесамодийская праформа. Селькупы обозначают головной и спинной мозг разными составными наименованиями, в которые входит сомоним *köβ* ‘мозг’. В селькупском мировоззрении мозг представляет собой место обитания духов и является одним из важнейших органов, поддерживающим жизнь человека.

3.3.2 Названия костей головы

3.3.2.1 Названия черепа

В селькупском языке для обозначения черепа зафиксировано одно составное наименование кет. *ūjjj lə* ‘череп’ [Алатало 1998: 144]. Первый компонент наименования *ūjjj* является прилагательным, образованным от сомонима *ol ~ ul* голова. Первоначальная форма названия головы *ul* приняла форму *ūj* в результате регулярного чередования *l ~ j* [Dulson 1971: 39]. К образовавшейся основе добавился суффикс прилагательного *-j*. Таким образом, восстанавливается буквальное значение словосочетания *ūjjj lə* ‘головная кость’.

Селькупы выделяют отдельную часть черепа, такую как свод, представленную в селькупском языке составным сомонимом об. С *olən par'i lj* ‘свод черепа’ [СРДС 2005: 167]. Данное название можно интерпретировать как ‘головы-верх-кость’, ср. об., кет., вас., тым., тур. *ol* ‘голова’; *-ən* – показатель генитива; кет. *par'i* ‘верх’.

Таким образом, в селькупском языке череп обозначается составным наименованием кет. *ūjjj lə* ‘череп’, имеющим буквальное значение ‘головная кость’. Представители селькупского этноса выделяют также отдельную часть черепа – свод, которая обозначается составным сомонимом об. С *olən par'i lj* ‘свод черепа’ с буквальным значением ‘головы верхняя кость’. Внутренняя семантика названий кет. *ūjjj lə* и об. С *olən par'i lj* свидетельствует о том, что в данных сомонимах отражается местоположение рассматриваемых частей тела.

3.3.2.2 Названия затылочной кости

Названия затылочной кости представлены в селькупском языке двумя составными сомонимами: кет. *n'ittel' lə*; об. С *sumbagə lj* ‘затылочная кость’ [СРДС 2005: 149]. В структуре названий прослеживается общий компонент *lə, lj* ‘кость’. Первый компонент остеонима кет. *n'ittel' lə* ‘затылочная кость’ представляет собой имя прилагательное, образованное от слова кет. *n'ittə* ‘кремень (твердая сторона у

лесины)» путем присоединения к данной основе суффикса прилагательного *-l*. Следовательно, буквальным значением данного названия является «твердая кость». Первый компонент составного наименования об. С *sumbagə l̪* происходит от сомони́ма кет. *sumba* «затылок». Таким образом, буквальное значение второго варианта названия – «затылочная кость».

Итак, в селькупском языке для обозначения затылочной кости используются два составных наименования кет. *n'ittel' lə* и об. С *sumbagə l̪*, для которых восстановлены буквальные значения «твердая кость» и «затылочная кость» соответственно. Внутренняя семантика рассматриваемых названий свидетельствует о том, что они передают качественную характеристику затылочной кости и ее местоположение.

3.3.2.3 Названия челюсти

В селькупском языке название челюсти представлено лексемами кет. *āqqu* «челюсть» [Алатало 1998: 144]; кет. *āqq'i* «челюсть»; тым. *akkəl l̪* «челюсть» [СРДС 2005: 13]. Данное название относится к уральскому периоду формирования: *äñz «подбородок», «челюсть» – selk. Та. *aaqal-l̪*, Ке. *aaqa*, Їл. *aaqai, aqai* «челюсть» (Та. *l̪* «кость») [Rédei 1986a: 25].

3.3.2.4 Названия скулы

Названия скулы в селькупском языке представлены лексемами об. Ч *l̪idə* «скулы» [СРДС 2005: 119] и таз. *pūtyl lə* «скула» [ОчСЯ 1980: 50]. Первое название представляет собой форму множественного числа сомони́ма об., кет., вас., тым. *l̪* «кость» и имеет буквальное значение «кости». Рассматриваемое название актуализируется следующим обыденным контекстом: об. Ч *taβ nādännan l̪idə βary ējadət* «у этой девушки скулы большие». Второе название представляет собой отсоматическое словосочетание с буквальным значением «щеки кость», ср. об. Ш *puḍəl* «щека»; кет., ел. *lə* «кость».

3.4 Названия жидких выделений области головы

3.4.1 Названия слезной жидкости

В селькупском языке названия слезы представлены простыми и составными лексемами: кет. *qajə*, об. С *qaj*; об. Ш *sajət qaj*, *sajent kaj*, *sajn kaj*; об. Ч *χait qaj* ‘слеза’ [СРДС 2005: 65]. Данные сомонимы восходят к уральской праформе **kine(-lз)* ‘слезы’ – selk. Ке. *saina-gai* (*sai* ‘глаз’), N *haet-qai*, *hait-qai* (*hai* ‘глаз’) [Rédei 1986a: 159].

Значения составных наименований совпадают со значением второго компонента *qaj* ‘слеза’, что дает основание говорить о десемантизации первых составляющих *sajət*, *sajent*, *sajn*, *χait*. Внутренняя форма данных лексем рассматривалась нами при анализе названий брови, ресницы и века. Выявлено, что лексем *sajət*, *sajent*, *χait* имеют буквальное значение ‘глаз-его’, а слово *sajn* представляет собой название глаза в родительном падеже. Таким образом, получаем следующие исходные значения составных наименований слезы: об. Ш *sajət qaj*, *sajent kaj*; об. Ч *χait qaj* ‘глаз-его слеза’; об. Ш *sajn kaj* ‘глаза слеза’. Обыденное восприятие слезы иллюстрирует следующий контекст: об. Ш *tab aran katkīt saindkaim aza adolžukus* ‘она перед мужем слезы не показывала’.

Внутренняя форма сомонима *qaj* ‘слеза’ выявляется при проведении компонентного анализа ряда слов. При учете регулярного звукового соответствия *j ~ l* [Dulson 1971: 39] лексема *qaj* материально совпадает с компонентами следующих лексем: об. Ш, Ч *qajtəmbugu* ‘наводнить’, ‘покрыть водой’, ‘быть покрытым’ (*čβəčqajtəmbat’apze* ‘земля покрыта листвой’); об. Ч, кет. *kajgu* ‘закрывать’ (*šund’ekalakajmbatsajlap* ‘птички закрыли глаза’); об. С, кет. *qajkugu* ‘прищуривать’ (*qajkut s’ejimdə* ‘прищуривает глаза’); вас. *qajoγəmbugu* ‘щурить’ (*χajomd qojoγəmbat* ‘глаза-свои щурит’); об. Ч, вас. *qajjegu* ‘накрыв’, ‘покрыть небо’, ‘закрыться от солнца’. Для представленных слов выделяется обобщенное значение ‘покрывать’, которое интегрировано в объединяющих их компонент *qaj*.

Для лексем *qal*’ (при регулярном чередовании *j ~ l*) восстанавливается значение ‘мокрый’, ‘сырой’, ‘заросший’, ср. кет. *qal’d’i* ‘наволок’ (болотистое место,

заросшее деревьями); *kal'ž'e* 'топкое место с кочками', 'кочка'; об. С *kalžezaj* 'согра'. Второй компонент лексемы *qal'd'i* и *kal'-ž'e* соотносится с лексемой об. Ч *č'a* 'место напротив чего-либо'. Не исключено, что значением лексемы *qaj* являлось 'мокрый', 'сырой', а лексемы *qal'* 'топкий', 'поросший'. Таким образом, объединив выявленные внутренние значения лексемы *qaj* 'покрывать' и 'мокрый', 'сырой', получаем значение 'покрывающий водой', что является описательным названием, основанным на функции слезной жидкости.

Согласно селькупской мифологии, человек оживает в тот момент, когда из его глаз появляются слезы [Тучкова 2004: 170]. Слеза, являясь одной из «жидких», «текучих» составов организма человека, выступает жизненным началом – душой [Степанова 2008: 207]. Таким образом, появление слез может рассматриваться как символ возвращения души в тело оживленного человека.

Проведенный анализ лингвистического материала свидетельствует о том, что составные наименования слезы об. Ш *sajət qaj*, *sajent kaj*; об. Ч *χait qaj* и об. Ш *sajn kaj* имеют буквальные значения 'глаз-его слеза' и 'глаза слеза'. Для простого названия *qaj* 'слеза' восстановлено внутреннее значение 'покрывающий водой'. Данный термин описывает анатомическую функцию слезы. Лингвокультурологический материал свидетельствует о том, что в представлении селькупов слеза является олицетворением души человека.

3.4.2 Названия носовой слизи и слюнной жидкости

Названия носовой слизи в селькупском языке представлены следующими лексемами: об. С, Ш *qod*, *qodə*; об., тур., кет. *qot*; кет. *qottj* 'сопли' [СРДС 2005: 86]. Примером обыденного восприятия лексем служит следующий контекст: об. Ш *tab qōtqont č'ugidešpa* 'он от соплей задыхается'. Компонент *qod* ~ *qot* выявляется и в структуре наименований слюны: О. *üögot*, Tsch., ОО. 'слюна' [Castrén 1855: 282]; об. Ч *βel'qot*, *f'ilyo*, *χβēl'č'iqo*, вас. *fel'ekot* 'слюна' [СРДС 2005: 98]. Полагаем, что в компонент *qod* ~ *qot* интегрировано значение 'слизистое выделение'. Для лексемы *qod* и его диалектных вариантов зафиксировано значение 'кашель'. Согласно

этимологическому словарю К. Редери селькупское слово кашель восходит к уральской праформе *kuse ‘кашель’, ‘кашлять’ – selk. Та. *kotarna-* ‘кашлять’, Ке. *qõt*, *qoot*, NP *kõt*, N *qot*, *qõt* ‘кашель’ [Rédei 1986b: 223]. Вероятно, слово приобрело данное значение в силу того, что при кашле выделяется мокрота. Этот же компонент присутствует в словах: кет. *kotgu*, об. Ш. *kotku*, об. С, кет. *gotku* ‘кашлять’, об. С, кет. *gotqilgu*, об. Ч *gotqəlgu* ‘кашлянуть’, ‘закашляться’, ‘отхаркнуть’, кет. *gotqilēgu* ‘слегка кашлянуть’; тур. *qottıbiko*, об. Ш *qottıpiko* ‘чихать’; тур. *qotluyl’* ‘сопливый’.

Внутренняя форма первого компонента *βel’-* и его диалектных вариантов сложных наименований слюны *βel’-qot*, *f’il-γo*, *χβēl’č’i-go*, вас. *fel’e-kot* затемнена. От сомонимов данной группы образован один глагол об. Ч *βal’qotaγu* ‘послунить’ [СРДС 2005: 25]. Для лексемы вас. *fel’ekot* зафиксировано второстепенное значение ‘плевок’ [СРДС 2005: 268]. По мнению профессора В.В. Быконя, данный компонент является названием мифического предка – быка-владыки, имеющего высший статус в пантеоне: *βal* < *βa-al* (мифический предок «бык»-женский дух). В сентенции: «Раньше люди сильные были, слюной убивали», ср. об. Ч *χβēl’č’iqoγə qβatku* ‘слюной убить’ [СРДС 2005: 269], заложена информация о могуществе мифического предка [Быконя 2011: 53, 146]. Полагаем, что рассматриваемые варианты названий слюны относятся к сфере духовной культуры селькупов, в силу чего они не получили широкого распространения в языке.

Слюной можно не только убить, но и дать жизнь или воскресить, что подтверждает лингвокультурологический анализ другой группы названий слюны: О. *süs*, В., Кар.; *sös*, *süs*, Тас. ‘слюна’ [Castrén 1855: 282]; тур. *s’asə* ‘слюна’ [СРДС 2005: 224]. Основа данных сомонимов материально совпадает с первыми компонентами лексем: об. С *sěz’elgu*, тым. *sözgu*, *sözgu*; об. С *sösugu* ‘плюнуть’; тур. *süsego* ‘плевок’. Согласно фольклорным текстам, селькупы произошли из плевка слюны богатырей *madij*, *madur*: «Раньше люди были сильные богатыри... Они спать ложились, потом плевали в чашку, и там заводился ребенок» [Пелих 1972: 342]. В представлениях селькупов слюна может служить эквивалентом души («жидкой» души). Е.Д. Прокофьева и Л.А. Варковицкая приводят пример шаманизма *šöš* в значении ‘человек’ вместо общеупотребительного ‘плевок’ [ОчСЯ 1980: 17]. Кроме того, в

селькупских сказках слюной оживляли умершего человека. Сказочный герой *Пыка и* – Бык-сын оживлял своего старика-отца, облизывая его тело, после того как отцу отрубали голову [Тучкова 2004: 254].

Третья группа названий слюны представлена лексемами об. Ш *ol'go, öliḡ*, тур. *ul* ‘слюна’ [СРДС 2005: 167]. Для этих сомонимов зафиксировано также значение ‘слеза’. Компонент *öl ~ ul* входит в состав следующих слов: об. Ш *ulwa* ‘водоворот’; кет. *ulgu* ‘плыть’, об. *ul'ed'igu* ‘переплыть’; об. Ч *olgo*, об. Ш, Ч, вас. *olyo*, ел. *ulya*; об. С, кет. вас. *ulgo, ulgu* ‘лед’. Исходя из семантики лексем, полагаем, что внутренняя форма *öl ~ ul* связана с водой. Сомоним *ol'go* актуализируется в следующем обыденном контексте: об. Ш *öliḡ čāža akkandi* ‘слюна идет изо рта’.

Вариант номинации слюны об. Ч *puttu*, зафиксированного А. Кастреном [Castrén 1855: 282], восходит к уральской праформе **pušz* ‘дуть’ – selk. NP *puttu* ‘слюна’, КеО Ту. *putōn-* ‘плевать’, ‘брызгать, лить, выливать воду’ [Rédei 1987: 409]. Семантика ‘брызгать (слюной)’ сохранилась в таких глаголах, как об. Ч, тым. *putolgu, puttolgu* ‘брызнуть’ (тым. *putolgu üse* ‘водой брызнуть’); об. Ч *putolešpigu, puttolešpigu* ‘брызгать’.

Таким образом, лингвистический и культурологический материал свидетельствует о том, что названия слюны имеют большую смысловую наполненность. Селькупы полагают, что слюна является жидкой формой души человека и обладает силой даровать жизнь или отнять ее. Данные представления содержатся во внутренней семантике названий *βel'qot* и *s'asə*. Другие названия слюны не заключают в себе сакральных смыслов. Внутренняя форма сомонима тур. *ul* ‘слюна’ связана с водой. Для лексемы *puttu* ‘слюна’ восстановлено внутреннее значение ‘брызгать (слюной)’.

Названия носовой слизи используются только в прямом значении и в них не выявлено мифопоэтических идей. Названия носовой слизи представлены лексемой *qod* и его диалектными вариантами с внутренним значением ‘слизистое выделение’. Этот компонент входит также в структуру первой группы названий слюны *βel'qot*.

Выводы по третьей главе

1. Тематическая группа «названия области головы» включает в себя **55** названий, представленные рядом диалектных вариантов, количество которых на синхронном уровне составляет порядка **311** единиц.

2. В рассматриваемой тематической группе выявлены лексемы сформированные в разные исторические периоды:

- уральский: об., вас., тым. *opt*, кет. *tujja* ‘волос’; кет. *nukku* ‘затылок’; об. Ш, Ч, тым. *band* ~ ел. *mind* ‘лицо’; об., кет., ел., тур. *saj* ‘глаз’; об. Ш, кет., вас. *ug* ‘нос’; об. Ш *pudəl* ‘щека’; об., вас., кет., ел., тур. *qo* ‘ухо’; об. Ш, Ч, кет., тым. *aŋ* ‘рот’; об. Ш, Ч, вас., тым. *ǰē* ‘язык’; об., кет., вас. *umd* ‘борода’, ‘усы’; тур. *päptel* ‘подбородок’.

- самодийский: об., кет., вас., тым., тур. *ol* ‘голова’; об. С, кет. *sumba* ‘затылок’; об. Ч, тым. *qat* ‘лоб’; кет. *tar* ‘волос’; кет. *t'ißβa* ‘зуб’; об. Ш *pud'* ‘нос’; об. Ш, Ч *köβ*, ‘мозг’;

Некоторые сомонимы рассматриваются нами как сформированные в период существования селькупского как отдельного языка, так как данные названия частей тела не имеют аналогов в родственных языках и отражают культурную специфику селькупского этноса: об. Ч *qaž* ‘волос’; об., вас. *par* ‘макушка’; об. Ч, вас. *ni* ‘бровь’.

В рассматриваемой группе селькупских сомонимов имеется одно заимствование из других самодийских языков: кет. *m'enn'i* ‘подбородок’, ‘губы’ [Janhunen 1977: 95].

3. Сомонимы рассматриваемой тематической группы в основном являются простыми (непроизводными) словами: об. Ш, Ч, кет., тым. *āk* ‘рот’; кет. *menni* ‘подбородок’, ‘губы’; об. Ш, Ч, тым. *band*, ел. *mind* ‘лицо’; тур. *s'asə* ‘слюна’.

Селькупские сомонимы приобретают притяжательную форму: тур. *ol-īt* ‘голова (букв. ‘голова-его’)’; об. Ч, тым., тур. *pōr-t* ‘темя’ (букв. ‘верх-его’); ел. *sük-t* ‘затылок’ (букв. ‘затылок-его’).

Выявлен сомоним, выраженный именем существительным во множественном числе, образованный с помощью суффикса *-la/ -də* – об. Ч *līdə* ‘скулы’ (мн.ч. от слова об. Ч *lī* ‘кости’).

Кроме того, названия частей головы могут быть выражены составными наименованиями с различными способами соединения основ:

- морфологическое словосложение: об. Ш *saj-t-par* ‘бровь’ (букв. ‘глаз-его-верх’); об. Ш *saj-t-kat* ‘веко’ (букв. ‘глаз-его-слеза’); тым. *pič’-i-čonž* ‘переносица’ (букв. ‘нос-его-середина’);

- синтаксическое словосложение: об. Ш *saj-par* ‘бровь’ (букв. ‘глаз-верх’); ел. *saj-put’it* ‘зрачок’ (букв. ‘глаз-ядро’); об. С *āη-top* ‘губа’ (букв. ‘рот-край’).

Названия частей головы, выраженные словосочетаниями, также имеют разные формы:

- первый компонент представлен именем существительным в притяжательной форме: об. Ш *pud’-it šund’* ‘ноздря’ (букв. ‘нос-его нутро’); об. Ч *olə-t qöu* ‘головной мозг’ (букв. ‘голова-его мозг’); об. Ч *χai-t qaj* ‘слеза’ (букв. ‘глаз-его слеза’);

- первый компонент представлен именем существительным в родительном падеже: ел. *saj-n önzil* ‘бровь’, ‘ресница’ (букв. ‘глаза дуга’); об. Ш *saj-n kaj* ‘слеза’ (букв. ‘глаза слеза’);

- первый компонент представлен причастием: кет. *pald’ij pār’i* ‘темя’ (букв. ‘кружащийся верх’);

- первый компонент выражен именем прилагательным: об. Ч *jnneqəl χajt ni* ‘верхнее веко’ (об. Ч *jnneqəl* ‘верхний’), *ill’eqəl χajt ni* ‘нижнее веко’ (об. Ч *ill’eqəl* ‘нижний’); кет. *n’ittel’ lə* ‘затылочная кость’ (букв. ‘твердая кость’).

4. Простые сомонимы обладают значительным словообразовательным потенциалом. От них образованы слова, относящиеся к различным частям речи:

имена существительные:

- в сфере соматической лексики: об. С *olən-par* ‘макушка’, ‘темя’ (букв. ‘голова-верх’); об. Ш *saj-tar* ‘ресница’ (букв. ‘глаз-волос’); вас. *χbat-par* ‘плечо’ (букв. ‘дуга-верх’); тым. *qo-t-n’ir* ‘мочка уха’ (букв. ‘уха-его-хрящ’);

- в названиях предметов окружающей действительности: об. Ч *pörl-ol* ‘картофель’ (букв. ‘круглая-голова’); таз. *pül’-saj* ‘градинка’ (букв. ‘каменный-глаз’);

имена прилагательные: вас. *tarəl* ‘меховой’, ‘шерстяной’; тур. *kogədəl* ‘глухой’; таз. *pičik wentik* ‘незавуалированный’;

глаголы: вас. *s'ejgigimgu* 'ослепнуть'; об. С, Ч, кет. *umdərbəgu* 'обрастать'; об. С *sösugu* 'плюнуть';

наречия: об. Ш, Ч *ugot* 'раньше', 'сначала', 'впереди';

последлоги: УО *parin, pariyan* 'на чем-либо', 'над чем-либо' (об., вас. *par* 'темя'); об. Ч *qattı, qad* 'перед' (об. Ч, тым. *qat* 'лоб'); Лос. *angan* 'напротив чего-либо' (об. Ш, Ч, кет., тым. *aŋ* 'рот').

Простые сомонимы входят в состав словосочетаний:

- в сфере соматической лексики: таз. *timıl' laka* 'челюсть (букв. зубная куча)';

- в названиях предметов окружающей действительности: об. С *bandım muzulžukundi tıs'e* 'умывальник (букв. 'лицо-мое мыть посудина')'; об. Ш *madan āk* 'дверной проем' (букв. 'двери-рот').

В селькупском языке имеются фразеологические единицы с компонентом-сомонимом: таз. (*mandž'emu*) *olojın tobınddž'en* '(оглядеть) с головы до ног (т.е. целиком)'; об. Ч *tobın oloqondo* 'с ног на голову'; таз. *parıl' qātıt, parıl' qatıt* 'пригорюнившись'.

5. В селькупском языке одни и те же сомонимы используются для обозначения частей тела человека, животных и птиц: об., вас., тым. *opt, optə* 'волос', 'конский волос'; кет. *tar* 'волос (на теле)', 'шерсть', 'мех', 'перо'; об. Ч, тым. *qat* 'лоб', 'морда (зверей)'.

Характерной чертой сомонимов селькупского языка является их многозначность. Как в сфере соматической лексики, так и в сфере названий предметов и явлений окружающей действительности. Основами полисемии выступают метафора и метонимия.

В основе полисемии в сфере соматической лексики лежит метонимия, основанная на пространственной смежности: об., кет., вас., тым., тур. *ol* 'голова', 'волос'; об., вас. *par* 'темя', 'затылок', 'лысина'; об. Ш, Ч, тым. *band* 'лицо', 'щека'.

Для формирования второстепенных значений селькупских сомонимов, обозначающих предметы окружающей действительности или их части, используются разные типы метонимии и метафоры:

- метонимия, основанная на вещественной смежности: об., вас., тым. *opt*, *optə* ‘волос’, ‘петля’, ‘силлок’; об. Ч *qaž* ‘волос’, ‘мох (болотный)’;

- метонимия, основанная на пространственной смежности: об., вас. *par* ‘темя’, ‘верх’, ‘крыша’, ‘вершина’;

- метафора, основанная на внешнем сходстве объектов: кет. *saj* ‘глаз’, ‘петля (сети)’; об. Ч *χaj* ‘глаз’, ‘капля’, ‘крупинка’, ‘ядро’;

- метафора, основанная на сходстве местоположения частей объектов: об. С, Ч, ел. *īk* ‘передний конец’, ‘край’, ‘острие’, ‘нос’, ‘нос (лодки)’, ‘мыс’; об. С, тым. *pič*, тур., ел. *īndel* ‘нос’, ‘нос (лодки)’; кет. *ān ūgi* ‘губы’, ‘край’.

В названиях частей тела, представляющих собой атрибутивные словосочетания, отражаются особенности частей тела, описываемых данными сомонимами. К таким сомонимам относятся:

- атрибутивные словосочетания, отражающие особенности местоположения частей тела: кет. *ūjj lə* ‘череп’ (букв. ‘головная кость’); об. С *sumbagə l̥i* ‘затылочная кость’; тым. *akkəl l̥i* ‘челюсть’ (букв. ‘ротовая кость’);

- атрибутивные словосочетания, отражающие качественные характеристики частей тела: кет. *n'ittel' lə*; ‘затылочная кость’ (букв. ‘твердая кость’).

Выявлен единичный случай омонимии: об. Ш, Ч, вас., тым. *žē* ‘язык (орган)’, ‘язык (речь)’; и образование значения с помощью конверсии: тур. *īndəl* ‘нос’, ‘носатый’ (-*əl* – суффикс-показатель имени прилагательного).

6. Согласно культурологическим данным, в мировоззрении селькупов голова является символом Верхнего мира, так как именно в ней обитают некоторые души человека. Однако, как и части любой другой области тела человека, части и жидкие выделения головы наделяются различными смыслами в селькупской культуре. В результате проведенного лингвокультурологического анализа выявлено, что части тела, расположенные в области головы, обладают разной степенью значимости в селькупской культуре, которую можно условно разделить на три уровня:

1) части тела, названия которых обладают высшей степенью культурной детерминированности: голова, темя, лоб, глазное яблоко, зрачок, нос, язык, мозг,

слюнная жидкость. По представлениям селькупов такие части тела являются местом обитания или аналогом души человека и, нарушив их целостность, человек умирает;

2) части тела, названия которых имеют высокую степень выраженности культурной детерминированности: волос, глаз, лицо, щека, ухо, рот, зуб, борода, усы, слезная жидкость. Данные части тела выступают в роли каналов связи или, наоборот, служат границей между реальным и ирреальным мирами.

3) части тела, названия которых обладают наименьшей степенью культурной детерминированности: затылок, бровь, ресница, веко, губы, подбородок, череп, затылочная кость, челюсть, скула, носовая слизь. Представители селькупского этноса рассматривают такие части тела только с точки зрения их анатомических характеристик и функций.

ГЛАВА 4. НАЗВАНИЯ ОБЛАСТИ ШЕИ И ТУЛОВИЩА В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

В культурах народов Сибири тело рассматривается как средоточие жизненных душ человека, при этом каждая из душ обитает в определенном органе – сердце, печени, легких и т.д. Например, терминология, связанная с понятиями «жизненная сила» и «душа», у коряков восходит к значениям «тело» и «внутренности человека», «живот» [Антропова 1976: 261]. Таким образом, изучение названий частей тела, органов и жидких выделений области шеи и туловища человека позволит выявить места локализации душ, а значит, и наиболее значимые части и органы человека в представлении селькупов.

4.1 Соматическая лексика области шеи

4.1.1 Названия шеи

Названия шеи в селькупском языке представлены лексемами, которые условно можно разделить на две группы: 1) об. Ч *nogo*, об. Ш *nug*, об. С *nigo*, *nigi*; об. Ш, кет., вас. *nuk*, *nukə* ‘шея’; 2) вас. *čāžantə* ‘шея’ [СРДС 2005: 274]. Обыденные значения данных лексем актуализируются в таких контекстах как: об. С *tan qajze mega nugoyon ädrōz’ikuttə?* ‘ты чего мне на шею вешаешься?’, *tan qajze nugomdā qanḡilžibbal?* ‘ты зачем шею втянул?’. Сомоним об. Ш *nug* используется для обозначения шеи представителей животного мира, например: об. С *tögonnan nugut tübbuḡ eḡ* ‘у гуся длинная шея’.

При исследовании названия затылка было выявлено, что лексема *nug* и ее диалектные варианты изначально использовались для обозначения затылка: Ке. *nukka*, N *nug*, *nog*, *nōg(a)* ‘затылок’ [Castrén 1855: 328]. Согласно этимологическому словарю К. Редее «Uralisches etymologisches Wörterbuch» сомоним *nuk* ‘шея’ возможно восходит к уральской праформе *nukkz ‘затылок’, ‘шея’ – selk. Ке. *nukka*, N *nug*, *nog*, *nōg(a)* ‘затылок’, ‘шея’ [Rédei 1986: 328]. В селькупском языке данная

лексема получила более широкое распространение в значении ‘шея’. Внутренняя форма названия шеи, зафиксированного в васюганском диалекте *čāžanmә*, затемнена.

Согласно этнографическим данным, шею оберегали, повязывая на нее амулеты из когтей медведя или иконы: вас. *našakkīt χol’qend χurut kadem χariṭ kadīt* ‘тогда они привязали на шею когти медведя’; об. Ч, Ш *Tab na nor nugōyṭnd šērībat*. ‘Она эту икону на шею надела’, *Šud’ernand manžed’at, tabṭnnaṭ nugoyṭnd nor әdṭnda*. ‘В баню посмотрели: у нее на шее икона висит’ [Сказки 1996: 69]. Исходя из представленных фольклорных контекстов, можем предположить, что шея является местом или каналом связи с потусторонним миром, который нужно оберегать.

Проведенный анализ селькупских сомонимов со значением ‘шея’ позволил выявить, что лексема *nik* восходит к уральской праформе, и ранее ее ведущим значением было ‘затылок’. Данные культурологического характера свидетельствуют о том, шея, по представлениям селькупов, является связующим звеном между мирами.

4.1.2 Названия глотки

В различные исторические периоды в селькупском языке были зафиксированы следующие диалектные варианты названий глотки (медицинскому термину «глотка» соответствует разговорное название «горло»): О. *hoi*, N.; *soi*, K., NP.; *suoi*, OO., Tsch.; *suol*, B., Tas.; *sul*, Kar. ‘горло’ [Castrén 1855: 240]; кет. *sōj* ‘горло’ [Алатало 1998: 91, 146]; об., кет., ел. *soj*, тур. *solt*, *sol’*; кет. *sōl’d’i*; об. Ч *χoj*, *χol’*, вас. *χol*, *χol’*, *χol’d’e*, *χoll*; об. Ч, вас. *ol’* ‘горло’ [СРДС 2005: 212, 270]. Обыденное восприятие данных лексем иллюстрируют такие контексты, как об. Ч *manan χojom č’užәnd* ‘у меня горло болит’, вас. *χolom č’už’el’emba* ‘мое горло заболело’.

Поскольку глотка является внутренней частью шеи, то в представлении селькупов они являются единым целым. Лексема *sol’ ~ χol’* с основным значением ‘горло’ часто используется для номинации шеи, например: кет. *n’arōyon niṅga pirgә tobi qara t’umbә sōl’d’ize* ‘на болоте стоит длинноногий журавль с длинной шеей’; об.

Ч *kužan̄ tan̄ öčž'eñ eγak, mat pössajp̄ xojqek̄ βarap̄* ‘когда я молодая была, я бусы на шее носила’, *oloyond̄ ədž'emba* ‘на шее повис’; об. Ч, Ш *tebiγup̄ na pöllagadip̄ šēgend̄ čočembad, nadennan̄ xol'gend̄ öd̄imbad* ‘мужчина эти камни на нитку нанизал, девушке на шею надел’ [Сказки 1996: 100].

Название горла входит в качестве составного компонента в слова и словосочетания, которые обозначают предметы одежды, соприкасающиеся с горлом: кет. *sojan tappu* ‘горловина (букв. ‘горла край’), ел. *sojker, sojker'it* ‘горловина’; вас. *xol'ž'* ‘воротник’; об. С *sōjēnt sarəmp̄adi qatsar* ‘нагрудник (букв. ‘шея-его завязанный фартук’)’. В данном случае названия элементов одежды образованы от сомонима об., кет., ел. *soj* ‘горло’ в результате метонимического переноса, основанного на пространственной смежности. Лексемы со значением ‘горловина’ в елогуйском говоре имеют также значение ‘дуло’. В данном случае произошел процесс метафоризации, основанный на аналогии форм предметов. Другими производными от сомонима *sol'* ‘горло’ являются глаголы: об. Ч *solžigu*, кет. *sol'd'igu* ‘надеть на шею (бусы)’.

Для рассматриваемого сомонима восстановлена уральская праформа: *šuwe ‘рот’, ‘пасть (животного)’ - selk. Та. *suolj*, Ке. *sói*, КО *soi*, N *hoi, hoj (huoj)* ‘горло’, ‘голос’, ‘устье реки’ [Rédei 1988: 493]. Как свидетельствуют этимологические данные, в самодийских языках лексема со значением ‘горло’ использовалась также для обозначения устья реки. В селькупском языке на синхронном уровне для сомонима об., кет., ел. *soj* ‘горло’ зафиксированы аналогичные второстепенные значения: ‘ручей’, ‘исток’, ‘протока’ [СРДС 2005: 212, 270].

Подобной семантикой обладает и производное название об. С *sojga* ‘исток’, ‘узенькая речка’. Исток и устье реки – это и Нижний мир и Верхний – мир мертвых в целом. «Верх» – небо, истоки реки – тоже мир мертвых, такой же, как «низ» – подземелье или устье реки. Значит, весь иной мир (и нижний и верхний) – это мир мертвых [Степанова 2008: 39]. Таким образом, горло представлялось каналом связи с иным миром. По нему приходили к человеку дыхание-сила, помощь «добрых» духов и защита от «злых», и по нему же шаман проходил в иные миры, спасая или провожая людские души. Пар, выходящий изо рта при дыхании, и любой другой пар

является признаком живых людей. Пар идет со лба оживленных через варение в котле героев-братьев [Пелих 1998: 58]. По пару, выдыхаемому воинами приближающегося войска, судят о многочисленности войска [Тучкова 2004: 244]. У тазовских селькупов слово *kwej* 'душа' зафиксировано в значении «пар» [Ким 1997: 18].

От сомонима *sol'* ~ *χol'* 'горло' образовано название внутреннего органа об. С *qβejartej soj*, кет. *qβəidi soj* 'дыхательное горло', ср. кет. *qβej* 'дыхание'. Изображение дыхательного горла оленя было одним из главных атрибутов селькупского шаманского костюма и бубна. Выглядело оно как металлическая подвеска в виде двух проволочных спиралей, соединенных кольцом [Прокофьева 1949: 350]. Горло человека в числе нескольких других важнейших органов называется человеческой душой в мифе о появлении месяца [Пелих 1980: 14-15]. «Две жены месяца, в конце концов, разорвали его на две части. Верхняя часть месяца с горлом, сердцем и легкими досталась солнцу, а нижняя — дьяволу. С тех пор солнце все время качает месяц, пытаясь вырастить его в полную луну. Однако это не удается, и месяц периодически умирает и возрождается вновь» [Пелих 1980: 14-15].

Изображение дыхательного горла совпадает со знаком «витой петли», служащим селькупам талисманом, охраняющим от злых духов. «Этот талисман чертили на земле, выходя на незнакомый берег, его вырезали над входом в жилище. Иногда «витую петлю» прорезали на щеках личин, изображавшихся на наличниках окон. «Витая петля» изображалась также на колотушках бубнов. К обратной стороне колотушки прикреплялась вырезанная из металла человеческая фигурка, а к ней (на груди и на животе) – два талисмана в виде кольца с перевитыми и свисающими концами» [Пелих 1972: 121-122].

Лингвокультурологический анализ названий глотки в селькупском языке позволил выявить особую значимость данного органа в рассматриваемой культуре. Лингвистические данные свидетельствуют о том, что сомоним *sol'* ~ *χol'* 'горло' относится к уральскому пласту лексики и в настоящее время является многозначным. Второстепенные значения сомонима образованы на основе метонимии (пространственная смежность), метафоры (внешнее сходство объектов),

а также в результате влияния традиционного мировоззрения селькупов. По представлениям селькупов, глотка является местом связи реального и ирреального миров. Аналогом глотки выступает исток или узкая речка. В дыхательном горле обитает душа человека, предстающая в виде дыхания.

4.4.1 Названия выступа гортани

Медицинское название выступа гортани соответствует разговорному названию «кадык». В селькупском языке зафиксированы следующие диалектные варианты названий выступа гортани: кет. *kukkoj* ‘кадык’ [Алатало 1998: 101]; вас. *kokkol*’, кет. *kukkoj*; ел. *qeqir*; ел. *kigor*, *kigir* ‘кадык’ [СРДС 2005: 46]. Для данных лексем зафиксированы также значения ‘гортань’ и ‘зоб’. Полагаем, что изначально лексемой *kokkol*’ обозначался только выступ гортани. Значения ‘гортань’ и ‘зоб’ для данной лексемы случайны и связаны с близкой расположенностью друг к другу частей человеческого организма, обозначаемых данным словом. В связи с отсутствием дериватов внутренняя форма лексемы *kokkol*’ затемнена.

4.1.4 Названия щитовидной железы

Сомоним об. Ч *χigətellaga* ‘щитовидная железа’ – об. Ч *χigətellaga paktimənd* ‘щитовидная железа распухла’ [СРДС 2005: 271] – образован посредством слияния основы глагола об. Ч *χigədešpugu* ‘давить’, ‘душить’ и лексемы об., кет., тым., вас. *laga* ‘нечто круглое’, ‘шарик’. Соединительный элемент *-l* может свидетельствовать о том, что ранее сложное слово *χigətellaga* представляло собой составное наименование *χigətel laga*, где лексема *χigətel* относилась к грамматической категории прилагательного. Следовательно, буквальным значением лексемы можем считать ‘давящий/удушающий-шарик’.

4.2 Соматическая лексика области грудной клетки

4.2.1 Названия грудной клетки

Название грудной клетки (в словарях для обозначения грудной клетки используется термин «грудь») в селькупском языке представлено следующими диалектными вариантами: О. *kyl, kyln-ol*, В.; *kyle*, NP. ‘грудь’ [Castrén 1855: 210]; таз. *kil̄i* ‘грудь’ [Erdélyi 1969: 95]; кет. *kil̄i* ‘грудь’ [Алатало 1998: 91]; об. Ш, Ч, кет., тым. *kil*, об. Ш, Ч *kilnol*, кет., тур. *kil̄i*, кет. *kil̄anol, kil̄anolal’ la* об., кет. *qil̄a*, ел. *qil’a* ‘грудь’ [СРДС 2005: 58, 105-106].

Данные лексемы актуализируются в следующих обыденных контекстах: об. Ч *tüt xaj paktemba, ücedel’ikat kil̄ond al’t’emba* ‘искорка взлетела, ребенку на грудь упала’; таз. *tepit kil̄it̄i tüšisa* ‘ее грудь будет болеть’ [Erdélyi 1969: 95]. Название грудной клетки об. Ш, Ч, кет., тым. *kil* используется для обозначения грудной клетки животных и птиц, например: тур. *t̄imt̄ä n’arkil̄oal kil̄iñ eña* ‘дятел красногруден’.

Вторым компонентом сложных наименований *kiln-ol, kil̄an-ol* выступает лексема *ol* ‘голова’, но в своем коннотативном значении ‘округлость’. Буквальным значением сложных вариантов наименования грудной клетки является ‘груди-округлость’. В таком случае, для словосочетания кет. *kil̄anolal’ la* ‘грудь’ восстанавливается буквальное значение ‘груди-округлая кость’, так как компонент *al’* представляет собой суффикс имени прилагательного, а слово *la* является названием кости (ср. ел. *la* ‘кость’). От рассматриваемого сомонима образовано словосочетание вас. *qil̄inde t’βösse* ‘задом наперед (букв. ‘грудью назад’)’.

С точки зрения духовной культуры селькупов грудь связана с Богом и душой человека. Варианты наименования грудной клетки *kil, qil̄a* материально совпадают с лексемами об. Ш *kil*, об. С, Ш *qil*, об. Ч, вас. *qil̄a*; об. Ч, вас. *qil̄a* ‘яма’, ‘могила’, ‘берлога’ [СРДС 2005: 105]. Из этого следует, что грудная клетка рассматривается представителями селькупского этноса как некое вместилище, полость, подобная яме, берлоге, могиле. Другое материальное совпадение сомонимов *kil, qil̄a* ‘грудная клетка’ с лексемой тур. *qij* ‘дух’ (при учете регулярных чередований *-l ~ -j*)

свидетельствует о том, что данная полость не пустая, а заполнена душой. Отсюда происходит словосочетание об. Ч *numnə q̄lomd a paž'innid* 'Богу не молится', *q̄l pačalgu* 'перекреститься' (букв. 'грудь расколоть', ср. об. Ч, тым. *pačalgu* 'расколоть', т.е. раскрыть, обнажить душу): об. Ч *amdəlqun ī Van'ka n̄l'žik tabən tannəmba, okər par q̄lomdə numn a pač'alguik* 'царя сын Иван так на нее смотрит, ни разу грудь свою Богу не перекрестит' (из ск.).

Лингвокультурологический анализ названий грудной клетки в селькупском языке позволил выявить, что для обозначения данной части тела используются как простые, так и сложные названия и словосочетания. Для последних восстанавливается буквальное значение 'груди-округлая кость'. В селькупской духовной культуре грудная клетка выполняет функцию вместилища души.

4.2.1.1 Названия ребра

В словарях селькупского языка зафиксированы следующие лексемы со значением 'ребро': кет. *q̄d̄il le* 'ребро' [Алатало 1998: 129]; об. С *köde*, тым. *q̄təll̄i* 'ребро' [СРДС 2005: 85, 96-97]. Данные сомонимы актуализируются в следующих обыденных контекстах: об. Ч *onž'e q̄d̄əl ellāde* 'свои ребра заскрипят (букв. 'ребро заскрипит')'; об. С *ködelau közendattə* 'мои рёбра болят'.

Названия ребра поддаются морфемному членению *kö-de*, *q̄-təll̄i*. Основы *kö-* и *q̄-* данных сомонимов материально совпадают с наименованием бока, ср. об. Ч, тым. *kö*, *qo* 'бок'. Данный факт свидетельствует о том, что в селькупском языке название ребра берет начало от названия бока. Кроме того, в словарях для лексем с основным значением 'бок' зафиксировано вторичное значение 'ребро': об. С, тур. *q̄d̄al*, *q̄d̄ol*, об. Ч *q̄d̄əl* 'бок', 'ребро'; об. Ч, тур. *q̄d̄i* 'бок', 'ребро' [СРДС 2005: 85, 96-97]. Таким образом, селькупы рассматривают бок и ребро как единое целое.

Сложные названия ребра кет. *q̄d̄il le* и тым. *q̄təll̄i* имеют буквальное значение 'боковая кость', которое восстанавливается из значений составных компонентов: *q̄-* 'бок', *-d/-t* – соединительный элемент, *-il/-əl* – суффикс прилагательного, *le/-l̄i* – 'кость' (кет. *le*, *l̄i* 'кость').

Сомоним *qö* ‘ребро’ претерпел процесс грамматикализации и стал использоваться в качестве серийного послелого: Ив. *mādat qöyan nəngzak* ‘я у дома (букв. ‘дома возле’) стоял’ [Беккер 1978: 106, 128].

Проведенный лингвистический анализ названий ребра в селькупском языке позволил выявить, что лексемы кет. *qödīl le*; об. С *köde*; тым. *qötälli* ‘ребро’ являются производными от слова об. Ч, тым. *kö, qo* ‘бок’. Для сложного наименования тым. *qötälli* и словосочетания кет. *qödīl le* восстановлено буквальное значение ‘боковая кость’.

4.2.1 Названия молочной железы и грудного молока

Названия молочной железы в селькупском языке представлены следующими диалектными вариантами: об. Ч *näbä, n’afī*, об. *n’eps, n’epsī, n’epsä*, вас. *n’efä*, об. Ч *n’afä, n’er* вас. *naf, nafa*, об. С, кет., тур. *n’ips, n’ipsī*, кет. *n’upsī*, ел. *n’imete* ‘грудь (молочная железа)’ [СРДС 2005: 143]. Данные лексеммы актуализируются в таких обыденных контекстах, как об. Ч *qužan nälyut il’mādər n’afe näβrešpādət, näbədəd βary ējadət* ‘когда женщины детей (букв. ребенка) грудью кормят, груди-их большие’, об. С *nadä kibān’ažanne n’epsim mēgu* ‘надо ребенку грудь дать’. Представленные сомонимы используются также для обозначения вымени животных.

Выделяемый у названиях груди компонент *näb-* вошел в качестве составного компонента в такие лексеммы, как об. Ч *näbqilgu* ‘высосать’, ‘подоить’, *näβrešpugu* ‘кормить (грудью)’, *näβərgu* ‘покормить (грудью)’, *neβrēšpugu* ‘сосать’, ‘кормить грудью’, об. Ч *n’efelgu* ‘кормить грудью’; об. Ш *n’efralžugu* ‘накормить грудью’, *n’efralžēšpugu* ‘кормить грудью’, *n’efrēšpəgu*; об. Ш, Ч *n’efərgu*; вас. *n’efərəgu* ‘сосать’, ‘кормить грудью’; об. С *n’emyilgu* ‘сосать’, ‘высасывать’, *neβirgu* ‘кормить грудью’, ‘сосать’; тур. *n’imjraldiqo* ‘накормить грудью’; кет. *nimjilgu* ‘высосать’. Компонент *näb-* выделяется и в наименованиях гнуса: кет., вас. *n’efr’e*, тур. *n’imr’a*, об. С *neβre*, кет. *n’uβərī*, об. Ч *n’aβr’e* ‘мошка’, ‘гнус’, вероятно, названного так в силу сосущего способа питания. Таким образом, компонент *näb-* и его фонетические варианты заключают в себе информацию о способе кормления.

Сомоним *nābə* ‘грудь’ стал основой для образования лексем, связанных с грудью: ел. *n’imete susendejm* ‘грудница (букв. ‘груди болезнь’)’; тым. *n’eban ug*, об. Ш *n’epsin ug*, кет. *n’ipsin ügə, n’epsin ug* ‘сосок (букв. ‘груди край’)’ [СРДС 2005: 143].

Лексемы, обозначающие молочную железу, используются и для обозначения грудного молока. Материнское молоко является еще одним воплощением «жидкой» души, силы, получаемой человеком в юном возрасте из материнской утробы. Молоку матери приписывались «жизнедавательные» функции: оно оживляет новорожденного-*лоза*, лежащего в колыбели-утробе иного мира, превращая его в полноценного земного человека. В фольклоре молоко из груди женщины-матери «оживляет» героя, вернувшегося домой после долгих странствий. По мифологическим данным, женское молоко служило средством опознания своих и чужих. Для опознания родного ребенка мать пускала струю молока из своей груди, если молоко попадало в ему рот, это значило, что ребенок ее: нар. *tolok nīl’as ma n’ipsom č’ič’altentap mundīk n’ipsit saj okkintī al’č’enta, na ma ijanoko ennantī* ‘подальше встань, я грудью своей чиркну, если все капельки молока в твой рот упадут, тогда моим сыном будешь’ [Дульзон 1972б: 814]. В другой сказке точно также через брызги молока женщина узнает своего сына, возвращенного ей мамонтом-матерью, вышедшей из проруби [Степанова 2008: 205].

Кроме того, по поверьям селькупов, молоко обладает целебными свойствами. Например, считалось, что заячьим молоком надо было смазывать раны, чтобы они зажили [Тучкова 2004: 211-212].

Анализ фактического лингвистического и этнографического материала позволил выявить, что в сомоним *nābə* интегрирована идея о способе кормления. Данный сомоним используется, как для обозначения женской груди, так и женского молока. В селькупской культуре молоко женщины занимает важное место. Оно считается «жидкой» душой, в силу чего способно даровать жизнь, оно обладает целебными свойствами, а также является средством опознания своих и чужих.

4.2.2 Названия сердца

В селькупском языке в разные исторические периоды были зафиксированы следующие диалектные варианты названий сердца: тым. *sīže* ‘сердце’ [187, с. 26]; *sīt’s’i* ‘сердце’ [Castrén 1960: 462]; Ту. *sīd* ‘сердце’ [Janhunen 1977: 139]; ТаУ *sīče*, ТуМ *sīd*, Ке. *sīd’e, siče* ‘сердце’ [Rédei1988: 477]; *s’idj* ‘сердце’ [Алатало 1998: 58]; кет. *s’id’e, s’itt’e*; об. С *sīdja, sit’, sedit, sed’, sede, sec’, s’ed’, s’ez’*; об. Ш *šīd’el, šid’imjd, šīte, šid’e, š’id’el, š’id’*; об. Ч *χ’iz’, iz’e, iž’edā*; тым. *siz’e, š’ič’*; вас. *š’id’e, š’id’, š’it’e*; ел. *s’ič’a*; тур. *sīč’i* ‘сердце’ [СРДС 2005: 27].

Данные сомонимы актуализируются в следующих обыденных контекстах: вас. *na qunan šid’et fa ek* ‘у этого человека хорошее сердце’; кет. *s’it’eβ meŋnan ipqānnit* ‘у меня сердце сдавило’; об. С *sed’eu qüzān* ‘мое сердце болит’, *sed’eβim manan ebaut* ‘мое сердце сжимается’, *sed’eβ mota* ‘мое сердце бьется’; кет. *s’itt’eβ ipqānnit* ‘мое сердце сжимается’, *s’itt’em qüzun* ‘мое сердце болит’; об. С, Ч *iž’emdā apkolbat* ‘сердце сдавило’; об. Ш *šīd’el manan sažima’etsa* ‘мое сердце сжимается’, *kut’ š’id’* ‘сердце человека’; об. Ч *χ’iz’ n’iqəβatpa* ‘сердце колотится’, *mat χ’iz’em mužβan, ludβannā* ‘моё сердце забилося, заколотилось’, *mannan iž’emdā apqalbat* ‘у меня сердце сдавило’; тым. *mat sizām qošqalŋ eza* ‘мне с сердцем плохо стало’.

Селькупское слово *s’ed* ‘сердце’ восходит к уральской праформе *s’idä (-mз)* (*s’üdü (-mз)* ‘сердце’: selk. Ке. *s’id’e, sīč’i*; kam. *sī*; koib. *sei* ‘сердце’ [Rédei1988: 477]. Сомонимы *s’ič’*, *χ’iz’* имеют второстепенное значение ‘грудь’, что, вероятно, связано с расположением сердца.

Названия сердца материально совпадают с лексемами: об. С *sid’a* ‘уголь’, ‘сажа’; об. Ш *š’id’*, тым. *š’idā* ‘зола’, ‘пепел’, ‘сажа’, ‘уголь’; кет. *s’id’e*, тур. *s’ič’i*, ел. *s’ič’*, ср. об. С *s’idebo* ‘головешка тлеет’; тым. *s’id’erbugu* ‘обуглиться’. Как известно, огонь охраняют, его «кормят», поддерживают. Огонь, пламя и уголь – типичные символы сердца. Уголь является символом возрождения рода. Вероятно, подобную семантику содержит устойчивое словосочетание вас. *inde šjd’ende tüp č’adugu* ‘сердцем сына огонь зажечь’. Разжигание огня равносильно рождению, воскресению и передают его только представителям своего рода [Горчаков 2007: 130-131].

Словом *s'ič'i* селькупы обозначают также «уголь дляковки» (каменный уголь) – атрибут предков-кузнецов, живущих на небе. Он хранится неподалеку от них в специальном помещении [Прокофьева 1961: 65; Ириков 1988: 63]. Через значение «угля дляковки», то есть «пылающего камня», с помощью которого плавят железо, сердце связывается с огнем, камнем и железом. «Кровавые» органы человека, в первую очередь сердце, печень и легкие, наполненные «огнем» – животворящей красной горячей кровью, в представлениях селькупов выступают как тождество души человека и копии утробы священной матери-огня [Степанова 2008: 185]. «Для обозначения души живого человека селькупы с р. Парабель употребляют слово *хиджь/иджь* – сердце, когда хотят сказать, что душа болит» [Тучкова 1996: 88]. Кроме того, для лексемы тым. *š'ič'* в словарях зафиксировано значение 'душа' [СРДС 2005: 298].

Название сердца об. Ч *ič'e* в одном из диалектов омонимично имени фольклорного героя *ič'a*, которое одновременно является названием тотема тым. *ič'e*; вас. *χ'id'e*; об. Ч *χ'iz'* 'мизгирь', 'паук'. В сказках Итте предстает в образе паука (Идже-кажа или Мизгирь) [Тучкова 2013: 229]. Кроме материального совпадения с насекомым-тотемом *χ'iz'* 'паук', 'мизгирь', название сердца с анлаутным щелевым *χ* характеризует отсутствие словообразовательных связей, т.е. отсутствие производных глаголов. Полагаем, что таким образом проявляется сакральная функция сердца – быть связующим элементом между Верхним миром, где зарождается жизнь и который считается местом локализации сердца (душа), и Средним миром, где она осуществляется и поддерживается (уголь). Насекомое-тотем *χ'iz'* 'паук' выступает символом соединения верха и середины.

Сердце в языковой культуре селькупов связано с другим органом человека – печенью. В одном из диалектов селькупского языка название сердца совпадает с названием печени (коровы), ср. об. С *sedit* 'сердце'; об. С *s'edet, s'et'* 'печень (коровы)' [СРДС 2005: 210], другая лексема, именующая сердце, представляет собой сложное слово, одним из компонентов которого выступает сомоним 'печень' об. Ш *šidimjɔd* < *šidj* 'сердце' - *mjɔd* 'печень' [СРДС 2005: 298]. Подобные случаи имеются и в других языках мира. Так, в иранских языках *dilu hugar* (букв. 'сердце печень') в

значении ‘ближайший’, *magzi hugar* (букв. ‘сердцевина печени’) в значении ‘душа’ [Сакаева 2009]. Согласно селькупским мифологическим данным, печень имеет не менее важное значение в культуре, чем сердце: у поверженного врага надо съесть сердце и печень, чтобы враг не ожил; обитатели Нижнего мира не имеют сердца и печени [Тучкова 2004: 265].

В селькупском языке сомоним *sed'* ‘сердце’ вошел в словосочетание об. *sed'yi küstamə* ‘сердечная боль’, а также в устойчивое сочетание тым. *oten iżä* ‘пульс’ (букв. ‘руки-сердце’). Подобным словосочетанием ‘сердце руки’ ханты идентифицируют пульс человека и животных: *V. Vj köt-səm Kaz. jos-sām, jas-sam* ‘пульс, артерия’, но Тег. *wör Aler* ‘пульс’ (букв. ‘сосуд-крови’) [Рябчикова 2008: 122]. В кетском языке *həŋnəŋt-hū* ‘пульс на руке’, (букв. ‘сердце-руки’ < *həŋnəŋ* ‘рука’-t (формант генитива)-*hū* ‘сердце’ [Клопотова 2002: 139].

Проведенный лингвокультурологический анализ позволил выявить, что сомоним *s'ič' ~ χ'iz* относится к уральскому пласту лексики и на синхронном уровне обладает второстепенными значениями ‘душа’ и ‘грудь’. Названия сердца малопродуктивны в словообразовании, что может свидетельствовать о принадлежности рассматриваемых слов к сфере сакральной лексики. Лингвокультурологический анализ семантической структуры сомонима *s'ič' ~ χ'iz* показал, что сердце является средоточием жизни и сложным соединением материального и духовного начал, т.е. сердце в селькупской культуре является символом соединения Верхнего и Среднего миров.

4.2.3 Названия легких

В разные временные периоды в селькупском языке были зафиксированы варианты названий легких, которые можно условно разделить на несколько групп согласно корневым основам: 1) О. *pūka*, В., Тас.; *pūke*, Кар. ‘легкие’ [Castrén 1855: 249]; тур. *pūga*; об. Ч *pugä* ‘легкие’ [СРДС 2005: 196]; 2) таз. *pikšä, pissä* ‘легкие’ [Erdélyi 1969: 188]; кет. *įssa* ‘легкие’ [Алатало 1998: 107]; ел. *piks'e*; кет. *įssa* ‘легкие’ [СРДС 2005: 200, 307]; 3) О. *tümäktä*, К.; *tümiekt*, NP. ‘легкие’ [Castrén 1855: 249];

samojedisch. *tiwak* ‘легкие’ [Donner 1932: 71]; кет. *tij m’ektj* ‘легкие’ [Алатало 1998: 107]; кет. *tü’i mektə* ‘легкие’ [СРДС 2005: 245]; 4) ел. *s’ebijm* ‘легкие’ [СРДС 2005: 210].

Легкие, подобно сердцу, относятся к числу «кровоавых» органов человека. В представлениях селькупов они выступают как тождество души человека и копии утробы священной матери-огня [Степанова 2008: 185]. Согласно мифологическим текстам, где встречается первый вариант названия легких *pūga*, из легкого может появиться жизнь. В этимологических мифах рассказывается о происхождении трясины из легкого утопленной в Чертовом озере дочери черта, которую зарубили два человека [Тучкова 2004: 244]. Лексема *pūga* имеет в своем названии основу *pu* ‘камень’ и связывается тем самым не только с болотом, в которое это легкое может превращаться, но и с камнем, то есть сразу с двумя образами священного материнского чрева [Степанова 2008: 186]. Согласно древним поверьям селькупов, легкие относятся к таким частям тела, сохранив которые человека еще можно оживить (такими являются также сердце и печень) [Тучкова 2004: 244].

Вариант названия легких *pūga* материально совпадает с глаголами об. Ч, ел. *pūgi* ‘дуть’, ‘фыркать’; об. С *rigolgu*, об. Ч, кет. *puʷalgu* ‘подуть’, ‘надуть (щеки)’; об. Ч *rigesʷpigi*, *rigesʷpigi* ‘продувать’; об. С *rigol’d’igu* ‘надуться’; об. Ш *pūgulešpigi*, об. Ч *pūʷolešpigi* ‘обдувать’, ‘вздуваться’; кет. *pūkkugi* ‘дуть’. Полагаем, что представленные лексемы являются дериватами сомонима *pūga*, основанные на метафоре, связанной с функцией легких.

В силу отсутствия производных слов, внутренняя форма сомонима *pīks’e* затемнена. Рассматриваемая лексема актуализируется в следующем обыденном контексте: таз. *kejiplänti kīloqintj pīssä esīsī* ‘для того, чтобы дышать, у них есть легкие в груди’ [Erdélyi 1969: 188]. Названия легких третьей группы восходят к уральской праформе: *tāwe ‘лекие’ – selk. Ke *tuymäktä*, NP *tuymiektə*; kam. *tu* [Rédei 1988: 519]. Последнее название ел. *s’ebijm* ‘легкие’ образован от прилагательного ел. *s’ebij* ‘легкий’ с помощью добавления субстантивизирующего суффикса *-m*.

В ходе проведенного лингвистического исследования было выявлено, что в селькупском языке существует четыре группы названий легких. Одно из них имеет культурологическую значимость. В сомониме *pīga* заключается ассоциативная связь с рождающей душой, материнским чревом. Внутренняя форма лексемы *pīks'e* затемнена. Названия кет. *tü'i mektə* принадлежит древнему уральскому пласту лексики. Сомоним *s'ebijm* передает качественную характеристику рассматриваемого органа.

4.3 Соматическая лексика области живота и тазового пояса

4.3.1 Названия живота и желудка

В селькупской культуре живот является весьма важной частью тела человека, что доказывает наличие нескольких названий данного органа: об. Ш, кет. *nanžə*, об. С, вас. *nāžə*, таз. *perqi*, тур., ел. *pūtj* и ел. *sün'd'*.

Исходя из фактического материала, зафиксированного в разные исторические периоды, начиная с XIX века, и отраженного в словарях, выделяются следующие фонетические варианты названия живота в селькупском языке: К., Tsch., ОО *nanžj*; В., Tas *nänž* 'желудок'; Кар. *nand* (*nanž*) 'желудок' [Castrén 1855: 138]; am Tas. *nänži*; Narym. *nändže*; Ket. *nändže*; Tymische. *nändže*; Tomsk. *nandžöll* 'живот' [Donner 1932: 36-38]; таз. *nantj*, *nāntj* 'брюхо' [Erdélyi 1969: 149]; sk (Pr) *nantj* 'желудок', 'живот' [Janhunen 1977: 20]; *nānžj* 'живот' [Алатало 1998: 96]; об. Ш, кет. *nanžə*; об. Ч, кет., вас., тым. *nanž* 'живот' [СРДС 2005: 141]. В фонетических вариантах имеет место регулярное чередование звуков *d ~ dž ~ ž ~ t* и *ä ~ a* [Dulson 1971: 36, 40].

Фонетические варианты данного ряда восходят к общесамодийской основе **āncə* (*mt-tg*) ~ **nāncə* 'желудок', 'живот', которая была реконструирована на основе соответствий в самодийских языках: sk (Pr) *nantj*, (D) Ту. *nandz* [Janhunen 1977: 20]. Близким по звуковой форме является сомоним об. С, вас. *nāžə* 'живот' [СРДС 2005: 141]. Не исключено, что данные сомонимы являются диалектными вариантами названия живота. Сомоним *nāžə*, вероятно, сформировался от формы *nanžə* в

результате выпадения согласной. Рассматриваемые сомонимы актуализируются в таких обыденных контекстах, как об. С *nadə qβəlīm nāž'əm korelgu* 'надо рыбе вспороть брюхо', *nažou passəd'ij* 'брюхо лопнуло'; таз. *sä nānti loqa* 'лиса с черным животом'.

Компоненты *nanž* ~ *nažə* входят в состав словосочетаний с общим значением 'беременность'. Об этом можно судить на основании следующих контекстов: кет. *nanžəze ēgu* 'быть беременной (букв. 'с животом быть')', вас. *nanž ēdembugu* 'забеременеть (букв. 'живот-становиться)'; об. С *nažəze äzugu* 'забеременеть' (*täp nažəze äzuppa* 'она забеременела'). Фактический материал показывает, что название живота *nandž* несет в себе значение 'беременная утроба'. Лексема *nandž* 'живот' входит составным компонентом в название фартука **nandžel kapi* (букв. 'живот полог') и **nondel' kütin* (букв. 'часть тела (от талии вниз спереди) нагрудник') [Булгакова 2003: 115].

В ходе семантического развития внутренняя форма лексемы *nanžə* затемняется, в результате чего сомоним становится многозначным. Поэтому у лексемы *nanžə* наряду со значением 'живот' зафиксировано значение 'желудок'. Аналогичное явление характерно и для других языков: удм. *жуш* 'желудок', 'живот', 'брюхо' [Лыткин 1970: 246]; нен. *нянко, мы'(н)* 'живот', 'желудок' [Пырерка 1948: 78]; эв. *хукитэ* 'желудок', 'живот' [Бодырев 1976: 38].

Среди представленных вариантов названия живота имеется сложное наименование *nandžöll* 'живот'. Полагаем, что вторым компонентом выступает название головы *öll*, ср. об., кет., вас., тым., тур. *ol, òl, olə*; об. С *ul* 'голова' при условии чередования *o ~ u ~ ò ~ ö* [Dulson 1971: 37], но не в первоначальном значении, а в значении 'округлость'.

Следующее название живота представлено фонетическими вариантами сомонима таз. *perqi: pärqi, perqi* 'брюхо' [Erdélyi 1969: 180]; кет. *pergi* 'живот' [Алатало 1998: 96]; об. Ч, вас., тур. *pärgə*; об. Ш *pärəg, p'erge*; кет., вас. *pärrəge, pärrək*; вас. *pärjk*; тым. *pärjk'a*; тым., ел. *p'erg*; кет. *pergel', perke, perəgə*; об. С, кет. *pergə*; об. Ш, тур. *p'arg*; об. Ч *p'arge* 'живот', 'желудок' [СРДС 2005: 185]. В ряде фонетических вариантов имеет место регулярное чередование звуков *k ~ q ~ g* и *a ~ ä*

~ е [Dulson 1971: 38]. Согласно этимологическим данным, селькупский сомоним *pärgə* восходит к уральской основе *pijra ‘желудок животного’, ‘зоб’ – selk. ТаU КеМ *pärqe* ‘желудок’, Ту. *pärq*, Тур. *pärki* ‘живот’ [Rédei 1987: 379].

Словосочетания с сомонимом *pärgə* ‘живот’ и производные от него слова заключают в себе информацию о состоянии живота, отличном от нормы, ср.: ел. *p’ergsüs’e* ‘дизентерия (букв. ‘живот боль’)’; кет. *perkej ütče toj čačku* ‘сделать аборт (букв. ‘к животу относящийся ребенок выбросить)’; об. Ч *manan p’argem urbatpand* ‘у меня в животе урчит’; об. Ш *p’ergemt lagolžiku* ‘надорвать живот (букв. ‘живот сдвинуть с места)’; таз. *šü kanat pärqimti sattirsit* ‘змея укусила собаку за живот’, *ukkir kanat perqomti niťanit* ‘он (медведь) разорвал живот собаки’; тым. *p’ergəd čiqbatpugu* ‘быть поносу’. Исходя из значений приведенных примеров, можем полагать, что лексема *pärgə* используется для обозначения больного или поврежденного живота.

Аналогичная семантика передается контекстами селькупских сказок: об. Ч, Ш *Īd’e p’argēyind āmdis i taβip salēšpis* ‘Идя в его (Пёнегессе) животе сидел и нож точит’, “*p’arg’emd kigak mat požalžigu*” ‘живот твой хочу вспороть’, “*tan mat p’arg’em əg požalžle, mat kβesse tašt tödlaks*” ‘ты мой живот не вспарывай, я тебя назад изрыгну’ [Сказки 1996: 29]; *tolade pet, kup amgbat, perg paγe mažlade, k’adyp pot parynt ödlade* ‘придут ночью, съедят человека, живот потом разрежут, кишки по деревьям развешат’, *kužat tüldehe čažešpat p’argent tebelgup kβalde korγop*. ‘кто из ружья стреляет в живот, мужик убьет медведя’ [Ким 1997: 175,187].

Сомоним *pūtj* так же имеет значение ‘живот’. Его диалектными вариантами при регулярном чередовании *t ~ ž ~ č* [Dulson 1971: 40] являются таз. *putj, pūtj* ‘нутро (глубь, глубина, гуща, чаща, недра)’ [Erdélyi 1969: 196]; об. Ш, Ч, тым. *pūž*’; об. С, вас. *pūž’ə*; об. Ч *pužad*; кет. *puča*; тур. *puťitə*; тур., ел. *pūtj* ‘живот’, ‘желудок’ [СРДС 2005: 197]. Примером употребления одного из фонетических вариантов сомонима является следующее предложение: ел. *man putam čüsat* ‘мое нутро болит’. Для рассматриваемого сомонима восстанавливается уральская праформа: *pučkz ‘внутренность’ – selk. Та. *puč*: *pučondš* ‘внутри’, ТаU *pūte*, КеО *pūče*, Ту. *pūč* ‘внутренность’, ‘середина’, ‘в’, ‘внутри’ [Rédei 1987: 398].

В словаре И. Эрдеи «Selkupisches Wörterverzeichnis» лексема *pūtī* зафиксирована со значением ‘нутро’ [Erdélyi 1969: 196]. Согласно словарю В.И. Даля, «нутро – это внутренность, недро, полость в чем-либо, простор, пространство, в чем-либо заключенное» [Даль 2008-2017]. Следовательно, нутро – это полая оболочка, в медицинской терминологии именуемая брюшной полостью. Брюшная полость не пустая, она содержит органы пищеварения и мочеполовой системы (внутренности).

Вариант названия живота *pūtī* в селькупском языке совпадает с сомонимами ‘внутренность’ и ‘нутро’ в ненецком и некоторых финно-угорских языках. Например, в этимологическом словаре коми языка для сомонима *пыттикӧс* ‘внутренность’, ‘полость’ восстанавливается общепермская основа **ри́ск-* ‘внутренняя часть’ и допермская основа **ри́ска-*, которые прослеживаются в родственных языках удм. *пуш* ‘внутренность’; мар. *пушко* ‘внутренность животных’; нен. *O püdz* ‘нутро’ [Лыткин 1970: 237]. Полагаем, что в рассматриваемых языках понятия «внутренность» и «нутро» синонимичны и стоит различать внутренность-полость и внутренности-органы, содержащиеся в этой полости.

Селькупский сомоним *pūtī* несет в себе значение ‘заполненная полость’, которое восстанавливается из семантики глагола кет. *putīku* ‘выплюнуть’ и словосочетания таз. *tötkilä pütamtī* ‘изрыгать (выплевывать) содержимое’.

Согласно селькупской мифологии, лексема *pūtī* ‘нутро’ подобно сельк. *sīčī* ‘сердце’ относится к одному из понятий, обозначающих средоточие важнейших жизненных сил [Гучкова 2004: 78]. Из живота рождалась новая жизнь, исходила сила жизни, и вполне правомерно считать живот образом жизненного начала человека. Живот назывался селькупами как один из вариантов места дислокации души человека [Щапов 1937: 111]. В силу этого лексема *pūtī* имеет множество значений, ассоциативно связанных с зарождением жизни: ‘внутренность’, ‘душа’, ‘пуп’, ‘зерно’, ‘ядро’, ‘дудка (зонтичное растение)’, ‘ствол’. Таким образом, название живота *pūtī* выступает аналогом чрева, заполненного душой или зародышем.

Для обозначения нутра, внутренности используется еще один сомоним *sün'd'i*. При условии регулярного чередования $s \sim \check{s}$ [Dulson 1971: 40] выявляются следующие диалектные варианты данного названия: об. С *söd'd'i*, *süd'i*, *süd'd'e*, *s'utd'e*, *sün't*, *sün't'*, *sent'e*, *s'utd'e*; об. Ч, тым., тур. *šun'ž'*, *šun'ž'e*; кет. *sünd'*, *sün'd'i*; вас., тым. *šund'e*; тым. *šunž*, *šend*, *šent'*, *šent'*; ел. *šun'd'* 'нутро', 'внутренность' [СРДС 2005: 215]. Лексемы встречаются в следующих контекстах: кет. *sün'd'eβ küzuy* 'нутро мое болит'; тым. *surut šun'ž'* 'нутро зверя', *šun'emda korsase pažjalgut* 'нутро-его (дерева) теслом выдалбливаем'. Этимологически данное слово восходит к уральской праформе **junča ~ juča* 'середина' – selk. Та. N *tjondš*, Ке. *tjonds* 'внутренность', 'середина' [Rédei 1986a: 105].

Фактический языковой материал показывает, что название *sün'd'i* обозначает 'пустое нутро'. Данное значение восстанавливается из значений слов, образованных от той же основы, ср. ел. *s'un'duy*, *s'un'dup* 'пусто'; кет. *sündebəl'*; вас. *šund'ebə*; тым. *šun'd'ebəl'*, *šun'žebjl'* 'пустой', 'порожний'; кет. *sün'd'egu* 'опустеть', 'кончиться'; кет. *sün'd'aptiku* 'окончить', 'опустошить'; тым. *šend'egu*, *šenč'igu* 'опростаться', 'освободиться'; тым. *šendebəl' ružij po* 'дерево с дуплом'.

На наличие в сомониме *sün'd'i* смыслов 'пустое нутро' и 'пространство' указывают другие его значения, такие как 'помещение', 'комната' (например: вас. *n'anel' šund'e* 'отдельная комната'), 'этаж' (например: вас. *elyəl šund'e* 'нижний этаж'). Подобные метафорические переносы встречаются и в других языках, например: ен. юкет. *us'en' hij* 'спальня' < *us'en* 'спать'; *hij* 'помещение' < 'живот' [Клопотова 2002: 134]. Полагаем, что название *sün'd'* рассматривается представителями селькупского этноса как полость-вместилище.

В XIX в. сомонимом *sün'd'* обозначали не только внутренность в целом, но и отдельный орган – желудок. Такое значение встречается в материалах М.А. Кастрена: МО. *sünd'*; К. *sündde*; NP. *sünde*, Tsch., ОО. *sündö*, В., Tas., Кар. *s'ünd*, N. *s'ünž* [Castrén 1855: 162]. Возможно, смена сферы употребления лексемы связана с генерализацией семантики сомонима.

Представляют интерес сложные наименования об. С *pūžonsūd'de* 'нутро (букв. 'нутро (заполненное)-нутро (полое)'); об. Ш *p'argšund'* 'нутро (букв. 'живот-нутро)'; об. Ч *pärgät šünž* 'желудок (букв. 'живот-нутро)'.

В селькупском языке сомоним *sün'd'* под влиянием процесса метафорического переноса подвергся грамматикализации и перешел из разряда существительных в разряд послелогов, передающих значение «нахождение внутри» [Тучкова 2004: 185], например: Ласк. *pajalžəga madət šün'n'enž šērəya* 'старуха в дом (букв. 'дома внутрь') вошла', НС *man p'ässauon'eŋ kožaon s'un'ent* 'сам в мешок (букв. 'мешка внутрь') я положил' [Алатало 1998: 90]. Данный процесс наблюдается и в других языках. В енисейских языках лексема «живот» используется в функции послелога «в» или «внутри», например: юг. *eχozdi fiŋgej* 'в доме' [Клопотова 2002: 143]; сул. **си:н бат су:л'тпыйгас'ес'та* 'дряхлый старик в нарте сидит'; кур. *буис' бок тпыйбес' детелытне* 'она мясо в огонь затолкнула' [Шерер 1978: 125-136].

Анализ фактического материала показал, что наличие в селькупском языке нескольких названий живота обусловлено спецификой их функционирования. Варианты названий *nanžə* и *nāžə* используются для обозначения живота как органа деторождения. Сомоним *perqj* включает информацию об аномальном состоянии живота. Лексема *pūtj* имеет ассоциативную связь с материнским чревом, заполненным душой, а наименование *sün'd'* является обозначением живота как вместилища. Для сомонима *nanžə ~ nāžə* восстановлена самодийская праформа, для лексем *perqj*, *pūtj* и *sün'd'* – уральские праформы. Представленные варианты названий живота обладают также значением желудок. Сомоним *sün'd'* также используются в селькупском языке в качестве послелога со значением «нахождение внутри».

4.3.2 Названия кишечника

Для обозначения кишечника в селькупском языке используются лексемы, которые условно можно разделить на две группы: 1) О. *kād*, N.; *käte*, ОО.; *kät*, В.; *kättu*, К., NP.; *kätä*, Tschl.; *kete*, Tas.; *ket'*, Кар. 'кишки' [Castrén 1855: 211]; таз. *keti*

‘кишки’ [Erdélyi 1969: 87]; кет. *k’ettu* ‘кишка’ [Алатало 1998: 102]; кет. *k’ettu*; ел. *k’etə*; тур. *kēti*; об. Ч, вас. *k’ad*; вас. *qaya, qadə*; об. Ш *k’at*; об. С *qād*; тым. *qāt* ‘кишка’ [СРДС 2005: 43]; 2) об. Ч, вас., тым. *čermə, čērmə* ‘кишка’ [СРДС 2005: 289]. Данные варианты сомонимов актуализируются в таких обыденных контекстах, как вас. *čermə tāt ēa* ‘прямая кишка’; кет. *kjettuβ* ‘моя кишка’. Для группы сомонимов с основой *k’ad* восстанавливается общесамодийская праоснова: **wetə(-)* ‘кишка’ – sk. (Pr) *k’eti*, (D) Ту. *kεDcə* [Janhunen 1977: 175].

Название кишечника *k’ad* обладает дополнительными значениями, основанными на метафоре. Например, данной лексемой селькупы обозначают внутренности рыбы об. Ч *qβelloqondo k’adəla č’uroyot eppeləmbādət* ‘внутренности от рыбы лежат на земле’, а также могут использовать сомоним *k’ad* для обозначения внутренней части некоторых объектов: вас. *č’umb təβep k’ijikkāut, tabit qayamdj taŋ ikkāut* ‘берем длинную бересту, вытаскиваем ее нутро (букв. кишки)’.

Кишечник является одним из органов, который рассматривается селькупам как центр жизни, так как в нем живет душа. Это подтверждает лингвистический анализ словарного состава селькупского языка. Лексема об. Ш *kedō*, основа которой материально совпадает с названием кишечника, обладает значением ‘душа’. Кишки в представлениях селькупов являются органом человека, из которого возможно его возрождение: «*Имте* хоть и распорол, а он обернулся: *Имте – Имте* и есть – кишки-то не вытащили из него» [Глушков 2013: 148]. Злые лозы, приходящие на стойбище в отсутствие мужчин, съедают нерадивую женщину и ее непослушных детей, а их кишки развешивают по деревьям. Это, видимо, является знаком того, что женщина и дети «совсем мертвы» и не смогут ожить: об. Ч *lōla qur amgbat, k’adit pot pārijnt ödladə* ‘черти съедают человека, кишки на деревьях развешивают’ (из ск.). Другие примеры упоминания особых действий с кишечником: вас. *tabit k’alimdjt taqqilbadit, č’ində p’engadit* ‘они собирают кишки, кладут в котел’ (из ск.), *loyo k’adimdjt aya pone m’ešalbad* ‘черт кишки свои не вытащил’ (из ск.). Кишечник – полость, чем-то наполненная, является одним из образов утробы матери-предка [Степанова 2008: 207].

Вариант названия кишечника об. Ч, вас., тым. *čermə* зафиксирован в современном селькупском языке. Данное название имеет также значения ‘веревка’, ‘ошейник’, ‘упряжь’. Полагаем, что в этом случае имеет место процесс метафоризации, основанный на аналогии форм объектов, ср. об. Ч, вас. *č'erm*, тым. *č'erim*, *č'erəmə* ‘веревка’, ‘возжа’: вас. *mukkalal čermə* ‘узловатая веревка’, *č'iqəl čermə* ‘ременная упряжь’.

Названия других частей пищеварительной системы представляют собой сложные лексемы. В современном селькупском языке для обозначения пищевода зафиксировано словосочетание об. Ш *apsit k'ad* ‘пищевод’ [СРДС 2005: 17]. Первый компонент названия представляет собой самостоятельное слово об. С, кет. *apsot*, *apsit* ‘еда’, ‘продукты’. Словосочетание *apsit k'ad* имеет буквальное значение ‘еда-кишка’. В более ранний период для рассматриваемой части тела использовалась лексема таз. *apsol'či* ‘пищевод’ [Erdélyi 1969: 21]. В названии *apsol'či* выделяется компонент *-ol'či*. Полагаем, что данный вариант названия пищевода был образован от основы глаголов об. Ш, Ч, тым., тур. *apstigu*, об. Ш *apstēšpugu*, об. С *apstəbugu*, ел. *apsitiqo* ‘кормить’, ‘покормить’ с помощью суффикса прилагательного *-ol'či*, обозначающего завершенность действия [Беккер 1995а: 47]. Таким образом, для лексемы *apsol'či* восстанавливается исходное значение ‘накормленный’. Первый компонент словосочетания об. Ч *čib'eqəl q'ad* ‘заднепроходной канал’ [СРДС 2005: 284] является прилагательным об. Ч *čib'eqəl* ‘крайний’, ‘проходной’.

Согласно проведенному лингвистическому анализу варианты сомонимов с основой *k'ad* относятся к самодийскому периоду формирования. По представлениям носителей селькупского языка, *k'ad* ‘кишки’ – это центр жизни человека, в котором обитает душа. В силу этого отсутствие кишечника означает смерть живого существа, а их возвращение на прежнее место символизирует возвращение к жизни. Сомоним *k'ad* также используется селькупками для обозначения внутренностей рыбы и внутренней части некоторых объектов окружающей действительности. Другое название об. Ч, вас., тым. *čermə* ‘кишка’ не обладает культурологической наполненностью, однако имеет метафорические значения ‘веревка’, ‘ошейник’, ‘упряжь’, основанные на сходстве форм объектов.

Названия других частей пищеварительной системы являются сложными словами или составными наименованиями, для которых восстановлены следующие внутренние формы: об. Ш *apsit k'ad* 'пищевод' (букв. 'еда-кишка'), таз. *apsol'či* 'пищевод' (букв. 'накормленный'), об. Ч *čib'eqəl q'ad* 'заднепроходной канал' (букв. 'крайняя/проходная кишка').

4.3.3 Названия желчного пузыря и желчи

Название желчного пузыря в селькупском языке представлено словосочетанием об. Ч *padit koža* 'желчный пузырь' [СРДС 2005: 176]. Первый компонент *padit* представляет собой притяжательную форму названия желчи. В селькупском языке зафиксированы следующие названия желчи: О. *pad*, N.; *patte*, K., NP.; *pače*, Tsch.; *pač*, OO.; *pate*, B., Tas., Kar. 'желчь' [Castrén 1855: 225]; таз. *pati* 'желчь' [Erdélyi 1969: 179]; кет. *patti* 'желчь' [Алатало 1998: 95]; об. Ч, тым. *pad*, *pade* 'желчь', 'зеленый'; об. С *padit*, тур. *pat*, *patik*, ел. *pařit*, *pařitə* 'желчь', 'желток' [СРДС 2005: 176, 182].

Для лексемы *pad* восстановлена самодийская праформа: *paťä 'желчь' – sk. (Pr) *pati*, (D) Ту. *pad*, (C) Tsch. *pače* [Janhunen 1977: 115]. Элемент *-it* является суффиксом притяжательности третьего лица единственного числа. Получаем значение компонента *padit* 'мешок-его'.

Так как желчь имеет характерный зеленовато-желтый окрас, то от сомонима *pad* были образованы лексемы, обозначающие цвет: об. Ч, тым. *pādal'*, об. С *pad'i*, об. С, Ш, вас. *padi*, об. Ч, тым. *pādə*, кет. *pataj*, ел. *patej* 'зеленый', 'желтый', 'синий', 'серый', 'бронзовый'. Большое количество цветовых обозначений может объясняться различными оттенками желчи у разных животных. С цветовыми особенностями связано также образование названий болезни и зоонимов: об. С *padema*, *pademi*, ел. *patej qüt*, *patijm* 'желтуха', 'золотуха'; об. Ш, Ч, тым. *pada*, кет. *patta* 'красный карась'; тым. *patl b'it* 'синица'. В этнографических материалах отмечается важность желчи в быту. Так, старуха *Plantyl' Kota* вручает девушке,

прошедшей испытания перед замужеством, корытце со скребком, сухожильными нитками и желчью [Прокофьева 1976: 111].

Второй компонент сомонима *padj̄t koža* ‘желчный пузырь’ представлен словом об. С, Ш, Ч *koža* ‘мешок’. Таким образом, восстанавливаем буквальное значение составного наименования *padj̄t koža* ‘желчь-его мешок’.

Анализ названий желчи позволил выявить, что в селькупской культуре отмечают цвет данного выделения, а железа, выделяющая ее, ассоциируется с мешком.

4.3.4 Названия печени

В селькупском языке в разные исторические периоды учеными были зафиксированы названия печени в следующих вариантах: О. *myd*, N.; *mide*, K., NP., OO., B.; *mydä*, Tschl.; *mid*, Jel., Kar.; *mite*, Tas. ‘печень’ [Castrén 1855: 246]; *mij̄t* ‘печень’ [Erdélyi 1969: 140]; *mydy* [Алатало 1998: 120]; об. Ш *mij̄t*; об. Ч, кет. *mij̄d̄j̄*; вас. *mij̄tə* ‘печень’ [СРДС 2005: 136]. Для рассматриваемого названия выделяется уральская праформа **maksä* ‘печень’ – selk. Ке. *mũido*, *mũida*, Та. *mite*, Ту. *mij̄t*, *męt*, Тур. *mij̄t̄j̄* [Rédei 1986b: 264].

Согласно культурологическим данным, селькупам запрещено есть печень и другие потроха священных рыб, называемые часто *макса*. В представлениях селькупов печень может выступать воплощением души, дающей начало новой жизни, наряду с сердцем и легкими. В фольклоре селькупов есть сюжет, согласно которому после съедения женщиной печени рыбы (налима) она беременеет [Тучкова 2004: 205, 309]. Черт-налим, погибая, оплодотворяет женщину своей печенью-душой (миниатюрной копией себя самого), и женщина рождает ребенка-черта (все дети – *лозы*) – этот сюжет приводит точную мифологическую схему циркуляции души и круговорота жизни [Степанова 2008: 186].

Считается, что печень, являясь «кровавым» органом, способна возродить человека. Фольклорная бабушка в ряде сюжетов просит себя убить, а ее печень положить на ночь на «ту сторону» костра, огнища. Утром она возрождается из

собственной печени: «из старухиной печени очутилась бабушка старая» [Пелих 1972: 155].

Как мы уже отмечали, селькупы полагали, что только после изъятия из тела поверженного врага его важнейших органов враг может считаться «окончательно» мертвым. К таким органам относится и печень: «*Лунакэса* побеждает трех братьев-змей. Победив их, он у первого отрезает уши, у второго и третьего вынимает печень и сердце» [Тучкова 2004: 249].

Изученные лингвистические и этнографические материалы свидетельствуют о том, что в селькупской культуре печень является местом обитания души человека. В силу этого данный орган рассматривается представителями селькупского этноса как способный к рождению, возрождению, а также он может стать причиной смерти. Название печени *mjt* восходит к уральскому пласту лексики.

4.3.5 Названия пупа и пуповины

В селькупском языке зафиксированы следующие названия пупа: О. К., NP. *süi*; MO. *söi*; Tsch. *sü*; OO. *söu*; N. *s'öl*; B., Tas. *s'on*; Kar. *s'ün* [Castrén 1855: 254]; кет. *süj* [Алатало 1998: 127]; об. С *s'o'iga, san', süj, sülz'*; кет. *sujangə, süjja*; об. Ч *χ'ol'ž'*; тым. *šöj, šöja, šölija, šöl'čermə*; об. Ч, Ш, вас., тым. *šöl'*; вас. *šöäl', šöul* 'пуп' [СРДС 2005: 191]. Для самодийских языков восстановлена общая праформа сомонима 'пуп': *küj 'пуп' – sk. unr. (? der.) (D) TaN *šön'*, Vj. *šöl*, (C)Tsch. *syu* [Janhunen 1977: 79].

От слова *šöl'* 'пуп' произошло название селькупов *šöl'-qur* [Пелих 1980: 27]. «Селькупы – это по-русски. По-нашему *шёль-куп*. Это значит 'человек, имеющий пуп, то есть рожденный'» [Пелих 1992: 78]. Следовательно, пуп в представлениях селькупов связывается с жизненным началом и душой человека. По преданию, появление у человека пупа является причиной того, что бессмертные когда-то люди стали умирать: «Остяки раньше были без пупа. Когда родился с пупом, старики сказали: 'Теперь недолговечный народ будет'» [Пелих 1972: 343]. Пуп у людей появился потому, что людей стала рожать земная женщина. До этого предки

селькупов – богатыри – «спать ложились, потом плевали в чашку, и там заводился ребенок» [Пелих 1972: 342].

В культурологических источниках говорится о различении селькупами пупа и пуповины. Пуп (*šol'*) – это часть пуповины, которая (перевязанная) остается на теле новорожденного ребенка и, высохнув, отпадает. К этой части пуповины у селькупов бережное отношение. Иное отношение к другой части пуповины (*š'en'ilaka*), которая соединяла ребенка с чревом матери. Эту часть пуповины селькупы панически боятся, так как она ассоциируется в их сознании с потусторонним миром [Пелих 1998: 30].

Важнейшей характеристикой пупа как образа души является связь. Жизненная сила *санг*, идущая от солнца, по пупу приходит в тело человека. «Жизненная сила задерживается в теле новорожденного только после того, как зарастает его пуп» [Пелих 1980: 28]. Через пуп человек получает жизненную силу (*sange*), через него же эта сила покидает человека после смерти.

В фольклоре пуп выступает и как образ обратной связи – от человека к богу: «Герой *Итте* использует свой пуп для обращения к богу: просит старую женщину разрезать его живот, затем выбрасывает свой пуп вверх, к богу. Пуп является своего рода посредником между *Иттей* и богом. Выполнив свою функцию, пуп возвращается обратно» [Доннер 1997: 157].

Шаман принимает свою шаманскую силу также через пуп. *Š'an* – «мистическая» сила иного мира приходила к шаману через пуп. «Через пуп шаман мог воздействовать на *санге* другого человека» [Пелих 1998: 77]. Пупом шамана трактовалась металлическая подвеска-бляха, пришиваемая к шаманскому нагруднику, она же считалась шаманским сердцем [Пелих 1992: 78; Прокофьева 1949: 356]. Эта же подвеска могла интерпретироваться как прорубь, в которую нырял шаман, попадая сквозь нее в иные миры [Прокофьева 1949: 353]. Полисемантизм данной подвески позволяет считать пуп человека одним из образов входа в иной мир.

Лингвокультурологический анализ сомонима *šöl'* 'пуп' позволил выявить, что данная часть тела рассматривается селькупами как место обитания основной

жизненной души человека, получаемой через пуп при рождении и уходящей через него после смерти. Таким образом, пуп выступает каналом связи человека с потусторонним миром. Этимологически название *šöl'* восходит к самодийской праформе с аналогичным значением. В селькупском языке имеется отдельный сомоним, обозначающий пуповину новорожденного *š'en'ilaka*. Она считается принадлежностью потустороннего мира, равно как и сам младенец.

4.3.6 Названия мочевого пузыря

Варианты названий мочевого пузыря в селькупском языке представлены лексемами: кет. *qüzjissan, qüzjipsan* 'мочевой пузырь' [Алатало 1998: 110]; об. Ш, Ч *küžal koža* 'мочевой пузырь' [СРДС 2005: 56]. В составе сомонимов выделяется общий первый компонент *qüz-~ küž-*, который представляет собой название мочи, ср. об. Ш, Ч *küž*, об. Ч *qöž* 'моча' [СРДС 2005: 52]. Для словосочетания *küžal koža* восстанавливается буквальное значение 'мочевой мешок', ср. об. Ш, Ч *köžal* 'мочевой'; об. С, Ш, Ч *koža* 'мешок' [СРДС 2005: 45].

В названии мочевого пузыря отражается информация о форме органа, ассоциирующаяся с мешком, и его содержимом. Исследование содержимого данного органа – мочи (см. раздел «Названия мочи»), свидетельствует о том, что в селькупской культуре данный продукт жизнедеятельности организма имеет большее значение в отличие от органа, содержащего его.

4.3.7 Названия мужских репродуктивных органов

Обобщенное название мужских репродуктивных органов представлено следующими диалектными вариантами: вас. *qoptir*, об. Ч *qoptar* 'мужские половые органы' [СРДС 2005: 91]. Данный сомоним поддается морфологическому членению *qopt-ir*. При анализе селькупского языка обнаруживается, что первый компонент названия мужских половых органов *qopt-* является основой таких слов, как об. Ч, ел. *qopt*, тур. *qopti* 'самец оленя', кет. *qōpti* 'бабник', 'шатун', тым. *qoptə* 'конь'.

Полагаем, что в данный компонент интегрирован смысл ‘самец’, ‘мужской дух’. Второй компонент является усеченной формой термина родства, обозначающего представителей мужского пола: ел. *ire* ‘старик’, ‘муж’. Таким образом, обобщенное название мужских половых органов в селькупском языке имеет внутреннее значение ‘мужской дух-мужчина’ и отражает гендерное различие.

Сомонимы об. Ш, Ч *man*, кет. *mannə* ‘пенис’ [СРДС 2005: 123] относятся к уральскому пласту лексики: *mina ‘семенное яичко’ – selk. ТаU *mane* ‘penis’, Ту. *man*, Ке. *mane* ‘яичко’ [Rédei1986: 285]. Согласно тому, что во всех языках, кроме селькупского, лексемы с основой *min* имеют значение ‘семенное яичко’, можно предположить, что данное значение является исходным. В ходе развития селькупского языка лексемы об. Ш, Ч *man*, кет. *mannə* приобрели значение ‘пенис’. Вероятно, этот процесс произошел в силу того, что, по представлениям селькупов, данные части тела рассматривались как единое целое, а потому обозначались одной лексемой.

Для обозначения мошонки в селькупском языке используется лексема об., кет., вас., тым. *n'ab'i* ‘яйцо’, ‘мошонка’ [СРДС 2005: 159]. Несмотря на то, что данная лексема встречается в контекстах, не связанных с телом человека, например: об. Ч *qoku n'ab'i* ‘снести яйцо’; тым. *n'ab'i paqəlbəl* ‘наклюнутое яйцо’; об. Ш *n'ab'it panalgi* ‘разбить яйцо’; об. Ш *n'ab'ip qettigu* ‘постучать яйцом’, считаем, что значение ‘мошонка’ является изначальным. Как уже отмечалось ранее, для обозначения объектов окружающей действительности человек исходил в первую очередь из названий частей собственного тела. Полагаем, что лексема *n'ab'i* стала использоваться для наименования яйца птицы из-за присущей ей круглой формы, аналогичной части тела человека. От сомонима *n'ab'i* образованы названия частей яйца птицы: вас. *n'ab'it qobə* ‘яичная скорлупа (букв. ‘яйца кожа’)’; об. Ш *n'ab'it piž* ‘желток (букв. ‘яйца внутренность’)’.

В ходе лингвистического исследования было выявлено наличие в селькупском языке обобщенного названия мужских половых органов, представленного лексемами вас. *qoptir*, об. Ч *qoptər* ‘мужские половые органы’. Данные названия отражают половые различия. Сомоним об. Ш, Ч *man*, кет. *mannə* ‘пенис’ изначально

имел значение ‘семенное яичко’. Внутренняя форма названия *n'ab'i* ‘мошонка’ затемнена. Представленные сомонимы не упоминаются ни в селькупских бытовых, ни в фольклорных текстах. Полагаем, что данный факт связан с табуированием использования в речи рассматриваемых названий.

4.3.8 Названия женских репродуктивных органов

В селькупском языке выявлены два названия женских репродуктивных органов: об. Ш *čorok* ‘матка’ [СРДС 2005: 286] и вас. *pē*, об. С *pīt*, *p'iet* ‘вульва’ [СРДС 2005: 200].

Выделяемый в названии матки компонент *čor* - встречается в словах: об. Ш, ел. *čor* ‘куст’, ‘заросли’, ‘чаша’, ‘земля’; кет. *čoraj*, вас. *čoral* ‘заросший’; кет. *čoržə* ‘кустарник’; об. Ч *čorč* ‘земля’. Из семантики данных слов следует, что они являются обозначением плодородной земли. Согласно некоторым мифологическим сюжетам, жизнь происходила, рождалась из-под земли, из нижнего мира. Связывалось это явление первоначально с образом матери-земли – прародительницы всей природы. Нутро земли, утроба земли, маркируемая знаком «низ», представлялась «жизнедательным» центром. Некоторые самоназвания селькупов указывают на существование у них представления о происхождении людей из земли, из глины: «остяки на своем языке называют себя: ниже Нарыма – *Tshumelgor*, ...по Чулыму – *Tjuje-gom*, ...от *tscu*, *tju* – глина, земля...» [Кастерн 1999: 87]. Полагаем, что в селькупской культуре матка ассоциируется с рождающей утробой матери-земли.

Однако утроба матери-прародительницы являла собой не только центр, дарующий жизнь, но и иной мир, «тот свет», священное «далеко», инобытие, из которого приходили и в которое возвращались души земных людей [Степанова 2008: 44]. В селькупской культуре женский «низ», являясь утробой иного мира, иным миром (иной мир был аналогом, «слепком» с женского «низа»), таил в себе опасность для семьи женщины. Особенно «нечистой» считалась женщина во время менструаций и в период беременности и родов. «Менструирующая женщина

периодически изливающейся кровью связана с нижним миром, миром злых духов. Она создает в семье обстановку, близкую по значению смерти кого-нибудь из членов семьи, когда мир мертвых, нижний мир, как бы приближен к семье умершего. Это представление об «опасности» женщины для окружающих породило массу запретов, обрядов. Однако эта ее «опасность» вызывает к ней не только страх, но и почтение» [Прокофьева 1976: 127].

Название другого органа женской репродуктивной системы вас. *pē*, об. *C pīt*, *p'iet* 'вульва' материально совпадает с лексемами тым. *p'it*, тур. *pītī*, *p'ittī*, кет. *p'ittī*, ел. *p'itā* 'гнездо', 'берлога', 'люлька'. Полагаем, что рассматриваемая часть тела имеет форму аналогичную перечисленным объектам окружающей действительности. У селькупов существует особое отношение к котлам, колыбелям, лукошкам, мешочкам, дуплам, гнездам, берлогам, амбарам, жилищам, гробам, лодкам и т. д., которое можно объяснить через подобие последних священной утробе. Данным объектам приписывается магическая способность давать жизнь и брать ее обратно [Степанова 2008: 99]. Таким образом, наименование вульвы в селькупском языке также ассоциативно связано с утробой матери-прародительницы. Однако в данном наименовании прослеживается отношение селькупов к утробе не только как к органу, способному к рождению, но и как к органу, способному отнять жизнь.

Итак, названия женских половых органов в селькупском языке не многочисленны и представлены лексемами об. Ш *čorok* 'матка' и вас. *pē*, об. *C pīt*, *p'iet* 'вульва'. В селькупской культуре данные органы соотносятся со священной утробой матери-прародительницы. Анализ лингвистического и культурологического материала свидетельствует о том, что у селькупов существует противоречивое отношение к женским репродуктивным органам. С одной стороны, данные органы дают жизнь человеку. С другой стороны, они рассматриваются как органы связывающие женщину, а через нее и всю ее семью, с Нижним миром.

4.4 Названия области спины

4.4.1 Названия спины

В разные исторические периоды зафиксированы следующие фонетические варианты названий спины в селькупских диалектах: О. *mog*, N.; *mok*, MO.; *mokka*, *mokkol*, K., NP.; *mogo*, *mogul*, Tsch., OO.; *mokal*, B., Kar., Tas.; *mokar*, Jel.; *mogor*, N.; *moger*, K.; *mokar*, NP.; *mokal*, B. Tas., Kar. [Castrén 1855: 265]; Tomsk. *mogoll*, Narym. *mogal*, Ket. *mogol*, Тумисхе. *mogal* ‘спина’ [Donner 1932: 42-43]; кет. *moqqi*, *moqqol* ‘спина’ [Алатало 1998: 136, 125]; кет. *moga*, *moka*, *mokka*, *mokki*, *mokkol*; об. Ч, тым. *моу*, *мок*, тым. *моуо*, кет., тым. *моуэ*, об. Ш *mogal*, об. С *mogul*, об. Ч, вас., тым., тур. *моуал*, об. Ш, вас. *моқә* ‘спина’ [СРДС 2005: 127]. Данные лексемы актуализируются в таких обыденных контекстах, как кет. *moqqondə əstəgu* ‘на спину свалить’; об. С *manan mogob k’uzun* ‘у меня спина болит’, об. Ш *kibajče siyilba azend mogond* ‘ребенок забрался на спину отца’, кет. *moqqondj əstigu* ‘повалить на спину’. Название спины в селькупском языке восходит к общесамодийской праформе: *məka ‘спина’ – sk. (D) Ту. *тōу*, КеМ *моккә*, дер. (Pr) *моқал*, *моқал* ‘спина’ [Janhunen 1977: 85].

Согласно структуре варианты названий спины можно разделить на несколько групп. В группу односложных сомонимов входят О. *mog*, N.; *mok*, MO.; об. Ч, об. Ш, вас., тым. *моу*. Лексемы О. *mokka*, K., NP.; *mogo*, Tsch., OO.; кет. *moqqi*, *moga*, *moka*, *mokka*, *mokki*; тым. *моуо*; кет., тым. *моуэ*; об. Ш *мок*; об. Ш, вас. *моқә* также являются простыми словами, так как конечные гласные представляют собой основорасширяющие суффиксы, а удвоение согласной является результатом добавления данного суффикса. Подобные преобразования помогают сохранять основу слова от разрушения и рассматриваются как единое целое.

Следующая группа представлена сложносочиненными словами, которые можно разложить на компоненты: *mokk-ol*, *mog-ul*, *mok-al*, *mok-ar*, *mog-or*, *mog-er*, *mok-ar*, *mok-al*, *mog-oll*, *mog-al*, *mog-ol*, *mog-al*, *moqq-ol*, *mog-ul*, *моу-al*. Вторым составным компонентом данных вариантов названий спины выступает название головы *ol* в своих диалектных вариантах. В составе представленных сложных слов

компонент *ol ~ or* реализуется в своем коннотативном значении ‘округлость’. Таким образом, получаем буквальное значение сложносочиненных наименований спины ‘спина-округлость’.

Как уже отмечалось, человек рассматривается представителями селькупской культуры как проекция Вселенной. Данное представление легло в основу описания местоположения каких-либо объектов окружающей действительности относительно человека, что привело к использованию названий частей тела человека для описания пространственной ориентации. Не стало исключением и название спины. В южных диалектах селькупского языка сомоним тур. *moʕal* ‘спина’ претерпел процесс грамматикализации и перешел в разряд серийных послелогов со значением ‘движение относительно задней части кого/чего-либо’: Лок.: Нап. *moʕuʕot*, *moqʕoʕon*; Чиж. *moʕoʕat*; Ласк. *moʕot*; Ив. *mogogot*, *mogot*, *moqʕoʕan*; НС *moqʕen*; УО *moqʕoʕon* ‘позади кого/чего-либо’, ‘вслед за кем/чем-либо’; ‘по (течению)’. Лат.: Нап. *moʕonda*; Ив. *mogondo*; НС *mōkt*; УО *moqʕondi* ‘за что-либо’. Пролат.: Нап., Ласк. *moʕout*; СтС *mogmin*; УО *moqʕoʕβan* ‘позади кого/чего-либо’; ‘сквозь’, ‘через’, ‘за что-либо’. Абл.: Ласк. *moʕout*, *moʕorāndo*; Ив. *mogout*, *mogogindo*; НС *mōyinto*; УО *moqʕoʕənnə* ‘из-за чего-либо’ [Беккер 1995б: 185]. Например, Чиж. *tabə mādan mogout manted'oʕomba* ‘он выглянул из-за дома’ [Беккер 1978: 106, 128].

Производные от сомонима об. Ш, вас. *moqə* ‘спина’ имеют объединяющее их значение ‘положение сзади’, ср. об. Ш *mogond*, вас. *moʕondo* ‘за что-либо’ (вас. *mādan moʕondo kuralg'eš!* ‘сбегай за дом!’); об. С, Ш *mogone*, *tokone*, об. С *moʕnē*, *moʕine*, об. Ч *moʕone*, *moʕəppe*, тур. *moqinə* ‘назад’, ‘домой’; об. Ш *mogonegi*, об. С, Ш *mogonej*, об. С *moʕnej* ‘задний’; об. Ш *mogot* ‘позади чего-либо’, ‘за чем-либо, кем-либо’; вас. *mogout* ‘из-за чего-либо’; об. Ш *mogənet*, об. С *moʕənen* ‘сзади’, ‘потом’; об. С *moʕnē* ‘назад’, ‘домой’; об. С *moʕnej* ‘задний’; ел. *tokan'a* ‘обратно’, ‘домой’.

Название спины входит в качестве составного компонента в устойчивое словосочетание кет. *moʕən n'arne* ‘задом наперед’, что буквально означает ‘спиной вперед’. Спина может сгибаться, формируя горб, что отражается в дериватах лексем *moqə*: об. С *mogərβātku* ‘сгорбиться’; тур. *moʕalkiʕiʕil*, *moʕolkʕiʕil* ‘горбатый’;

кет. *mokkolk'ita*, *moqolkij* 'горбун'. В селькупском языке имеется глагол, описывающий, движение, направленное на спину кет. *moqqargu* 'взвалить на спину'.

Сомоним со значением 'спина' лежит в основе номинации почки, ср. кет. *makkal* 'почка' [Алатало 1998: 125]; кет. *maqal* 'почка' [СРДС 2005: 122]. Представленные лексемы можно разделить на компоненты: *mak-k-al*, *maq-əl*. Первый компонент является наименованием спины кет. *moga*, *moka* при учете регулярных чередований корневого гласного *a ~ o*, второй компонент *-al ~ -əl* представляет собой суффикс прилагательного. Таким образом, для лексем *makkal*, *maqal* восстанавливается буквальное значение 'спинной', которое основано на месте расположения почек в теле человека.

Для лексем с основным значением 'спина' зафиксировано также второстепенное значение 'поясница'. Данное значение является результатом метонимического переноса от целого к части. Для обозначения поясницы в селькупском языке используются и другие лексемы, например: кет. *kündijmo* 'поясница' [Алатало 1998: 136, 125]; вас. *t'ondəlmo* 'поясница' [СРДС 2005: 236]. Полагаем, что сомоним вас. *t'ondəlmo* 'поясница' состоит из двух компонентов, первый – вас. *t'ond*, об. С, Ч, кет. *t'onž* 'половина' второй – *mo* является начальным компонентом полного названия спины *moqə* 'спина'. Таким образом, буквальное значение сложного наименования *t'ondəlmo* 'половина-спины'.

Сомоним кет. *kündijmo* является иносказательным обозначением поясницы, буквальным значением которого является 'конская-спина'. При учете регулярного чередования *k ~ q* [Dulson 1971: 36] первый компонент *künd-* материально совпадает с лексемами об. Ч *qünd*, кет. *qündə* 'лошадь', 'конь'. Элемент *-j* представляет собой суффикс прилагательного. Основанием для иносказательного обозначения поясницы может являться аналогичное расположение поясничного отдела на теле человека и крупа на теле лошади. Наблюдается так же обратный процесс наименования – сомоним *moqə* входит в название спинной части тела лошади: ел. *moqal't* 'круп (лошади)'.

От названия спины образован другой сомоним об. Ч *тоуэл ли* ‘позвонок’ с помощью добавления к основе об. Ч, тым. *тоу, ток* ‘спина’ суффикса имени прилагательного *-əl*. Буквальное значение словосочетания – ‘спинная кость’.

Проведенный лингвистический анализ показал, что названия спины в селькупском языке представлены как односложными лексемами, которые берут начало от самодийской праформы **тэка* ‘спина’, так и сложными, в которых второй компонент реализуется в значении ‘округлость’. Название спины выступает центром словообразовательного гнезда. Производные слова от рассматриваемого сомонима имеют значения, связанные с положением позади или движением назад. Лексема кет. *тока* ‘спина’ и ее диалектные варианты лежат в основе номинации других частей тела, таких как почка (кет. *тақəl*), поясница (кет. *kündijmo*, вас. *t'ondəlmo*) и позвонок (об. Ч *тоуэл ли*). Кроме того, сомоним кет. *тока* обладает метонимическим значением ‘поясница’, основанном на переносе от целого к части. В южных диалектах селькупского языка название спины перешло в разряд серийных послелогов с обобщенным значением ‘движение относительно задней части кого/чего-либо’.

4.5 Названия продуктов жизнедеятельности организма человека

4.5.1 Названия кала

В селькупском языке для обозначения кала используются следующие лексемы: кет. *t'ut* ‘кал’ [Алатало 1998: 90]; об. С *t'udə, t'ut* ‘нечистоты’, ‘кал’, ‘навоз’ [СРДС 2005: 252]. Данные диалектные варианты восходят к уральской праформе **sitta* ‘кал’, ‘помет’, ‘навоз’, ‘испражняться’ – selk. Та. *tüt* ‘навоз’, ‘отходы’, ‘помет’, ‘фекалии’ [Rédei 1987: 444]. От названия кала образован только один глагол об. С *t'utrəgi* ‘испражняться’, ‘гадить’.

Согласно мифологическим данным, кал является символом нечистоты, особенно кал собаки или черта. Например, съеденный собачий кал может привести к ссоре между людьми. Герои селькупских сказок, съеденные чертом и выбравшиеся

впоследствии из его живота, оказываются измазанными чертовым калом [Тучкова 2004: 291].

Название продукта жизнедеятельности организма человека, выделяемого пищеварительной системой, несет негативную коннотацию в селькупском языке.

4.5.2 Названия мочи

В словарях селькупского языка зафиксированы следующие названия мочи: кет. *qüssj* [Алатало 1998: 29]; ел. *küis'*; кет. *küssj, qüsse*; об. Ш, Ч *köž, köža, küž*; об. Ч *qöž, qöž'a*; тур. *kuš* 'моча' [СРДС 2005: 56]. Для данных сомонимов восстанавливается праформа **kuńce ~ kuće* 'моча', 'мочиться' относящаяся к уральскому периоду формирования – selk. Ту. *küš* 'моча', *küša-* 'мочиться' [Rédei 1986a: 210]. С точки зрения селькупской культуры, моча может рассматриваться как образ души подобно другим продуктам жизнедеятельности, таким как грудное молоко, пот. В отражении мифологического сознания они проявляют себя как жизненное начало: обладают способностью давать человеку жизнь и отнимать ее [Степанова 2008: 207]. Связь данного проявления организма с Верхним миром прослеживается в эпизоде селькупской сказки «Сестра и брат»: *Tab amdīs amdīs köžugi kigelimba. Köžešpa nat'agindj. Na lozla žalgbat nut t'apt.* 'Он (мальчик) сидел, сидел, помочиться захотел. Помочился оттуда (с кедра). Эти черти говорят: «Божья роса»' [Селькупские тексты 2010: 164].

Таким образом, название мочи имеет древнее происхождение и рассматривается представителями селькупского этноса как одна из душ человека, имеющая жидкую форму.

Выводы по четвертой главе

1. Тематическая группа «названия области шеи и туловища» включает в себя **41** наименование, представленные рядом диалектных вариантов, количество которых на синхронном уровне составляет **176** единиц.

2. В рассматриваемой тематической группе выявлены лексемы сформированные в разные исторические периоды:

- уральский: об. Ш, кет., вас. *nuk* ‘шея’; об. Ч *χol* ‘горло’; тур. *sīč’i* ‘сердце’; кет. *tü’i mektə* ‘легкие’; об. Ч *p’arge*, тур., ел. *pūtī* ‘живот’, ‘желудок’; ел. *šun’d* ‘нутро’, ‘внутренность’; об. Ч, кет. *mīdī* ‘печень’; об. Ш, Ч *man* ‘пенис’; ел. *kūs* ‘моча’; об. *St’ut* ‘кал’;

- самодийский: об. Ш, кет. *nanžə* ~ об. Ч, кет., вас., тым. *nanž* ‘живот’; об. Ш *k’at* ‘кишка’; об. Ч, тым. *pad* ‘желчь’; об. Ч, Ш, вас., тым. *šöl* ‘пуп’; кет. *moga* ‘спина’.

Некоторые сомонимы рассматриваются нами как сформированные в период существования селькупского как отдельного языка, так как данные названия частей тела не имеют аналогов в родственных языках и отражают культурную специфику селькупского этноса: вас. *čāžanmə* ‘шея’; вас. *kokkol* ‘кадык’; об. С, кет., тур. *n’ipsi* ‘грудь’; тур. *pūga*, ел. *pīks’e*, ел. *s’ebijm* ‘легкие’; об. Ш, Ч, кет., тым. *kīl* ‘грудь’; об. С *köde* ‘ребро’; об. Ч, вас., тым. *čermə* ‘кишка’; *š’en’ilaka* ‘пуповина’; вас. *qoptir* ‘мужские половые органы’; об., кет., вас., тым. *n’ab’i* ‘мошонка’; об. Ш *čorok* ‘матка’; вас. *pē* ‘вульва’.

3. Сомонимы рассматриваемой тематической группы в основном являются простыми словами: вас. *nəf* ‘молочная железа’; кет. *s’id’e* ‘сердце’; об. Ч *pugä*, кет. *jssa* ‘легкие’; об. Ч, кет., вас., тым. *nanž* ‘живот’.

Селькупские сомонимы приобретают притяжательную форму: тур. *sol-t* (букв. ‘горло-его’); ел. *n’ime-te* ‘грудь’ (букв. ‘грудь-ее’); тур. *puti-tə* ‘живот’, ‘желудок’ (букв. ‘живот-его’).

Названия, относящиеся ко вторичному типу номинации, могут быть представлены сложными словами с разной структурой:

- оба компонента выражены именами существительными: вас. *t’ondəl-mo* ‘поясница’ (букв. половина-спины);

- первый компонент выражен именем существительным в родительном падеже: об. С *qil-ən-ol* ‘ключица’ (букв. середины-округлость);

- первый компонент выражен именем прилагательным: тым. *qötäl-lï* 'ребро' (букв. 'боковая-кость').

В сомонимах, представляющих собой словосочетания, первые составные компоненты могут быть выражены разными частями речи:

- именем существительным в притяжательной форме: об. Ч *radït koža* 'желчный пузырь' (букв. 'желчь-его пузырь');

- именем прилагательным: об. Ш, Ч *küžäl koža* 'мочевой пузырь' (букв. 'мочевой-пузырь'); об. Ч *čib'eqäl q'ad* 'заднепроходной канал' (букв. 'проходная-кишка').

4. Простые сомонимы обладают значительным словообразовательным потенциалом. От них образованы слова, относящиеся к различным частям речи:

имена существительные:

- в сфере соматической лексики: об. Ш *šidimïd* 'печень' (букв. 'сердце-печень');

- в наименованиях предметов окружающей действительности: вас. *qarorkä* (< *qar-porkä*) 'рубашка (букв. 'тело-одежда)'; тур. *qamp'i* 'платок' (букв. 'тело-лоскуток'); тым. *qobat n'ak* 'мездра' (ср. об. Ш, С *kob* 'кожа');

имена прилагательные: об. Ч, тым. *rādal*, об. С *rad'i* 'зеленый', 'желтый', 'синий', 'серый', 'бронзовый';

глаголы: об. Ч *solžigu* 'надеть на шею (бусы)' (ср. тур. *sol* 'горло'); об. Ч *näbrešpigu* 'кормить (грудью)' (ср. об. Ч *näbä* 'грудь (молочная железа)');

последлоги: Ив. *qöyan* 'возле чего-либо' (об. С *köde* 'ребро'); Нап. *toyuot* 'позади кого/чего-либо' (кет. *toka* 'спина').

В тематической группе «Названия области шеи и туловища» выявлены словосочетания и фразеологизмы с компонентом-сомонимом: тым. *oten iżä* 'пульс' (букв. 'руки-сердце'); кет. *nanžaze ēgi* 'быть беременной (букв. 'с животом быть)'; кет. *toyan n'arne* 'задом наперед' (букв. 'спиной вперед');

5. Сомонимы, представляющие тематическую группу «Названия области шеи и туловища», обладают полисемией, основанной как на метафоре, так и на метонимии.

Одни и те же сомонимы используются представителями селькупского этноса для обозначения нескольких частей и органов тела человека, а также жидких выделений. В данном случае речь идет о метафорическом и метонимическом переносе: об. Ч *näbä* ‘грудь (молочная железа)’, ‘грудное молоко’ (метафора, основанная на местоположении); об., кет., ел. *soj* ‘горло’, ‘шея’ (метонимия, основанная на пространственной смежности). Кроме того, соматическая лексика рассматриваемой тематической группы используется для обозначения предметов окружающей действительности: об., кет., ел. *soj* ‘горло’, ‘ручей’, ‘исток’, ‘протока’; ел. *šun'd* ‘(полое) нутро’, вас. (*n'anel'*) *šund'e* ‘(отдельная) комната’, (*elyäl*) *šund'e* ‘(нижний) этаж’ (метафора, основанная на внешнем сходстве).

Названия частей тела человека используются для обозначения частей тела животных: об. Ч *kabäd* ‘туша’, ‘туловище’; об. Ч *näbä* ‘грудь (молочная железа)’, ‘вымя (животного)’; об. Ч *p'arge* ‘живот’, ‘желудок’, ‘брюхо (рыбье)’.

В названиях частей тела, представляющих собой атрибутивные словосочетания, отражаются особенности частей тела, описываемых данными сомонимами. К таким сомонимам относятся:

- атрибутивные словосочетания, отражающие особенности местоположения частей тела: кет. *qöđil lə* ‘ребро’ (букв. ‘боковая кость’);

- атрибутивные словосочетания, отражающие особенности местоположения части тела: кет. *kīlanoləl' lə* ‘грудь’ (букв. ‘груди-округлая кость’).

6. В селькупской культуре части и органы тела человека, расположенные в области шеи и туловища имеют определенные культурологические и сакральные смыслы. В результате проведенного лингвокультурологического анализа выявлено, что части тела, расположенные в области шеи и туловища, обладают разной степенью значимости в селькупской культуре, которую можно условно разделить на три уровня:

1) части тела, названия которых обладают высшей степенью культурной детерминированности: глотка, грудная клетка, грудное молоко, сердце, легкие, живот, кишечник, печень, пуп, мужские и женские репродуктивные органы, моча.

По представлениям селькупов такие части тела являются местом обитания или аналогом души человека и, нарушив их целостность, человек умирает;

2) части тела, названия которых имеют высокую степень выраженности культурной детерминированности: шея, пуповина, кал. Данные части тела выступают в роли каналов связи или, наоборот, служат границей между реальным и ирреальным мирами;

3) части тела, названия которых обладают наименьшей степенью культурной детерминированности: щитовидная железа, , выступ гортани, ребро, молочная железа, желудок, желчь и желчный пузырь, мочевой пузырь, спина. Представители селькупского этноса рассматривают такие части тела только с точки зрения их анатомических характеристик и функций.

ГЛАВА 5. НАЗВАНИЯ ОБЛАСТИ ВЕРХНИХ И НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Тематическая группа «Названия области верхних и нижних конечностей» в диалектах селькупского языка представлена большим количеством лексем, что свидетельствует о важной роли рассматриваемых частей тела в жизни селькупов. Данный факт подтверждается наличием в селькупской культуре традиций и мифологических представлений, связанных с той или иной частью тела, название которой входит в указанную тематическую группу. Комплексное изучение селькупских названий частей верхних и нижних конечностей человека дополнит знания о мировоззрении селькупов, полученные в ходе предпринятого исследования.

5.1 Названия руки

В разные временные периоды в селькупском языке были зафиксированы следующие варианты названий руки: О. *ud*, N.; *ut*, Jel., В., Tas., Kar.; *utte*, К., NP.; *utö*, Tschl.; *ude*, ОО. ‘рука’ [Castrén 1855: 232]; Narym. *utte*, Ket. *utte*, Tymische. *utte* ‘рука (от кисти до плеча)’ [Donner 1932: 36-38]; Am Tas. *utol*, Tomsk. *udol*, Narym. *uten-ol*, Ket. *uten-ol*, Tymische. *uten-ol* ‘рука (кисть руки)’ [187, с. 39-40]; *uti* ‘рука’ [Erdélyi 1969: 286]; *uttj* ‘рука’ [Алатало 1998: 130]; об., тым. *od*, *ōdā*; об. Ч *odol*; об. Ш, Ч, тым. *ot*; об. С, кет., вас., тым. *ut*, *utā*; кет. *uttj*, тур. *ūtj*, ел. *uti* ‘рука’ [СРДС 2005: 164].

Лексеммы актуализируются в следующих обыденных контекстах: кет. *ter əstəmbat utojini* ‘он выронил (что-то) из рук’, *udəm ipqəlgugu* ‘сжимать руку’; об. Ш *kβetəke utom* ‘левая моя рука’, *ter orannət utoβin* ‘он взял за руку’, *mat βes’ odom tjadap* ‘я все руки обварила’, *tab sōtpat qaborjīm onž’ odondse* ‘она сшила платье своими руками’, *kap odōjindj šorβadešpa* ‘из руки течет кровь’; кет. *tadiβil’ej uttā* ‘правая рука’, *qβedəbil’e uttā* ‘левая рука’; об. С *uts’e kol’s’ergo* ‘бить руками’, *tepkj čanž’adj matqənnə, oralbəzadj njandə uttəlamdə* ‘они вышли из дома, держали друг друга за руки’; об. Ч *odom qoγorβātpugu* ‘руки мозолить’, *tan odoqend qaž’la orβēšpadət* ‘на твоих руках волосы растут’, *näl’γur qibačel’ikamd odound tādijit*

‘женщина ребенка за руку ведет’, *odomt noyaljel!* ‘руки протяни!’, *arqilgugu udəm* ‘пожимать руку’; тым. *tatpel’ij ödä* ‘правая рука’, *man odom puda ek* ‘мои руки гладкие’, *mat qbädəgədi odom kjek pulomba* ‘моя левая рука сильно распухла’ [СРДС 2005: 164]; таз. *mat utanışä amqolamnak* ‘я начал есть рукой’, *utoqıl somak musiltıqo nātna* ‘ты должен руки хорошо помыть’ [Erdélyi 1969: 286].

Основой названия руки выступают лексемы *ut*, *od* при условии регулярного чередования корневой согласной *t ~ d* и гласной *u ~ o* [Dulson 1971: 35-43]. В этимологическом словаре Ю. Янхунена для данных сомонимов реконструируется праформа *uta ‘рука’ – sk. (Pr) *utj*, (D) Ту. *ūd^e* [Janhunen 1977: 30].

Конечная гласная рассматриваемых сомонимов различается в селькупских диалектах. Она представлена регулярным чередованием *e ~ ö ~ a* [Dulson 1971: 35-43]. В некоторых диалектах наблюдается полное выпадение гласной под воздействием редуцирования звука в конце слова. В диалектных вариантах названия руки *utte*, *утты*, *uttj* согласная в корне удваивается. Форма *udam* представляет собой притяжательную форму единственного числа первого лица (*uda* ‘рука’; *-m* – грамматический показатель) и имеет буквальное значение ‘рука-моя’.

В современном селькупском языке сохранился вариант названия руки об. Ч *odol*. Аналогичные варианты находим в записях К. Доннера: Ам Тас. *utol*, Томск. *udol*, Нарым. *uten-ol*, Кет. *uten-ol*, Тумисхе. *uten-ol*, для которых зафиксировано значение ‘кисть руки’. Буквальными значениями рассматриваемых вариантов составных наименований являются ‘рука-голова’ и ‘руки-голова’ (*od* ‘рука’; *-en* – суффикс генитива; *ol* ‘голова’). Полагаем, что в период проведения исследований К. Доннером данной лексемой называли кисть руки, однако, в последствие это значение подверглось генерализации и стало обозначать руку в целом.

Сомонимы, обозначающие руку, имеют также значения ‘лапа’ или ‘передняя нога (животного)’, например: кет. *moqoʷə uttə* ‘задняя лапа’ [СРДС 2005: 164]; об. Ч, Ш *qory amda, tattə, odit edimbat* ‘медведь сидел, лапы свесил’; *qory udinde βannomd oralbat, č’ur’elba,...* ‘медведица схватилась лапами за морду, завывала ...’ [Сказки 1996: 78, 109]; таз. *qaglal utitj namontj kip eña!* ‘какие маленькие лапки у крота!’, *utitj orsimjil’ esj* ‘его (тигра) передние лапы сильные’ [Erdélyi 1969: 286]. Аналогичная

ситуация прослеживается в других языках, например: долг. *ulun atak* ‘передняя нога животных (*ulu*: ‘рука’)’ [Демьяненко 1980: 190]; хант. *katəL* ‘передняя лапа медведя (*köt, ket* ‘рука’)’; манс. *kät, kät* ‘рука’, ‘передняя лапа’ [Вершинин 2005: 124].

В селькупской культуре существует убеждение, что через руки человека, а точнее пальцы, в его тело может забраться болезнетворный дух (еремка), поэтому селькупы говорят: «На улице всегда надо в рукавицах ходить» [Пелих 1998: 25]. В данном контексте актуализируются представления селькупов о руке как о связующем элементе между Средним и Нижним мирами. Семантика глаголов об. Ш *ödärgu* ‘беречь’, об. С *od’engui* ‘спрятать’, ‘закрыть’, об. Ш, кет. *od’ingu* ‘спрятать’, ‘скрыть’, кет. *otaptuku* ‘спрятать’, об. С *öt’engui* ‘спрятать’, в основе которых так же находим компонент *od-*, подтверждает предположение об особом отношении селькупов к рукам.

Тот факт, что руке и ее функциям отводится важное место в селькупской духовной культуре подтверждает наличие особых духов *utikijil’ loz keča* ‘букв. ‘безрукий дух племянник’)’ [Глушков 2013: 17]. Они считаются одними из наиболее сильных духов-помощников шамана. Фигурки из меди в форме безголовых, одноруких или безруких человечков крепились внизу парки шамана. По данным информантов, данные человечки помогают шаману в пути и, особенно, при розыске души больного в загробном мире [Ким 1997: 124].

С помощью добавления суффикса лишительности *-gädi ~ -käti* к сомониму *od ~ ut* образуются имена прилагательные: тым. *odogädil’*, кет. *uttakäti, uttagädi* ‘безрукий’, ‘однорукий’ (букв. ‘рука-без’). Названия руки входят в качестве составного компонента в устойчивые словосочетания, связанные с рукой как агентом действия: об. Ч *odol qatelēšpugu* ‘аплодировать (букв. ‘рукой бить’)’; об. С *utse mēmbədīmə* ‘рукоделие’; кет. *ut’t’erga* ‘полотенце’. Название руки входит в состав селькупской поговорки кет. *m’igu kol’d’an uttalaze, inžal ipqälble* ‘отдашь руками, не выходишь ногами (букв. отдать в долг руками, возьмешь, придавив)’.

Сомоним тур. *kışutit* ‘кисть руки’ [СРДС 2005: 59] представляет собой сложносочиненное слово, в котором первый компонент имеет значение ‘половина’, ‘часть’ (ср. тур. *kıştj* ‘половина’, ‘доля’), а второй компонент является сомонимом *uti*

‘рука’ в притяжательной форме (рука-его). Таким образом, буквальным значением данного сложного слова является ‘часть-руки-его’.

В ходе исследования было выявлено, что селькупское название руки восходит к самодийской праоснове. От сомонима *od ~ ut* ‘рука’ образованы некоторые прилагательные. В селькупском языке имеются устойчивые словосочетания и поговорка с компонентом-сомонимом *od ~ ut* ‘рука’. В представлении селькупов рука воспринимается носителями культуры как элемент духовного мира (часть тела, связывающая Средний и Нижний миры). Как материальные, так и духовные функции руки тесно связаны с функциями ее частей, таких как ладонь и пальцы.

5.1.1 Названия ладони

Названия ладони в селькупском языке представлены двумя группами лексем: 1) кет. *pīŋga* ‘ладонь’ [Алатало 1998: 106]; кет. *p’iīŋga, p’iŋgə* ‘ладонь’ [СРДС 2005: 187]; 2) таз. *še* ‘ладонь’ [Erdélyi 1969: 218, 280]; об. Ш *odj̄t šē*, об. Ч *odəšše*, вас. *utət še, utonnə še* ‘ладонь’ [СРДС 2005: 165].

Для обозначения *pīŋga* восстановлена уральская праформа: **piŋz* ‘ладонь’, ‘горсть’ – selk. КеМ *pīŋka* ‘рука’, ‘ладонь’ [Rédei 1987: 384]. Полагаем, что сомоним *pīŋga* является наиболее древним названием ладони и изначально использовался селькупками для обозначения лапы животного. Подтверждение находим в словосочетании кет. *qβərgan piŋgə* ‘лапа медведя’. Так как в настоящее время в селькупском языке данная лексема не имеет широкой функциональности, считаем, что название *piŋgə* относится к сакральной сфере и его использование в обыденной жизни запрещено. В силу этого наименование ладони, представленное во второй группе, имеет более широкое употребление.

Вторая группа лексем представлена названием *še* ‘ладонь’, а также сложными словами и составными наименованиями с данным компонентом. Рассматриваемая группа названий представляет собой иносказательные обозначения ладони. Название таз. *še* ‘ладонь’ материально совпадает с другим сомонимом об. Ш, Ч, вас., тым. *šē* ‘язык’. Полагаем, что изначально лексема *šē* использовалась селькупками

только для обозначения языка. Однако впоследствии данное слово стали использовать для номинации ладони в силу аналогичности форм данных частей тела – и язык, и ладонь имеют плоскую, овальную форму. Ладонь рассматривается селькупами как «язык» руки. Таким образом, название таз. *še* ‘ладонь’ и названия, в состав которых входит данный компонент, представляют собой эвфемизмы, используемые вместо табуированной номинации *pīŋga*.

Варианты названий ладони об. Ш *odj̄t šē* и вас. *utət še* представляют собой составные наименования, которые имеют буквальное значение ‘рука-его язык’ (*od ~ ut* ‘рука’; *-j̄t ~ -et* – показатель посессивности; *šē* ‘язык’). Аналогичным буквальным значением обладает название об. Ч *odəšše* ‘ладонь’. Данный сомоним является сложным словом, в котором показатель посессива представлен в форме *-eš* в связи с регрессивной ассимиляцией. Название вас. *utonnə še* имеет буквальное значение ‘руки язык’.

Составные варианты названий ладони встречаются в таких обыденных контекстах, как таз. *muntj̄k qumj̄t utj̄t šet tačarqolapsatj̄t* ‘все люди начали хлопать в ладоши’, *tep mat utan šeqinj̄ n’an’il’ sajil’am amk̄j̄tj̄* ‘она (птичка) ела крошки из моей ладони’, *ulj̄l šet tačarqolapsātj̄t* ‘они начали аплодировать’ [Erdélyi 1969: 218, 280].

Таким образом, в селькупском языке выделяется две основы для обозначения ладони. Сомоним кет. *pīŋga* имеет ограниченную сферу функциональности в связи с мифологическими представлениями селькупов. Компонентный анализ лексемы свидетельствует о том, что в селькупской культуре лапа медведя (кет. *pīŋga*) считается оберегом. Вариант названия таз. *še* ‘ладонь’ и его производные представляют собой эвфемизмы. Полагаем, что данное обозначение ладони образованно от сомонима об. Ш, Ч, вас., тым. *šē* ‘язык’ путем метафорического переноса, основанного на аналогии форм этих частей тела.

5.1.2 Названия пальцев

В селькупском языке в разные исторические периоды были зафиксированы следующие названия пальца: О. *tun*, N.; *tune*, K., ОО., NP., Tas., B., Kar.; *tunö*, NP

‘палец’ [Castrén 1855: 220]; Am Tas. *mun*, Tomsk. *munon*, Narym. *mun*, Ket. *mun*, Tymische. *mun* ‘палец’ [Donner 1932: 39-40]; кет. *mūnī* ‘палец’ [Алатало 1998: 118]; об., вас., тым. *mun*, *mūn*, об. С, кет. *muna*, кет. *mūna*, тур. *munī* ‘палец’ [СРДС 2005: 133].

Лексемы актуализируются в таких обыденных контекстах, как вас. *qarīndīl mūn* ‘загнутый палец’; кет. *mūnam pakteptīgu* ‘отморозить палец’; об. Ч *kībaža munlat* ‘маленькие пальцы’; об. Ш *tobīt mūnla* ‘пальцы на ноге’, *odīt mūnla* ‘пальцы на руке’, *qajqo munom ādīmbal?* ‘зачем ты палец уколол?’, *tab mīgan ugor kīgīmba oralgu, munom əg ādīgu* ‘он хотел схватить иголку за кончик, (чтобы) не уколоть палец’.

Согласно селькупским фольклорным текстам, палец обладает магической силой. Например, в сказке «Рябчик человеком стал» жена смогла вернуть мужа из потустороннего мира в мир людей, схватив его за палец: об. Ч, Ш *Kondalženža, tan ellē tūnanž, taβ mūnīp oralženžal, sβāŋ oralbet, əgə üdīkk’et*. ‘Уснет, ты вниз сойди, этот палец поймай, хорошо держи, не отпускай.’, *Pajat natt’ayīndī tōmba manžīrsa kβəzīt moγoyīndī, arayīnd m’edīmba, mūnīp orannīt, k’ess’ek oralbīs, kōm’ek*. ‘Жена оттуда пришла из-за зеркала, к мужу подошла, палец поймала, очень крепко держала’ [Сказки 1996: 57]. Данный контекст свидетельствует о том, что пальцы являются каналом связи между реальным и ирреальным мирами.

Лексема *mun* материально совпадает с праформой **munz ~ *mīnz* ‘гнуть’ [Janhunen 1977: 30]. Полагаем, что физическая возможность сгибаться легла в основу номинации данной части тела. Названия определенных пальцев руки представляют собой сомонимы вторичного типа номинации, в состав которых входит компонент *mun* ‘палец’ в своих диалектных вариантах. Для выявления лингвокультурологических особенностей названий пальцев в селькупском языке необходимо провести многоаспектный анализ составных компонентов данных сложных сомонимов и словосочетаний. Анализ лексем, относящихся к вторичному типу номинации, целесообразно начать с выявления мотивов номинации.

Мотивировочные признаки номинации пальцев можно разделить на лингвистические и культурные (сакральные, мифологические). Первая группа – это

названия, представленные буквальными значениями составных компонентов. Мотивировочными признаками номинации для данных названий выступают:

- размер: большой – кет. *βeryi mūni* ‘большой палец’ [Алатало 1998: 118]; об. С *βaryə mun*, кет. *βarga mūna* ‘большой палец’ [СРДС 2005: 23]; маленький – об. Ч *kjba mun*, *qibjžo mūnom* ‘мизинец (букв. ‘маленький палец’)’ [СРДС 2005: 104], ср. об., кет., вас., тым., тур. *kjba* ‘маленький’, об. Ч *qibjžo* ‘маленький’;
- функция: указывать – об. Ш *adəlžəmbəl mun* ‘указательный палец’ [СРДС 2005: 12], ср. об. Ч, тым. *ādalžugu*, кет. *adalžigu*, об. Ч *adəlžəgu* ‘показать’; О. *tumbelil-mun*, *tumbelel-mun* ‘указательный (букв. ‘наперсточный палец’)’ [Castrén 1855: 220], ср. об. Ш, Ч *mjmb’i*, ел. *mjmp’ij* ‘наперсток’;
- местоположение: средний – об. Ш *sajg’i mun*, об. Ч *šadəgudel mūni* ‘средний палец’ [СРДС 2005: 206], ср. об. Ш *sajgi* ‘середина’, об. Ч *šadəgudel* ‘средний’; крайний – об. Ч *qal’inmun* ‘мизинец (букв. ‘последний палец’)’ [СРДС 2005: 68], ср. кет. *qal’i* ‘последний’; кет. *ezij muni* ‘средний палец’ [Алатало 1998: 136], ср. кет. *ezij* ‘средний’.
- отсутствие мотивов номинации – О. *nipketii-mun* ‘безымянный палец’ [Castrén 1855: 220]; кет. *n’imgidi mūni* ‘безымянный палец’ [Алатало 1998: 118]; об. С *nemgədi mun*, об. Ш *n’epkalq mun*, *nepkalk mun*, ‘безымянный палец’ [СРДС 2005: 156], ср. об. Ш, вас. *nep* ‘имя’ (*nip-*, *n’im*, *nem-*, *n’ep-* являются диалектными вариантами при учете регулярных чередований гласных *i ~ e* и согласных *m ~ p*); элементы *-kalk* (и его фонетический вариант *-kalq*), *-gidi* (и его фонетические варианты *-gədi*, *-ketti*) представляют собой суффиксы лишительности.

Большая часть из представленных принципов номинаций пальцев в селькупском языке совпадает с русскими принципами номинации. По мнению А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и др. такие виды наименований являются полными кальками с русского языка [ОчСЯ 1980: 13]. Однако, это мнение можно оспорить, так как в самодийских языках северной ветви и финно-угорских языках подобные принципы номинации также присутствуют, ср. нган. *бэрэбта’ку* ‘мизинец’ (< нган. *бэрэбтээ* ‘крайний’) [Костеркина 2001: 133]; нен. *нгумбья* ‘указательный палец’, ‘наперсток’, *ерь нгуда тарка* ‘средний палец’ (< *ерь* ‘средий’ + *нгуда* ‘рука’ + *тарка*

‘палец’), *нимзьяда нгуда тарка* ‘безымянный палец’ (< *ним* ‘имя’ + *-зьяда* ‘суффикс необладания’, т.е. букв. ‘без имени-руки-палец’), *варты* ‘мизинец’ (< *вар* ‘край’) [Пырерка 1948: 181]; эн. *убай* ‘палец’, ‘наперсток’, *дэдай чубай* ‘средний палец’ (< *дэдай* ‘средний’ + *чубай* ‘палец’), *бартэ* ‘мизинец (букв. ‘крайний олень)’ [Сорокина 2001: 239]; эрз. *v'iška sur* ‘мизинец (букв. маленький палец)’ [Кочеваткин 1999: 21]; хант. *эллэ пӓң* ‘большой палец руки (букв. большой палец)’, *алэң пӓң* ‘указательный палец (букв. ид.)’, *кӓтэп лой* ‘средний палец (букв. ид.)’, *нэмлы луй* ‘безымянный палец (букв. ‘без имени-палец’), *ай вӓщӓна луй* ‘мизинец (букв. ‘маленький-мизинец-палец’)’ [Рябчикова 2008: 35-36].

Следующую группу лексем объединяют мифические (сакральные, культурные) мотивы номинации. Данная группа лексем объединяется использованием названий животных в обозначении пальцев. В этом проявляется связь человека с животными-тотемами рода, их мифическими возможностями и силой.

Использование названий животных в обозначении пальцев человека наблюдается в лексемах: О. *kanal-mun* ‘указательный палец (букв. ‘собачий-палец’), ср. *kanal* ‘собака’; *nomal-mun* ‘указательный палец (букв. ‘заячий-палец’), ср. *nomal* ‘заяц’; О. *kor-mun*; об. Ч *kormun*, *qorə mun*, вас. *qor mun* ‘средний палец (согласно А. Кастрену букв. ‘бык-палец’)’ [Castrén 1855: 220].

Культурологические данные помогают раскрыть мотивы использования селькупамися зоонимов в номинациях пальцев. Например, *Qanaŋ ~ Kanak* ‘собака’ – мифический предок *Loz-seg-kanak* ‘черная собака’, которая является хозяином Верхней Кети [Пелих 1998: 60]. Согласно данным мифологии, Кан был сыном Нума, которого Нум сбросил на землю и превратил в собаку за то, что Кан не передал людям слова о том, как быть бессмертными [Пелих 1998: 38-39]. Собака в мировоззрении селькупов является духом высокого ранга и, кроме того, одной из ипостасей матери-прародительницы. Собака выступает в роли «положительного героя» для селькупов. Она является верным другом своего хозяина, после смерти ее хоронят в могиле, как человека [Степанова 2008: 88]. Мифологическая связь собаки и неба раскрывается также при морфемном анализе лексем со значением ‘собака’

[Быконя 2011: 210-213]. Полагаем, что указательный палец обозначается наименованием собаки в связи с функцией данного органа. Указательный палец выполняет вспомогательную роль при выполнении любой работы, равно как и собака является важным помощником в жизни селькупа.

Другое название указательного пальца *nomal-mun*, зафиксированное А. Кастреном, имеет буквальное значение ‘заячий-палец’, которое состоит из составных компонентов об. С, кет. *n'o*, *n'ō*, тым., тур. *n'ota* ‘заяц’ и *-(a)l* ‘суффикс прилагательного’.

С точки зрения культуры заяц является животным-тотемом рода. На синхронном уровне для обозначения данного животного используется лексема об. С *malža* ‘заяц’. Полагаем, что данная лексема представляет собой сокращенный вариант названия рода. Изначально род имел название *n'omal-ža* ‘букв. заячий-отец’, т.е. глава рода. Однако в связи с запретом на произнесение имени божества, почитаемого в роду (в данном случае зайца), проявляется факт смены имени рода. В тотемных сообществах считалось, что тот, кто узнает настоящее имя, получит власть над его носителем [Донских 1984: 17]. Это способствовало появлению сокращенного названия рода *malža* в процессе выпадения первого компонента *n'o*, дающего прямое название первопредка рода. Новое название рода сохранилось в антропониме Мальков и в названии культового места Малгет-Молгет [Быконя 2011: 71].

Название указательного пальца в кетском диалекте селькупского языка свидетельствует о том, что он является символом матери, «женским» пальцем: кет. *eβij munj* ‘указательный палец (букв. материнский палец)’ [Алатало 1998: 141], ср. об. С, кет., тым. *eβ* ‘мать’, ‘самка (зверя)’. Средний палец выступает символом отца, является «мужским» пальцем, так как словосочетание кет. *ezij munj* ‘средний палец’ можно интерпретировать как ‘отцовский палец’, ср. об. С, кет., тым., тур. *ez* ‘отец’. Таким образом, пальцы представляют собой противопоставление женского и мужского начал.

В других сомонимах со значением ‘средний палец’ (О. *kor-mun*; об. Ч *kormun*, *qora mun*, вас. *qor mun*) начальный компонент *kor* является самостоятельным словом, ср. об. *kor* ‘самец’, ‘жеребец’, об., кет., тым., ел. *qor*, кет. *qorr*, *qorrə*, тур. *qorj*

‘мужская сила’, ‘мужская душа’. Для данных названий среднего пальца восстанавливается буквальное значение ‘мужской силы палец’. Согласно культурологическим данным *kor* – это мужская сила. Считается, что если человек теряет при жизни *kor*, то он сходит с ума, становится дураком, бешеным или превращается в женщину [Пелих 1998: 54].

Поскольку А. Кастрен для словосочетания *qor min* дает буквальное значение ‘бык-палец’ [Castrén 1855: 220], полагаем, что данное название среднего пальца подразумевает иносказательное обозначение мифического предка *Piğinbalk* ‘бык с выпученными глазами’, первый компонент которого *Piğa* ‘бык-богатырь’ является фольклорным героем по имени Пыка. Мифический предок «бык» передает у южных селькупов понятие «двуполость» [Быконя 2011: 198], как и «двуполовинное дерево» или мировое дерево для северных селькупов [Прокофьева 1961: 54-74]. Суть «двуполовинности» связана с понятием «отсутствие парности». Пальцы на руке состоят в отношении парности исходя из принципа номинации числительных [Быконя 1998: 201], кроме среднего пальца, который имеет двойственную природу сам в себе. Двойственность природы заключается в том, что он является границей между миром людей (Средним миром) и миром духов (Верхним миром).

Средний палец олицетворяет переход из одного мира в другой. Подтверждение находим в том, что средний палец делит руку пополам, равно как позвоночник *šitjkote* делит тело человека на две половины – *kβedi pil'e* ‘левая половина’ и *tadi pil'e* ‘правая половина’. Из этнографических данных следует, что *šitjkote* ‘середина’ в чуме – это полоса, которую нельзя пересекать. Видимо, середина руки также олицетворяла рубеж, границу, которую нельзя пересечь. «Символическая» граница – это, в принципе, средний палец [Быконя 1998: 201].

Символическую пару составляют большой палец и мизинец. Кроме того, в них проявляется иерархия мифических предков, различающихся по признаку старший/младший. Наблюдается их полярное противопоставление: об. С *βaryə min*, кет. *βarga mīna* ‘большой палец (первый, главный)’, ‘старший брат’ ↔ об. Ч *kība min, qibjžo mīnom* ‘мизинец (последний, послушный)’, ‘младший брат’.

Для обозначения большого пальца в селькупском языке используется следующая группа лексем: тым. *qayal, qayalə*; об. Ч, вас. *qāyal, qayəl*, вас. *qaqal*, вас. *qāqal*; об. Ш *qāgal mun*; тым. *kagal' mīn, qagal mun*; вас. *qāyal munə*; об. Ч *qayalt mun* 'большой палец', 'сакр. могильная душа' [СРДС 2005: 62]. Первый компонент словосочетания *kagal' mīn* материально совпадает с лексемой тым. *kagal'* 'могильный', образованной от слова об. С, Ч, тым. *kaga* 'покойник', 'душа'. Представляется логичным вывод о том, что мотивом номинации большого пальца послужили мифические представления селькупов, согласно которым человек, потерявший большой палец, превращается в зверя, т.е. лишается души. Кроме того, селькупы верят, что в большом пальце *qāyal munə* заключается шаманская сила [Пелих 1998: 22].

В других названиях данной части тела *βeryj mīnĭ* 'большой палец' [Алатало 1998: 118]; об. С *βaryə mun*, кет. *βarga mīna* 'большой палец' фонетический облик первого компонента вас., тым. *βarg*, тым. *βarga*, об. С *βargi*, кет. *βerqi* 'великий', 'старший', 'большой' претерпел изменения, так как в истории языка имела место элизия гласного. Учитывая этот факт, восстанавливается исходная форма в виде *βar-igi, βer-iqi*, что буквально означает «мифический предок-царь». В результате слияния компонентов последовало нивелирование их значений. В системе терминов родства они стали обозначать родственника, старшего по возрасту: кет. *βorgi, βorq, βaryə* 'старший (брат или сестра)'. Значение «старший в роду (правитель)» имеют лексемы, в структуру которых вошел рассматриваемый лексический компонент: тым. *βaryə qip*, об. Ч *βaryə qip* (букв. мифический предок-царь-человек). Затемнение внутренней формы обусловило присоединение лексемы *qip* 'человек'. Это же значение имеют лексемы об. Ч *βaryol* 'царь', 'правитель', 'шаман', 'хозяин' (<*βar-oy-ol* букв. мифический предок-царь-голова (глава) [Быконя 2011: 72].

Наличие в рассмотренных вариантах названий большого пальца связи с шаманской силой, т.е. высшей силой среди людей, и значения «старший в роду (правитель)» дает основания утверждать, что большой палец является олицетворением мифического первопредка высшего ранга.

В противовес культурологическому значению большого пальца рассмотрим значение мизинца в духовном мире селькупов. Первый компонент названия об. Ч *qal'inmun* 'мизинец (букв. 'последний палец')', восходит к личному имя предка-богатыря с Кети Калгук [Чеснов 1971: 6-13] – *Qalguk (Kalguk)*. По преданию, *Kalguk* 'дух-богатырь', 'каменный человек' пустил стрелу в гром, превратился в каменного идола и ушёл в землю [Пелих 1972: 319]. Он был работником у «большого богатыря», который велел ему пустить стрелу в гром, а сам большой богатырь застыл в земле. Морфемное членение лексемы приводит к выделению компонентов *qal-guk*. Первый компонент *qal-* вычленяется в структуре тотемов – птицы-тотема об. С *kalak* 'чайка' и млекопитающего-тотема, почитаемого в образе земляной медведки кет. *kalli, qal'el'i, qall'i, qall'ij*; вас. *qalat* 'крот' [Быконя 2011: 123].

Лексемы, в структуре которых вычленяется компонент *kal~qal-*, служат для обозначения элементов сакральной сферы: об. Ш *kal'ittab* 'подмышечная впадина'; об. Ч, кет. *qal'i*; кет. *qālī* 'пазуха' (аналог Нижнего мира); *qalto* 'водораздельное озеро (из него вытекают две реки в разных направлениях)' [Быконя 2011: 148], к которой так же относится и мизинец об. Ч *qal'in mun* 'мизинец на руке'. Исходя из значений представленных лексем, можем предположить, что мизинец, являясь противопоставлением большого пальца, олицетворяющего первопредка высшего ранга в Верхнем мире, считается у селькупов олицетворением духа Нижнего мира.

Другое название мизинца тым. *č'el'ka* [СРДС 2005: 279] можно считать тайным именем ребенка. В самоназвании селькупов *ču-gula* выделяется компонент *ču-*, который материально совпадает с лексемой об. Ч *ču*; тым. *čü*; об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *č'u* 'земля', 'глина', 'страна'. Эта ассоциативная связь даёт основание для трактовки самоназвания этнонима *čugula* 'земляные люди'. Имя мифического предка «земля» перенесено на место зарождения рода/рождение младенца. Семантическое содержание однокоренных слов подводит к выводу о том, что лексемы *če, ču* и *č'u* были тайными (домашними) именами детей разного возраста. Лексема *če* вошла в структуру сложного слова *qibajče* 'ребенок'. Связь мифического предка с ребенком проявляется и на других уровнях. Символом данной связи выступает тым., об. Ч *č'oue* 'пояс (мифического предка, соединяющий его с душами

рождающихся детей)’, ср. пример: об. Ч *mat qibajčem qomdel č’oγe ek* ‘мой ребенок с золотым поясом, букв. мой-ребенок-золотой-пояс-есть’ [Быконя 2011: 98].

Итак, мифологические данные свидетельствуют о подчинительном положении предка-богатыря *Kalguk*. Сомоним *č’el’ka* имеет тайное значение, выражающее обращение к ребенку, который традиционно занимает подчинительную позицию относительно взрослых. Таким образом, можем утверждать, что мизинец олицетворяет мифического предка, находящегося на более низком иерархическом уровне по сравнению с предками-тотемами, имена которых легли в основу номинации большого пальца.

Олицетворение «подчинительного» положения мизинца прослеживается и в русском языке. Сомоним *мизинец* берет начало от праславянской формы *мѣзиньць*, от которой произошли слова: русск. и ц-слав. *мѣзиньць* ‘младший сын’, др.рус. *мизиньць*, укр. *мизінець* ‘младший ребенок’ и *мизінка* ‘младшая дочь’. Слово *мизинец* имело значения ‘малый’, ‘малейший’, ‘меньшой’: *мизинный сын* ‘самый младший’, *мизинии люди* ‘люди низкого звания’, *мизиниться пред кем-либо* ‘смиряться’, ‘унижаться’ [Овчухова 2013].

Рассмотренные нами названия пальцев имеют определенные мотивы номинации. Безымянный палец в селькупском языке, также как и в русском не имеет особого принципа номинации, а потому буквальная интерпретация сомонима является полным совпадением с русским названием, ср. об. С *netgadi tun* ‘букв. имя-без палец’. Отсутствие специального обозначения данного пальца может быть связано с отсутствием у него важных функций, либо его наделяли особым сакральным смыслом, о котором запрещено говорить.

Лингвистический подход при анализе названий пальцев в селькупском языке позволил выделить 6 признаков номинации, а именно: размер, функция, местоположение и отсутствие мотива номинации. Данные принципы не являются исключительными и встречаются в других самодийских и финно-угорских языках.

В целом по представлениям селькупов пальцы являются каналом связи между Средним миром и Верхним или Нижним мирами. При проведении лингвокультурологического анализа названий отдельных пальцев в селькупском

языке был выявлен единый принцип номинации, основанный на мифических представлениях селькупов, который проявляется в том, что в основах исследуемых сомонимов лежат имена селькупских первопредков. Подобные мотивы номинации частей тела являются спецификой селькупской культуры и заключают ценную информацию об иерархии мифических предков в пантеоне.

В ходе исследования выявлено, что большой палец олицетворяет первопредка высшего ранга, в противопоставление ему мизинец является репрезентантом духа Нижнего мира. «Границей» между Верхним и Средним миром выступает средний палец, который по представлениям селькупов обладает двойственной природой. Указательный и средний пальцы считаются аналогами духов высокого ранга в Верхнем мире. Кроме того, указательный палец ассоциируется с матерью-прародительницей, а средний палец является символом мужского духа. Таким образом, в рассмотренных нами сомонимах также отражается принцип семейного уклада, что зафиксировано в наименованиях указательного (мать), среднего (отец) пальцев и мизинца (ребенок).

5.1.3 Названия ногтя

Названия ногтя в селькупском языке представлены такими лексемами, как О. *kad*, N.; *kat*, MO., Jel., B., Kar.; *katte*, NP., K.; *kade*, Tsch., OO.; *kate*, Tas. [Castrén 1855: 221]; таз. *qatj* ‘ноготь’ [Erdélyi 1969: 64]; об. Ш *kad*, *kād*, кет. *kat*, *kattə*, *qattj*, об., кет. *qad*, вас. *qade*, *qatə*, тур. *qatj*, об. Ч, тым. *qadə*, об. С, Ш *qat*, тым. *qattü* ‘ноготь’. Значения лексем актуализируются следующими обыденными контекстами: об. С *qadlam malalgu* ‘ногти грызть’; таз. *qatip musiltipsātjil’ mī* ‘щетка для ногтей (букв. ‘ногти чистящая вещь’)’ [Erdélyi 1969: 64]. Сомоним *kad* и его фонетические варианты восходят к общесамодийской праформе **kəta* ‘ноготь’, ‘коготь’ – sk. (Pr) *qatj*, (D) Ту. *kadə*, (C) Tsch. *kaače* [Janhunen 1977: 56].

Согласно селькупской мифологии ногти являются остатками панциря, которыми было покрыто тело первых людей на земле, сотворенными богом Каль-эта (небесный олень) [Пелих 1998: 36]. По поверьям, бытующим у селькупов, ногти

обладают магической силой. Так, если в течение нескольких дней с ноги срезать ногти и подсыпать их в суп, то человек, съедающий такой суп, постепенно теряет свои силы [Тучкова 2004: 165].

Сомоним *kad* используются также для обозначения копыта животного и когтя птицы: об. С *sıram qat* ‘коровье копыто’, *küntun qat* ‘конское копыто’; таз. *weçil lakam qotıntısä kotalnıt* ‘она (ворона) схватила кусок мяса своими когтями’, *tep päqqıt qatıntınānı enışi* ‘берегитесь копыта лося’; тур. *qatı çäptel’ surıtı matıpıl’ eñoβat* ‘когти старого зверя острые’, *tep al’ç’isa ätäl’ amırımbıl’ surıt qatontı* ‘он попал в волчьи когти’ [Erdélyi 1969: 64]. Когти священного животного – медведя – являются оберегом от всего злого и негативного вас. *çol’qend çurut qadep çarıtkadıı* ‘на шею его они привязали медвежьи когти’.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что в селькупское название *kad* ‘ноготь’ восходит к самодийскому периоду формирования. Название ногтя человека используется селькупам для обозначения копыта животного и когтя птицы. Согласно культурологическим материалам, ноготь является элементом духовной культуры селькупов. Представители данного этноса полагают, что ногти человека могут иметь негативную магическую силу, а когти медведя, напротив, являются защитой от всего злого.

5.2 Названия ноги

В селькупском языке в разные исторические периоды учеными были зафиксированы следующие варианты названия ноги: О. N. *tob*, К. *toppa*; NP. *toppe*; Tsch. *toba*; ОО. *tobe*; В. *tobe*; Tas. *tope*; Кар. *tup* ‘нога’ [Castrén 1855: 225]; Am Tas. *top*, *tobol*, Tomsk. *toboll*, Narym. *tapo*, Ket. *tapo*, Tумисхе. *tapo* ‘нога’ [Donner 1932: 39-41]; таз. *topı*, *tōpı* ‘нога’ [Erdélyi 1969: 273]; кет. *toppı* ‘нога’ [Алатало 1998: 114]; об.,вас.,тым. *tob*, *top*; об. С, тым. *toppə*; кет. *topı* ‘нога’ [СРДС 2005: 240]. В фонетических вариантах имеет место регулярное чередование звуков *b ~ p* и *a ~ o ~ õ ~ u* [Dulson 1971: 37].

Значения лексем актуализируются такими обыденными контекстами, как *vas. mat tobom pež'alž'əyar* 'я ногу вывихнул', *eral qudenan tobodīt č'užel'embadīt* 'у старых людей ноги болят', *arat tobon ilžitqit č'abın eppəlimbadīt* 'осенью под ногами листья лежат'; об. Ч *kutjat qandättəmbal tobolt?* 'где ты ноги промочил', *tobīt ən'βatpa* 'ноги гудят'; об. С *manan βes udlaß i βes toblaß taron'tjat* 'у меня руки и ноги затряслись', *topse m'ir'erčəmpriku as k'er'eg'eŋ* 'ногами семенить не надо'; об., *vas.*, тым. *laqčəmbədi top* 'сломанная нога'; тым. *topse adel'd'egu* 'топать ногами'; таз. *mat topoqäk werqi kīriļ' mī esī* 'на моей ноге была большая рана'; таз. *topintil ilqit čaŋal'tekkipil' pol' mol' mī säpälentātīt* 'под их ногами ломались только сухие ветки'; об. Ш *tobin ilžitqit eppa sər* 'под ногами лежит снег'.

Фонетический материал иллюстрирует наличие в синхронии и диахронии параллельных вариантов лексем со значением 'нога', а именно: *toba, tobe – tob; toppa, toppe, tope, topi, tōpi, toppi toppə – top*. Существование полных форм слова в одних диалектах и усеченных форм того же слова в других является особенностью селькупского языка (см. раздел «Названия глаза»).

В этимологическом словаре Ю. Янхунена отмечается, что селькупское слово *top ~ tob* 'нога' относится к общесамодийскому пласту лексики. Для данного сомонима реконструирована основа **topa* 'лапа', 'копыто' на основе соответствий в самодийских языках: *sk (Pr) topi* 'нога' (также 'ствол дерева' : < * *tāpə*) [Janhunen 1977: 166].

Однако в словаре К. Доннера «Samojedische Wörterverzeichnisse» отмечено название ноги *tapo* для некоторых диалектов селькупского языка [Donner 1932: 39-41]. Наличие в корне слова гласной *a* позволяет говорить о более древнем происхождении названия ноги в селькупском языке. Лексема *tapo* материально совпадает с глаголами об, кет., *vas.*, тым. *tapolgu*; кет. *tappolgu*; об., *vas. tabolgu*; 'пнуть', 'лягнуть', для корневой части которых восстанавливается уральская праформа **tappa* 'mit den Füßen stamfen; schlagen; pochen; klopfen (топать, бить, молотить, стучать ногами)' [Кузнецова 2002: 203]. Данная праформа имеет звукоподражательную природу, т.е. первоначально она использовалась для репрезентации в языке звука, который производится ногами, а позднее стала

использоваться для обозначения части тела, которая создает этот звук. Подтверждение находим в глаголах с корневой гласной *o*, имеющих подобную семантику: вас. *topolgu* ‘пнуть’, *topolgugu* ‘пинать’.

Согласно словарю К. Доннера «Samojedische Wörterverzeichnisse», в тымском и нарымском диалектах селькупского языка названия ноги представлены сложными лексемами *tobol*, *toboll* [Donner 1932: 39-41]. Данные названия состоят из двух компонентов-сомонимов *tob* ‘нога’ и *ol/oll* ‘голова’, ср. об., кет., вас., тым., тур. *ol*, *ōl*, *olə*; кет. *ollj* ‘голова’. Таким образом, восстанавливается буквальное значение лексем *tob-ol*, *tob-oll* ‘ноги-голова’. Полагаем, что такой вариант номинации использовался для обозначения стопы. Название образовано на основе метафоры по аналогии местоположения головы и стопы, т.е. как голова является окончанием=вершиной тела, так и стопа является окончанием/вершиной ноги. В селькупском языке выявлен аналогичный принцип номинации и для кисти руки (см. раздел «Названия руки»).

Сомоним *top* ~ *tob* имеет также значение ‘лапа зверя’, ср.: кет. *q̄b̄arž̄an toppi* ‘медвежья лапа’, таз. *kanan̄mj̄ š̄üm top̄int̄is̄ä melt̄j̄ q̄ess̄jt̄* ‘моя собака переломила змею своими лапами’. Подобное явление встречается в других языках, например: удм. *пыд* ‘нога’, ‘копыто’, ‘лапа’ [Егоров 2010: 8]; долг. *atak* ‘нога (человека)’, ‘лапа (зверя)’ [Демьяненко 1980: 187]; хант. *kür* ‘нога’, ‘лапа (животного)’ [Лыткин 1970: 129].

В селькупском языке название ноги применяется для обозначения нижних частей предметов окружающей действительности, ср. об. С *stolon top* ‘ножка стола’, таз. *stol̄jl̄ top̄it̄il̄ č̄ump̄it̄j̄* ‘длина ножек стола’; кет. *p̄ij̄ topp̄il̄aze*, *p̄ōj̄ īkkul̄aze* ‘с каменными ногами, с деревянными шапками’ (заг.) (отгад. – сеть); об. Ч *n'argiq̄an ok̄ar tob̄al̄ k'il'e am̄n̄anda* ‘на болоте амбар на одной ноге (букв. одноногий) стоит’. Такое явление характерно и для других языков, например: хант. Тег. *χoΛ̄ap̄ k̄ür* ‘нижняя веревка сети (букв. ‘нога сети’)’ [Рябчикова 2008: 102]; ен. кет. *s'u:l't bul'* ‘деталь нарты (букв. ‘нарты нога’)’ [Клопотова 2002: 128]. Сомонимом *top* ~ *tob* обозначают основания природных объектов, например: таз. *p̄ōt̄ t̄ōp̄j̄* ‘ствол дерева’; таз. *š̄itt̄j̄ tim̄n'aq̄j̄ q̄et top̄q̄in̄ il̄im̄p̄oq̄i* ‘двое братьев живут у подножия горы’ [Erdélyi 1969: 273]. Подобный пример встречаем в удмуртском языке *kok* ‘нога’, бот. ‘ножка (например, гриба)’ [Лыткин 1970: 129].

Лексема *top ~ tob* является центром словообразовательного гнезда. Она стала основой для формирования сомонима тур. *topinolı* ‘стопа’ [СРДС 2005: 241]. Название стопы представляет собой сложное слово, в состав которого входит название ноги в форме генитива и название головы, т.е. *top-ın-olı* ‘букв. ноги-голова’. В кетском диалекте лексема *tobinolı* выступает в качестве наречия со значением ‘на цыпочках’. Лексема *tob* в форме генитива может использоваться в качестве наречия, ср. об. С, кет. *tobın* ‘пешком’. В селькупском языке имеется отдельное название для нижней части стопы: об. Ш *tobın ılžat, tobın ılšt* ‘стопа’ [СРДС 2005: 240]. Буквально данное название может интерпретироваться как ‘ноги подошва’, ср. об. Ш, Ч, кет., вас. *ılž, ılžat, ılžat*; об. С *ılč’it* ‘подошва’.

В селькупском языке для обозначения голени ноги используется два составных наименования: об. Ш *tobın önžal*; об. Ч *tobıt qbež’, tobıt qbeč’* [СРДС 2005: 240]. Первым компонентом в данном названии выступает сомоним нога в форме генитива *tobın* ‘ноги’ и в притяжательной форме *tob-ıt* ‘нога-его’. Вторые компоненты названия голени различаются. Значение лексемы *önžal* выявляется при восстановлении ряда фонетических вариантов в условиях регулярного чередования согласных звуков *ž ~ d* [Dulson 1971: 41], ср. об. Ш *önd*; об. Ч *öndä* ‘дуга’, ‘лук’. Таким образом, сомоним об. Ш *tobın önžal* имеет буквальное значение ‘ноги дуга’. В кетском диалекте зафиксирован вариант сомонима *tobın mır* ‘голень ноги (букв. ‘ноги стопа’)’ [Алатало 1998: 90]. Лексема *qbež’, qbeč’* является названием сустава. Значит, буквальным значением названий об. Ч *tobıt qbež’, tobıt qbeč’* будет ‘нога-его сустав’.

В селькупском языке имеется глагол, в составе которого выделяется компонент *top ~ tob* ‘нога’. Глагол передает значение ‘надевать (на ноги)’: об. Ч *tobalžugu* ‘обуть на ноги’, об. Ч *tap m’ešalbat tol’žip, toboyon tobalžambat* ‘он схватил лыжи, на ноги надел’. С помощью присоединения суффикса лишительности *-gada* к сомониму *tob* образуется прилагательное об. Ч, вас. *tobagada* ‘безногий’, ср.: об. С *udagada* ‘безрукий’; об. С *sejgada* ‘слепой (букв. ‘без глаз’)’.

От основы *top ~ tob* ‘нога’ в селькупском языке образованы составные наименования, описывающие предметы окружающей действительности, связанные с

ногой, например: тым. *toban ug* ‘носок обуви (букв. ‘ноги передний край)’; об. Ш *tobjt sakkə* ‘след (букв. ‘ноги-его копыто)’.

Сомоним *tob* ‘нога’ встречается в устойчивых словосочетаниях таких, как кет. *tobjnoli pal’d’ugu* ‘ходить на цыпочках’, об. Ч *tobjn oloqondo* ‘с ног на голову’, об. Ч *tobəm əlaləmbugu* ‘обезножить’. Названия ноги входят в подобные устойчивые словосочетания и в других языках: удм. *йырысеныз пыдозяз* ‘с головы до ног (букв. ‘с его головы до его ног)’; венг. *tetötöl talpig* ‘с головы до ног (букв. ‘с макушки до ступней)’ [Егоров 2010: 11]. Кроме того, в селькупском языке имеется поговорка с компонентом-сомонимом *tob* ‘нога’: об. С *udeze mež’al, a tobjze iž’al* ‘отдашь руками, не выходишь ногами (букв. ногами не возьмешь)’. Другое словосочетание с компонентом-сомонимом *top ~ tob* ‘нога’ – *Tat topjł moqjnä iti!* ‘Ты ноги свои прочь убери!’ – говорит мужчина девушке при входе в чум. Данная фраза означает предложение пожениться [Тучкова 2004: 285].

В селькупском фольклоре нередко описываются люди и животные с аномальным количеством ног, например, сказки об одноногих братьях Ичи и двуногом жеребце [Тучкова 2004: 284]. Как уже отмечалось, аномальное количество частей тела, в данном случае ног, свидетельствует о том, что описываемый герой принадлежит потустороннему миру.

В результате проведенного исследования выявлено, что в селькупском языке название ноги представлено простой лексемой *top ~ tob*. Согласно изученному языковому материалу, в представлении селькупского этноса ноги имеют ту же символику, что и в других культурах – они представляют собой символ движения и опоры. В результате процесса метафоризации, основанной на аналогии местоположения, название ноги используется для обозначения нижних частей объектов природы и окружающей действительности. Сомоним *top ~ tob* ‘нога’ имеет звукоподражательную природу и является центром словообразовательного гнезда. В число производных слов входят сомонимы, которые обозначают части ноги, такие как стопа и голень. Лексема *top ~ tob* ‘нога’ также входит в состав устойчивых словосочетаний и поговорок. В селькупской мифологии отмечается аномальное количество ног у существ потустороннего мира.

5.2.1 Названия ягодицы, паха и бедра

Селькупы не уделяют особого внимания точному использованию названий частей тела в области таза. Одни и те же названия могут использоваться для обозначения разных его частей. Сомонимы данной области можно разделить на три группы.

Первая группа названий кет. *metga, met't'a* ‘ягодица’, ‘задняя часть’ [СРДС 2005: 138] материально совпадает с такими сомонимами как кет. *meč'č'a* ‘короткий хвост (у оленя, у зайца)’; об. С, вас. *mot't'a*, тым. *močča* ‘пятка’, ‘задник (обуви)’. Вышеуказанные лексемы являются частями тела, расположенными сзади. Из данного совпадения следует, что внутренним значением компонента *met* и его фонетических вариантов является ‘задняя часть тела’.

Аналогичное внутреннее значение восстанавливается для названий ягодицы второй группы, представленной лексемами: таз. *tas* ‘ягодицы’ [Erdélyi 1969: 253]; кет. *tassen* ‘ягодицы’ [Алатало 1998: 96]; кет., тур. *pel'a, taslı* ‘ягодица’; об. С *tas, tasse, tassen* ‘ягодицы’, ‘ягодица’; об. Ш *taz'i*; об. Ч *tay'i* ‘ягодицы’ [СРДС 2005: 201]. Примером использования одного из данных вариантов сомонимов может служить фразеологизм: таз. *tan olä qaim tasıt tomtal?* ‘ты что говоришь глупости? (букв. ‘ты это ягодицами говоришь?’)’. Лексема об. С *tas* используется также для обозначения копчика. Полагаем, данное явление основано на близком местоположении копчика и ягодиц. Кроме того, рассматриваемый сомоним имеет метафорическое значение ‘корма (лодки)’, основанное на аналогии местоположения зада человека и кормы лодки. От лексемы *tas* образовано наречие: об. Ч *t'os'it, t'os'it*; вас., тым. *t'osse* ‘назад’.

Третья группа лексем используется для обозначения ягодицы, паха и бедра: тым. *p'elən baž*, тур. *pel toasıllaka*, кет., тур. *pel'a* ‘ягодица’; об. Ш, вас. *päl* ‘ягодица’, ‘пах’, ‘бедро’; тым. *p'eltaba* ‘пах’; об. Ч *p'al, p'aldə* ‘бедро’ [СРДС 2005: 186]. Данная группа объединяется общим компонентом *pel-*, для которого характерно значение ‘половина’, ср.: об. Ч *päla* ‘половина’, ‘сторона’, ‘часть’; вас. *pälek* ‘половина’, ‘сторона’. Исходя из этого восстанавливаются буквальные значения составных

наименований: тым. *p'el-ən βaž* ‘ягодица (букв. ‘половина тела’)', тур. *pel toasiłaka* ‘ягодица (букв. ‘половина таза’)', тым. *p'el-taba* ‘пах (букв. ‘половина-ноги’)'.

Данные лексемы актуализируются в следующих обыденных контекстах: об. Ш *kıbajčenan möžimbıdı päl* ‘у ребенка прелые паха’; кет. *pelundı ilıyınrı tıat kınn'an qorsakka, čırēppč'it* ‘из-под ягодицы взяла одежду старенькую, потрясла’ (из ск.).

Для обозначения бедра селькупы используют и другой ряд лексем, представленный как простыми названиями: кет. *lökkaj* ‘бедро’ [Алатало 1998: 82]; об. Ч *lök, l'ok*, кет. *lökku, l'okkı* ‘бедро’, ‘таз’ [СРДС 2005: 116], так и составными: тур. *l'ogıtpar* (букв. ‘бедро-его-верх’), вас. *l'okt'e* (букв. ‘бедро-его’). Сомоним об. Ч *l'ok* встречается в обыденном контексте кет. *kβäž'ed'i l'okkıt* ‘красивые бедра’. Название бедра входит в устойчивое словосочетание вас. *lëkt'e n'an'e* ‘задом наперед (букв. ‘бедром вперед’)'.

Согласно проведенному лингвистическому анализу, в селькупском языке имеется три группы лексем, используемых для обозначения ягодицы. Анализ внутренних форм первой и второй групп сомонимов с основами кет. *metga* и об. С *tas* позволили выявить заключенную в них семантику ‘задняя часть (тела)’. При этом лексема об. С *tas* получила более широкую сферу употребления благодаря процессу метафоризации, основанной на аналогии местоположения описываемых частей объектов. Третья группа названий отражает двуполовинность обозначаемых частей тела. Сложные сомонимы данной группы заключают в себе компонент *pel-* со значением ‘половина’. Последняя группа названий используется для обозначения не только ягодицы, но также паха и бедра. Бедро, кроме того, может обозначаться сомонимом об. Ч *lök* и его диалектными вариантами. Внутренняя форма лексем *lök* затемнена.

5.2.2 Названия стопы

При исследовании названий стопы было выявлено, что авторами лингвистических словарей использовались два термина для обозначения исследуемой части тела: *ступня* и *стопа*. Согласно словарю медицинских терминов

данную часть тела следует называть ‘стопа’ [Покровский 1984: 1174]. В данной работе автор придерживается использования медицинского термина *стопа*, однако, лингвистические словарные статьи цитируются без изменений.

В селькупском языке зафиксированы следующие лексемы со значением ‘стопа (ноги)’: таз. *iltj, iltj, iltit* ‘ступня’ [Erdélyi 1969: 52]; кет. *ilžit* ‘ступня’ [Алатало 1998: 122]; об. Ч, тым. *əlžat, əlžet*, об. Ч *elžat*, тым. *elč’it*, об. С *ilč’it*, об. Ш, Ч, кет., вас. *ilž, ilžat, ilžat*, кет. *ülžit*, тым. *pönəlžit* ‘ступня (ноги)’.

Вариант названия об. Ш, Ч, кет., вас. *ilž* ‘ступня (ноги)’ при учете регулярного чередования $\check{z} \sim d$ [Dulson 1971: 41] материально совпадает с лексемой об. Ч, тым. *ild, ildə* ‘нижняя часть чего-либо’, ‘дно’. Это дает основания полагать, что в селькупском языке в название стопы интегрирована информация о местоположении данной части тела, а именно, в нижней части ноги. На основе особенности местоположения стопы, представленные сомони́мы приобрели метафорические значения ‘подножие’, ‘подошва’, ‘подметка’, ‘дно лодки’: тым. *pönəlžit šütku* ‘подошву подшить’, об. С *tab šet t’el’egint ilžip pöβitko m’ešpat* ‘она два дня подошвы для чирков делает’, таз. *čaŋal’ pemit iltitj ata* ‘только подошва его сапога видна’; об. Ч *koč’ andənnan šidən’urtəl əlžat ejadit* ‘у многих лодок двойное дно бывает’ [Erdélyi 1969: 52].

Кроме того, в южных диалектах название стопы претерпело процесс грамматикализации и перешло в категорию серийного послелого, обозначающего движение относительно нижней части объекта: Лок.: Нап. *ilyin, ilyit*; Ласк. *ilyət*; Пуд. *ilot*; Ив. *iloγot*; Ив. *iloγot, əlot*; НС *iloγən*; УО *ilyən, ilyan*; Зуб. *ilayan* – под чем-либо. Лат.: Нап., Пуд. *ilž*; Тюхт. *il’ž*; Ив. *ilont, ilont*; СтС *eloDDa*; Зуб. *ilandə*; МЯ *illint* – под что-либо. Пролат.: Нап. *ilout*; Ласк. *əlmut*; Ив. *iloβət, ilouttə*; СтС *ilomən*; УО *iloβən* – вдоль нижней части чего-либо, под чем-либо. Абл.: Нап. *ilout*; Ласк. *ilyəndo*; Ив. *ilogindo*; СтС *iloγəndi*; УО *ilyonni* – из-под чего-либо [Беккер 1995б: 184].

Некоторые из вышеперечисленных сомони́мов поддаются морфемному членению: таз. *ilt-it*; кет. *ilž-it*; об. Ч, тым. *əlž-at, əlž-et, əlž-ət*, об. Ч *elž-ət*, тым. *elč’-it*, об. С *ilč’-it*, об. Ш, Ч, кет., вас. *ilž-at, ilž-ət*, кет. *ülž-it*, ‘ступня (ноги)’. Согласно значениям составных компонентов (*ilt* ‘ступня’; *-it* – показатель генитива), для них

восстанавливается буквальное значение ‘ступня (ноги)-его’. Сложное наименование стопы тым. *pönälžit* состоит из компонентов об. С *pö* ‘обувь’ и об. Ч, тым. *ilž* ‘ступня/подошва’. Для лексемы *pönälžit* восстанавливается буквальное значение ‘обуви-ступня/подошва-его’.

Менее распространен в селькупском языке сомоним кет. *mjr* ‘ступня’ [СРДС 2005: 136]. Лексема *mjr* восходит в общесамодийской праформе: **mur ~ *mjr* ‘стопа’ – sk. (D) ТаN *mjr*, КеМ *mər*, Тša *mər*, КеМ *mör* [Janhunen 1977: 96].

Таким образом, для обозначения стопы в селькупском языке используются названия с основой *ilž* и сомоним кет. *mjr*. Анализ внутренней формы вариантов наименований стопы с основой *ilž* свидетельствует о том, что в их основу заложена информация о местоположении данной части тела. Особенность местоположения стопы послужила развитию метафорических значений у лексемы *ilž* и ее диалектных вариантов. Они стали использоваться для обозначения нижних частей объектов окружающей действительности. Кроме того, название стопы *ilž* может функционировать в качестве послелого, обозначающего движение относительно нижней части объекта. Сомоним кет. *mjr* относится к самодийскому периоду формирования.

5.2.2.1 Названия пятки

Согласно медицинским данным, пятка является задней выпуклой частью стопы. Она состоит из пяточной кости и мягких тканей. Для обозначения пятки в селькупском языке выделяются несколько групп лексем. В первую группу входят следующие варианты сомонимов: О. *moča*, N.; *mot*, МО.; *motte*, К., NP. ‘пятка’ [Castrén 1855: 219]; кет. *mottj* ‘пятка’ [Алатало 1998: 127]; об. С, вас. *mot't'a*, тым. *močča* ‘пятка’. Вторую группу представляют наименования кет. *nīčča* ‘пятка’ [Алатало 1998: 127]; кет. *ničča*, *njča*, *njčča* ‘пятка’. Третья группа лексем представлена такими названиями, как О. *lakčín*, В., Tas., Кар.; *lakčén*, Tas. [Castrén 1855: 219]; таз. *l'akčít*, *l'akčín* ‘пятка’ [Erdélyi 1969: 121]; ел. *laqč'ijt* ‘пятка’ [СРДС 2005: 113]. Последний вариант сомонимов встречается в таком обыденном

контексте, как таз. *l'akčissä qälliñiti – l'akčil ni orqilniñti* ‘он ударил ногой – кто-то схватил его за пятку’.

Диалектный вариант первой группы лексем об. С, вас. *mot't'a* материально совпадает с сомонимом *met't'a* ‘ягодица’, ‘зад’. Полагаем, что в данное название пятки интегрирована информация о местоположении данной части тела.

Вторая группа сомонимов, при учете регулярных чередований $t \sim č$ [Dulson 1971: 39], материально совпадает с начальными компонентами, таких слов как: тур. *n'ittirgo* ‘мозолить’, ‘натирать’; кет. *n'ittel' la* ‘затылочная кость’; кет. *n'ittə* ‘кремень (твердая сторона у лесины)’. Исходя из значений представленных лексем, можем предположить, что компонент *n'it-* ~ *n'ič-* использовался для обозначения твердых объектов. Полагаем, что данным названием обозначалась пяточная кость без мягких тканей.

Названия третьей группы поддаются морфологическому членению ел. *laqč'i-jt*. Для составных компонентов восстанавливается буквальное значение ‘копыто-его’, ср. ел. *laqč'i* ‘копыто’, *-jt* – притяжательный суффикс третьего лица единственного числа.

Для сомонимов первой (об. С, вас. *mot't'a*) и третьей (ел. *laqč'ijt*) групп зафиксировано также метонимическое значение ‘задник (обуви)’, основанное на пространственной смежности.

В ходе лингвистического исследования выявлено три группы названий пятки в селькупском языке. Варианты названий каждой группы имеют специфическую внутреннюю форму. Сомоним об. С, вас. *mot't'a* включает в себе информацию о местоположении пятки, лексема кет. *ničsa* используется для обозначения пяточной кости, а название ел. *laqč'ijt* основано на метафоре.

5.3 Названия костей верхних конечностей и их соединений

5.3.1 Названия ключицы

Названия ключицы в селькупском языке немногочисленны и представлены лексемами, которые можно условно разделить на две группы согласно их корневым

основам. Первая группа сомонимов состоит из односложного названия кет. *pāmet* ‘ключица’ и словосочетания кет. *pāmedij le* ‘ключица’ [Алатало 1998: 102]. Корневые основы лексем *pām-et* и *pām-edij* материально совпадают с корневой основой слова кет. *potte* ‘кочка’ при учете регулярного чередования *a ~ o* [Dulson 1971: 36]. Исходя из семантики данного слова, полагаем, что в компонент *pām-* интегрирована информация об особенности формы ключицы – выпуклая кость. Вторые компоненты названий ключицы *-et* и *-ed* являются фонетическими формами суффикса – показателя притяжательности. Компонент *-j*, входящий в структуру первой лексемы словосочетания *pāmedij le*, является суффиксом имени прилагательного. При этом, слово *le* в составе того же словосочетания представляет собой сомоним кет., ел. *lə* ‘кость’. Таким образом, названия ключицы кет. *pāmet* и кет. *pāmedij le* можно буквально интерпретировать как ‘выпуклость-его’ и ‘выпуклая кость’.

Другая группа названий ключицы представлена одним сомонимом об. С *qilənol*, который также подвергается морфемному членению – *qil-ən-ol*. Основу слова составляет компонент *qil-*. В селькупском языке данный компонент может функционировать как самостоятельное слово об., кет. *qilə*, ел. *qil'a* ‘грудь’ [СРДС 2005: 58, 105-106]. В сомоним данная лексема вошла в оформлении суффикса-показателя генитива *-ən*. Компонент *-ol* также является самостоятельным словом об., кет., вас., тым., тур. *ol* ‘голова’, ‘округлость’. Полагаем, что в составе рассматриваемого сомонима данный компонент реализуется во втором значении. Таким образом, для обозначения ключицы об. С *qilənol* восстанавливается буквальное значение ‘груди-округлость’, что также передает особенность формы описываемой части тела.

В результате проведенного исследования в селькупском языке выявлены две группы названий ключицы с разными основами. В первую группу входят названия с компонентом *pām-* (кет. *pāmet* и *pāmedij le*), вторая группа представлена сомонимом с основой *qil-* (об. С *qilənol*). Для рассматриваемых названий восстановлены буквальные значения ‘выпуклость-его’, ‘выпуклая-его кость’ и ‘груди-округлость’. Внутренняя семантика названий ключицы свидетельствует о том, что селькупы уделяют особое внимание форме данной части тела.

5.3.2 Названия лопаток

В селькупском языке для обозначения лопаток используется два названия кет. *lappattul le* ‘лопатки’ [Алатало 1998: 108] и об. Ш *šīdla* ‘лопатки’ [СРДС 2005: 297].

Сомоним кет. *lappattul le* ‘лопатки’ представляет собой составное наименование с буквальным значением ‘лопатоподобная кость’, так как ел. *lap* ‘весло’, об. С, кет., вас. *lappa* ‘лопата’; кет., ел. *la* ‘кость’. Второе название об. Ш *šīdla* ‘лопатки’ может интерпретироваться как вариант множественного числа лопаток, так как компонент *šīd-* имеет значение ‘лопатка’, а с помощью суффикса *-la* в селькупском языке образуется множественное число имен существительных.

Для компонента *šīd* значение ‘лопатка’ восстановлено на основании этимологических данных: *kūtə ‘лопатка’ – sk. der. (Pr) *šūtjkoṭj* ‘верхняя часть позвоночника с лопатками’, (D) Ту. *šūdəl lopa* ‘лопатка’ [Janhunen 1977: 80]. Название таз. *šūtjkoṭj* ‘верхняя часть позвоночника с лопатками’, ‘спина между лопатками’: таз. *panalallä šūtjkoṭōntj l’okkalteinjiti* ‘помяв шкуру, он приклеил ее на спину’) [Erdélyi 1969: 224] можно разделить на семантические составляющие *šūtj* ‘лопатки’ и кет. *kottj*, тым. *kote* ‘часть спины между лопатками’, ‘промежуток между чем-либо’.

По представлениям селькупов *šūtjkoṭj* является границей, которую нельзя пересекать. Компонент *kot ~ köt* олицетворяет связь с другим миром, символизирует переход в другое состояние [Быконя 1998: 200]. При этом первый компонент *šūtj* материально совпадает с основой глаголов тым. *šūtku, š’utku*, тур. *šūtqo* ‘сшить’. Полагаем, что в компонент *šūtj* заложена семантика ‘соединение’. Таким образом, лексема *šūtjkoṭj* обозначает границу, соединяющую реальный мир с ирреальным.

Согласно проведенному анализу, выявлено два названия лопаток кет. *lappattul le* и об. Ш *šīdla*. Для данных сомонимов восстановлены внутренние значения ‘лопатоподобная кость’ и ‘лопатки (мн.ч.)’. Название об. Ш *šīdla* восходит к общесамодийской праформе. Анализ производных слов от данного сомонима позволил выявить, что в селькупской культуре часть спины в области лопаток имеет особый сакральный смысл и считается местом соединения реального и ирреального миров.

5.3.3 Названия плечевой кости

В селькупском языке для обозначения плечевой кости используются словосочетания, которые условно можно разделить на две группы согласно их основам: 1) кет. *qβoqi l̥i, kβoŋi l̥i*; об. Ч *qβatparəl l̥i* ‘плечевая кость’; 2) об. Ш *od̥itpar̥it l̥i* ‘плечевая кость’ [СРДС 2005: 165].

В сомонимах первой группы кет. *qβoqi l̥i, kβoŋi l̥i*; об. Ч *qβatparəl l̥i* ‘плечевая кость’ первый компонент представлен лексемой об. Ш *kβat*’, кет. *kβet’e, kβatt̥i* ‘плечо’, ‘сустав’. Второй компонент *l̥i* представляет собой название кости, ср. кет. *le, l̥i* ‘кость’. В названии об. Ч *qβatparəl l̥i* компонент *par* имеет значение верх, ср. об., вас. *par* ‘верх’, а элемент *-əl* является суффиксом прилагательного. Таким образом, для рассматриваемых названий восстанавливаются буквальные значения ‘плеча кость’ и ‘плеча-верхняя кость’.

Название плечевой кости второй группы об. Ш *od̥itpar̥it l̥i* образовано от слова об., тым. *od* ‘рука’. Буквальное значение данного сомони́ма – ‘руки-его-верх-его кость’, где *-it* – суффикс – показатель притяжательности.

Таким образом, в ходе лингвистического исследования названий плечевой кости в селькупском языке выявлены две группы сомонимов с разными основами, для которых восстановлены буквальные значения ‘плеча кость’, ‘плеча-верхняя кость’ и ‘руки-его-верх-его кость’.

5.3.4 Названия локтевого сустава

Для обозначения локтевого сустава в селькупском языке используются лексемы, которые условно можно разделить на три группы согласно их основам: 1) О. *heŋžat*, N.; *seŋžet*, MO.; *syŋžät*, B., Tas.; *syŋžet*, Jel.; *syŋdel* ‘локоть’ [Castrén 1855: 214]; тур. *isenžet*, тым. *inžet*, об. С *sinžet*, об. Ш *sənžej*, об. Ч *χinž, χəŋže*, ел. *linditə* ‘локоть’ [СРДС 2005: 31]; 2) О. Кар., Tas.; *surget* ‘локоть’ [Castrén 1855: 214]; кет. *surg’et* ‘локоть’ [Алатало 1998: 108]; 3) кет. *kolan, kollan* ‘локоть’ [СРДС 2005: 46].

В первой группе лексем можно выделить единую основу *inž*: *is-enž-et*, *inž-et*, *s-inž-et*, *s-enž-ej*, *χ-inž*, *χ-enž-e*. В елогуйском говоре данная основа представлена диалектным вариантом *ind* – *l-ind-itə*. Для компонента *inž* восстанавливается внутреннее значение ‘дугообразный’ (см. раздел «Названия брови, ресницы, века»). Полагаем, что использование основы *inž* с внутренним значением ‘дугообразный’ для обозначения локтя связано со способностью рассматриваемой части тела принимать такую форму. Начальный элемент *(i)s-* и его диалектный вариант *χ-* [Dulson 1971: 40] является префиксом, функция которого заключается в сохранении начального гласного основы от выпадения. Аналогичную функцию выполняет *l-* в диалектном варианте *linditə*. Отличия начальных элементов объясняются характерными особенностями северного и южного диалектов. Конечный компонент *-et* лексем тур. *isenžet*, тым. *inžet*, об. С *sinžet* представляет собой суффикс принадлежности третьего лица единственного числа. Таким образом, варианты сомонимов с основой *inžet* можно буквально интерпретировать как ‘локоть-его’.

Основа *surg-* второй группы названий локтевого сустава материально совпадает с начальными компонентами таких слов, как кет. *suryal'igu*, об. С *surqbatku*, *sorkβātku* ‘сморщиться’, *sōrka* ‘сборка (на платье)’, *sorkalžaku* ‘сборить (платье)’, об. Ш *šorgbatku* ‘сгорбиться’, *šorgbatpugu* ‘горбиться’, вас. *šorgolbugu* ‘морщиться’, об. Ч *šorgu* ‘сжежиться’, ‘сгорбиться’. В представленном ряду слов прослеживаются следующие регулярные чередования: *s ~ š*, *u ~ o ~ ō*, *g ~ γ ~ g ~ k* [Dulson 1971: 35-43]. Для представленных лексем восстанавливается обобщенное значение ‘сгибаться’. Полагаем, что компонент *surg* имеет внутреннюю семантику ‘способный сгибаться’. Такая способность присуща локтевому суставу, в силу чего для его обозначения стали использовать названия с основой *surg*.

Названия локтя с основой *kol-* материально совпадают с названиями крыла тур. *kola*, ел. *koll'a* ‘крыло’. Полагаем, что изначально это было одно название *kola*, обозначающее часть тела, расположенную сбоку, так как в производных словах с компонентом *kol-* прослеживается наличие имплицитного значения ‘сбоку’, ‘вкось’, ср.: об. Ш *kolž'isaj* ‘косоглазый’, вас. *kolže* ‘криво’, ‘косо’, *kolže manambaku* ‘скосить глаза’, тур. *kollältiqo* ‘обойти стороной’. Позднее сомоним, относящийся к части тела

человека приобрел суффикс *-n*. Суффикс идентифицирует лексему как термин, относящийся к определенной тематической группе, в данном случае, к соматической [Сатеева 2006: 15]. От сомонима кет. *kolan*, *kollan* ‘локоть’ образовано названия части одежды об. С *kolal*, *kollal*, об. Ш *qolalž* ‘рукав’, а также глагол, который описывает движение, связанное с рукой кет. *kolalgu*, *kollalgu* ‘взять под руку’.

В результате лингвистического анализа в селькупском языке выявлено три группы номинаций локтевого сустава с разными основами. Каждая группа лексем передает определенную характеристику рассматриваемой части тела – способность принимать дугообразную форму (тур. *isenžet*), способность сгибаться (кет. *surg'et*), боковое местоположение (кет. *kolan*). Последняя группа сомонимов выступает центром небольшого словообразовательного гнезда.

5.4 Названия костей нижних конечностей и их соединений

5.4.1 Названия бедренной кости

В словарях селькупского языка зафиксировано одно название бедренной кости – об. Ч *lökäl lĭ* [СРДС 2005: 118]. Оно представляет собой словосочетание, которое состоит из прилагательного *lökäl* ‘бедренный’, образованного от сомонима об. Ч *lök* ‘бедро’ с помощью добавления к его основе суффикса прилагательного *-äl*, и остеонима *lĭ* ‘кость’. Таким образом, значение, зафиксированное для словосочетания об. Ч *lökäl lĭ* в словарях, полностью совпадает с семантикой его составных компонентов.

5.4.2 Названия коленного сустава

В медицинской терминологии коленным суставом называется сустав, соединяющий бедренную кость, большеберцовую кость и надколенник. В словарях селькупского языка для обозначения данного сустава используют название ‘колено’.

В селькупском языке зафиксированы следующие названия коленного сустава: О. *pule*, В., Тас.; *pulhai*, N.; *pulsai*, K.; *pulsei*, Тsch., ОО.; *pula saiji*, NP.; *pulsai*, Кар. ‘колено’ [Castrén 1855: 241]; таз. *pulj* ‘колено’ [Erdélyi 1969: 195]; кет. *pūļissajji* ‘колено’ [Алатало 1998: 103]; об. Ш *pulsaj*, об. Ч *pulχaj* ‘колено’ [СРДС 2005: 197].

Компонент *pul-* восходит к уральской праформе **polwe* ‘колено’ – selk. ТаU *pūle*, КеМ ТуМ *pūlsej*, Tur. *pūļi* [Rédei 1987: 393]. Вторым компонентом сложных наименований колена N. *pulhai*, K. *pulsai*, Тsch., ОО. *pulsei*, NP. *pula saiji*, Кар. *pulsai*, кет. *pūļissajji*, об. Ш *pulsaj*, об. Ч *pulχaj* является лексема *saj* ‘глаз’. Для сложного наименования *pulsaj* и его диалектных вариантов восстанавливается буквальное значение ‘колено-глаз’. Полагаем, что в данных сомонимах компонент *saj* реализуется в коннотативном значении ‘округлость’, описывающем форму части тела.

В результате проведенного анализа названий колена в селькупском языке, выявлена их внутренняя семантика, заключающая информацию о форме исследуемой части тела (округлая). От названий колена образованы названия его составной части – надколенника.

5.4.2.1 Названия надколенника

Согласно медицинской терминологии рассматриваемую часть тела следует обозначать термином «надколенник», однако в лингвистических словарях данная часть тела обозначается разговорным вариантом «коленная чашечка». В словарях селькупского языка зафиксированы два сомонима, имеющие значения ‘коленная чашечка’: об. С *pulsejn pare lj*; об. Ч *pulχajt kala* [СРДС 2005: 197].

Для составного наименования об. С *pulsejn pare lj* ‘коленная чашечка’ восстанавливается буквальное значение ‘колена верхняя кость’, ср.: об. Ш *pulsaj* ‘колено’; *-en* – суффикс генитива; об. С *pare* ‘верхний’; об., кет., вас., тым *lj* ‘кость’). В данное название интегрирована информация об особенности местоположения рассматриваемой части тела.

Другое составное наименование об. Ч *pulχajt kala* ‘коленная чашечка’ имеет буквальное значение ‘колена-его чашка’, ср.: об. Ч, вас. *pulχaj* ‘колени’; *-(e)t* – показатель притяжательности третьего лица единственного числа; об. Ш, Ч, вас., тым. *kala* ‘чашка’, ‘миска’). Полагаем, что данный вариант номинации коленной чашечки сформировался в более поздний период и представляет собой метафорическое обозначение, основанное на внешнем сходстве миски, чашки и коленной чашечки.

В «Селькупско-русском диалектном словаре» также зафиксировано название ел. *qungel'nə lē* ‘коленная кость’ [СРДС 2005: 99]. Полагаем, что данное словосочетание является еще одним обозначением коленной чашечки. Основа первого составного компонента *qungel'nə* совпадает по форме с глаголом об. Ч *qungu* ‘пойти’, ‘сбегать’. Исходя из этого, считаем, что словосочетание можно буквально интерпретировать как ‘кость для ходьбы’.

Согласно проведенному лингвистическому анализу выявлено три названия коленной чашечки в селькупском языке: об. С *pulsejn pare lǰ*; об. Ч *pulχajt kala*; ел. *qungel'nə lē*. Для данных сомонимов восстановлены буквальные значения: ‘колена верхняя кость’, ‘колена-его чашка’, ‘кость для ходьбы’. Таким образом, названия коленной чашечки в селькупском языке несут информацию о местоположении данной кости, ее форме и функции с точки зрения селькупов.

5.4.3 Названия берцовой кости

В селькупском языке используются два названия для обозначения берцовой кости: об. Ч *tobat qβačel lǰ* и кет. *p̄indoyal' le* [СРДС 2005: 240, 200]. Первый вариант названия берцовой кости можно буквально интерпретировать как ‘ноги суставная кость’, так как компонент *tobat* представляет собой притяжательную форму названия ноги, ср.: об., вас., тым. *tob* ‘нога’; *-at* – суффикс-показатель притяжательности. Компонент *qβačel* является прилагательным, образованным от сомонима об. Ч *qβeč'* ‘сустав’ с помощью добавления к его основе суффикса имени прилагательного *-l*.

В названии кет. *p̄indoɣəl' le* внутренняя форма первого компонента затемнена. Компонент *le* является диалектным вариантом названия кости об., кет., вас., тым *l̄j*. Таким образом, селькупское название берцовой кости об. Ч *tobət qbačel l̄j* включает в себе информацию о местоположении данной кости. Название кет. *p̄indoɣəl' le* является вариантом названия кости.

5.4.4 Названия лодыжки

В словарях селькупского языка зафиксировано следующее название лодыжки: кет. *n̄iččal le* ‘лодыжка’ [Алатало 1998: 108]; кет. *n̄iččal' lə* ‘лодыжка’ [СРДС 2005: 150]. Данный остеоним образован от названия пятки, ср.: кет. *n̄ičča, n̄iča, n̄ičča* ‘пятка’, с помощью добавления к его основе суффикса прилагательного *-l*. Таким образом, буквальным значением словосочетания является ‘пятки кость’. Анализ внутреннего значения названия лодыжки свидетельствует о том, что данный сомоним включает в себе информацию о местоположении рассматриваемой части тела.

Выводы по пятой главе

1. Тематическая группа «названия области верхних и нижних конечностей» включает в себя **49** наименований, представленных рядом диалектных вариантов, количество которых на синхронном уровне составляет **117** единицы.

2. В рассматриваемой тематической группе выявлены лексемы, сформированные в разные исторические периоды:

- уральский: кет. *p'iiŋga* ‘ладонь’; об., вас., тым. *top* ‘нога’; тым. *inžet* ‘локоть’; таз. *pul̄j* ‘колени’;

- общесамодийский: об., тым. *od* ‘рука’; об., вас., тым. *mun* ‘палец’; об. III *kad* ‘ноготь’; об. III *š̄idla* ‘лопатки’; кет. *m̄jr* ‘ступня’.

Ряд сомонимов восходит к периоду существования селькупского как отдельного языка, так как данные названия частей тела не имеют аналогов в

родственных языках и отражают культурную специфику селькупского этноса: кет. *surg'et* 'локоть'; кет. *met't'a* 'ягодица'; об. С *tas* 'ягодица'; об. Ш, вас. *päl* 'ягодица', 'пах', 'бедро'; об. Ч *lök* 'бедро', 'таз'; об. Ш, Ч, кет., вас. *ilž* 'ступня (ноги)'; кет. *ničča* 'пятка'.

3. Сомонимы рассматриваемой тематической группы представлены простыми словами: об., тым. *od* 'рука'; об., вас., тым. *mun* 'палец'; об. Ш *kad* 'ноготь'; об., вас., тым. *top* 'нога'; об. Ш *taz'i* 'ягодицы' и др.

Селькупские сомонимы приобретают притяжательную форму: вас. *l'ok-t'e* (букв. 'бедро-его'); тур. *isenž-et* 'локоть' (букв. локоть-его); об. Ч, тым. *älž-at* 'ступня (ноги)-его'.

Наиболее многочисленны названия, представленные сложными словами. Данные сомонимы образованы с помощью разных типов словосложения:

- синтаксического: об. Ч *kor-mun* 'средний палец (букв. 'бык-палец')'; об. Ч *od-ol* 'рука (букв. 'рука-голова')'; тым. *p'el-tabä* 'пах (букв. 'половина-ноги')'; об. Ч *qal'in-mun* 'мизинец (букв. 'последний-палец')'; О. *kanal-mun* 'указательный палец (букв. 'собачий-палец')';

- морфологического: тур. *top-in-oli* 'стопа (букв. 'ноги-голова')'; тур. *l'og-it-par* 'бедро (букв. 'бедро-его-верх')'.

В сомонимах, представляющих собой словосочетания, первые составные компоненты могут быть выражены разными частями речи:

- первый компонент выражен именем существительным в притяжательной форме: об. Ш *od-it šē* 'рука (букв. 'рука-его язык')'; об. Ч *tob-it qbež'* 'голень ноги (букв. 'нога-его дуга')'; об. Ч *pulχaj-t kala* коленная чашечка (букв. колено-его чашка);

- первый компонент представлен именем существительным в форме генитива: вас. *ut-onnə še* 'ладонь (букв. 'руки язык')'; об. Ш *tob-in önžäl* 'голень ноги (букв. 'ноги дуга')'; кет. *tob-in mīr* 'голень ноги (букв. 'ноги стопа')';

- первый компонент выражен именем прилагательным: кет. *qboq-i li* 'плечевая кость' (букв. 'плечевая кость'); об. Ч *lök-äl li* 'бедренная кость' (букв. 'бедренная кость').

4. Односложные сомонимы обладают значительным словообразовательным потенциалом. От них образованы слова, относящиеся к различным частям речи:

имена существительные:

- в сфере соматической лексики: тур. *topın-olj* 'стопа' (букв. 'букв. ноги-голова');

- в наименованиях предметов окружающей действительности: об. С *utse mēmbədīmā* 'рукоделие'; кет. *ut't'erga* 'полотенце'; тым. *toban ug* 'носок обуви (букв. 'ноги передний край')';

имена прилагательные: тым. *odogādjl* 'безрукий' (букв. 'рука-без', ср. об., тым. *od* 'рука'); об. Ч, вас. *tobəgəda* 'безногий';

глаголы: об. Ч *tobalžugu* 'обуть на ноги';

наречия: об. Ч *t'os'it* 'назад' (об. С *tas* 'ягодицы').

послелог: Нап. *ilyjn, ilyjt* 'под чем-либо' (об. Ш, Ч, кет., вас. *ilž* 'ступня').

Односложные сомонимы выявлены в составе словосочетаний: об. Ш *tobjn ilžat* 'стопа' (букв. 'ноги подошва'); об. Ш *tobjn önžal* 'голень ноги' (букв. 'ноги дуга').

Сомонимы тематической группы «названия области верхних и нижних конечностей» входят в состав:

- устойчивых словосочетаний: об. Ч *odol qatelēšpugu* 'аплодировать (букв. 'рукой бить')'; кет. *tobjnoli pal'd'ugu* 'ходить на цыпочках'; таз. *tan olä qaim tasjt tomtal?* 'ты что говоришь глупости? (букв. 'ты это ягодицами говоришь?')';

- поговорок: кет. *m'igu kol'd'an uttalaze, inžal ipqalble* 'отдашь руками, не выходишь ногами (букв. 'отдать в долг руками, возьмешь, придавив')'.

5. Сомонимы рассматриваемой тематической группы используются для обозначения частей тела животных: об., тым. *od* 'рука', 'лапа', 'передняя нога (животного)'; об., вас., тым. *top* 'нога', 'лапа зверя'.

Одни и те же лексеммы используются представителями селькупского этноса для обозначения нескольких частей тела. Данное явление основано на метафоре, образованной согласно нескольким факторам:

- смежности местоположения: об. Ш, вас. *pāl* ‘ягодица’, ‘пах’, ‘бедро’; об. Ч *lök* ‘бедро’, ‘таз’;

- аналогии форм: таз. *še* ‘ладонь’ < об. Ш, Ч, вас., тым. *šē* ‘язык’.

Метафора, основанная на аналогии местоположения описываемых частей, лежит в основе использования сомонимов для обозначения частей объектов окружающей действительности: об. С *stolon top* ‘ножка стола’; таз. *pōt tōpi* ‘ствол дерева’; об. С *tas, tasse, tassen* ‘ягодицы’, ‘ягодица’, ‘корма (лодки)’; об. Ш, Ч, кет., вас. *ilž* ‘ступня (ноги)’, ‘подножие’, ‘подошва’, ‘подметка’, ‘дно лодки’; об. С, вас. *mot't'a*, ел. *laqč'ijt* ‘пятка’, ‘задник (обуви)’.

Большая часть сомонимов тематической группы «названия области верхних и нижних конечностей» представляет собой атрибутивные словосочетания. Каждое такое название описывает определенные особенности той или иной части тела. Данные сомонимы можно представить в виде следующей классификации:

- атрибутивные словосочетания, основанные на метафоре, которые передают информацию о внешнем сходстве описываемых объектов – об. Ш *odit šē* ‘ладонь’ (букв. ‘руки язык’); кет. *lappattul le* ‘лопатки’ (букв. ‘лопатоподобная кость’);

- атрибутивные словосочетания, основанные на метафоре, которые передают информацию о смежности местоположения описываемых объектов: тур. *topinoli* ‘стопа’ (букв. ‘ноги-голова’); об. Ш *tobin ilžat* ‘стопа’ (букв. ‘ноги подошва’); об. Ч *lökäl li* ‘бедренная кость’; об. Ч *pulχajt kala* ‘коленная чашечка’ (букв. ‘колена-его чашка’); об. Ч *qbatparäl li* ‘плечевая кость’ (букв. ‘плеча-верхняя кость’);

- атрибутивные словосочетания, основанные на метафоре, которые передают информацию, как о внешнем сходстве, так и смежности местоположения описываемых объектов метафора: об. Ш *tobin önžal* ‘голень ноги’ (букв. ‘ноги дуга’); об. Ч *tobit qbež* ‘голень ноги’ (букв. ‘нога-его дуга’);

- атрибутивные словосочетания, отражающие функции частей тела: об. Ш *adälžambäl mun* ‘указательный палец’;

- атрибутивные словосочетания, отражающие размер частей тела: об. С *βaryə mun* ‘большой палец’; об. Ч *kɨba mun* ‘мизинец (букв. ‘маленький палец’)’;

- атрибутивные словосочетания, отражающие местоположение частей тела: об. Ш *sajg 'i mun* ‘средний палец’;

- атрибутивные словосочетания, отражающие форму частей тела: кет. *pāmedij le* ‘ключица’ (букв. ‘выпуклая кость’);

- атрибутивные словосочетания, отражающие отсутствие мотивов номинации: кет. *n'imgidi mūnɨ* ‘безымянный палец’.

Кроме того, среди сомонимов рассматриваемой тематической группы имеются сложные наименования, свидетельствующие, что они являются составной частью другой части тела: тур. *kışutit* ‘кисть руки’ ‘часть-руки-его’; тым. *p'el-ən baž* ‘ягодица (букв. ‘половина тела’)', тур. *pel toasılaka* ‘ягодица (букв. ‘половина таза’)', тым. *p'el-taba* ‘пах (букв. ‘половина-ноги’)'.

Выявлен единичный случай, когда одна и та же лексема имеет разные значения и относится к разным частям речи в зависимости от диалекта: тур. *topinolı* ‘стопа’ – кет. *topinolı* ‘на цыпочках’.

6. В селькупской культуре некоторые конечности и их части, а также части опорно-двигательной системы данных областей имеют определенные культурологические и сакральные смыслы. В результате проведенного лингвокультурологического анализа выявлено, что в селькупской культуре части тела человека обладают разной степенью значимости, которую можно условно разделить на три уровня:

1) части тела, названия которых обладают высшей степенью культурной детерминированности: большой палец руки. По представлениям селькупов данная часть тела является местом обитания души человека и, нарушив его целостность, человек теряет одну из важнейших душ;

2) части тела, названия которых имеют высокую степень выраженности культурной детерминированности: рука, ладонь, указательный палец, средний палец, безымянный палец, мизинец, ноготь, лопатка. Данные части тела

выступают в роли каналов связи или, наоборот, служат границей между реальным и ирреальным мирами;

3) части тела, названия которых обладают наименьшей степенью культурной детерминированности: нога, ягодица, пах, бедро, стопа, пятка, ключица, плечевая кость, локтевой сустав, бедренная кость, коленный сустав, надколенник, берцовая кость, лодыжка. Представители селькупского этноса рассматривают такие части тела только с точки зрения их анатомических характеристик и функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование соматической лексики селькупского языка позволяет сделать следующие выводы в соответствии с поставленными целью и задачами:

1. Лексико-семантическая группа названий частей тела представлена **160** сомонимами. Общее количество рассмотренных диалектных вариантов составляет **690** единиц. Соматическая лексика подразделяется на 4 тематических группы: «названия, относящиеся к телу в целом» (15 названий, 86 диалектных вариантов), «названия области головы» (55 названия, 311 диалектных вариантов), «названия области шеи и туловища» (41 название, 176 диалектных вариантов), «названия области верхних и нижних конечностей» (49 названий, 117 диалектных вариантов).

2. Основная часть соматической лексики селькупского языка представляет собой исконную лексику. Большая часть сомонимов селькупского языка восходит к уральскому периоду формирования (33 названия): об. Ш, С *kob* ‘кожа’; об., вас., тым. *opt*, кет. *tujja* ‘волос’. 20 названий частей тела принадлежат к самодийскому периоду формирования, например: кет. *kəm* ‘кровь’; об. Ш *k’at* ‘кишка’; об., тым. *od* ‘рука’.

Среди селькупских сомонимов выявлено одно название, заимствованное из других самодийских языков: кет. *m’enn’i* ‘подбородок’, ‘губы’ [Janhunen 1977: 95]. 27 сомонимов не имеют связи с корнями, несущими аналогичное значение в других языках, и относятся к селькупскому периоду формирования, например: об. Ч *qaž* ‘волос’; об., вас. *par* ‘макушка’; об. Ш *čorok* ‘матка’.

3. Согласно морфосинтаксическому анализу, названия частей тела человека в селькупском языке представлены простыми, сложными словами, а также словосочетаниями.

Большое количество сомонимов селькупского языка являются простыми (непроизводными) словами (63 названия): об. Ш, Ч, кет., тым. *āk* ‘рот’; тур. *s’asə* ‘слюна’; об. Ш *köβ* ‘мозг’ и др.

Сомонимы селькупского языка оформляются притяжательным суффиксом: об. Ч, тым., тур. *pōri-ti* ‘темя’ (букв. ‘верх-его’); тур. *sūk-t* ‘затылок’ (букв. ‘затылок-его’); тым. *βan-ti* ‘лицо’ (букв. ‘лицо-его’); об. Ч, тым., тур. *poar-īm* ‘темя’ (букв.

‘верх-мой’). Они выражают неотчуждаемую принадлежность. Части тела рассматриваются в селькупской культуре как абсолютные врожденные или естественные части, без которых нормальное функционирование организма невозможно.

Сомонимы селькупского языка могут образовываться при помощи суффиксов, но эти случаи крайне редки. Такие сомонимы представляют собой:

- имена прилагательные, перешедшие в категорию существительных с помощью субстантивирующих суффиксов: ел. *lajmĭ* ‘скелет’ > ел. *laj* ‘костлявый’, - *mĭ* – словообразовательный суффикс существительного;

- имя существительное, образованное с помощью суффикса *-n* – кет. *kolan*, *kollan* ‘локоть’;

- имя существительное во множественном числе, образованное с помощью суффикса *-la/ -dä* – об. Ш *šĭdla* ‘лопатки’ (мн.ч. от слова *šĭd* ‘лопатка’); об. Ч *lĭdä* ‘скулы’ (мн.ч. от слова об. Ч *lĭ* ‘кости’).

Селькупские сомонимы могут переходить в разряд другой части речи без изменения формы: ел. *indel* ‘нос’ – тур. *indel* ‘носатый’ (суффикс *-el* показатель имени прилагательного).

Некоторые названия частей тела представлены сложными словами с сочинительным типом связи основ, в которых первый компонент выражен:

- именем существительным (20 названий): об. Ш *ol-tar* ‘волос’ (букв. ‘голова-шерсть’); об. С *qöd-ol* ‘бок’, ‘ребро’ (букв. ‘бок/ребро-голова’); об. Ш *saj-tar* ‘ресница (букв. ‘глаз-волос’);

- именем прилагательным (5 названий): об. Ч *qal'in-mun* ‘мизинец (букв. ‘последний-палец’); О. *kanal-mun* ‘указательный палец (букв. ‘собачий-палец’); *nomal-mun* ‘указательный палец (букв. ‘заячий-палец’).

Кроме компонента-сомонима в структуру таких названий в качестве второго компонента входит любая другая часть речи: об. Ш *āktōp*; об. С *āņtop* ‘губа’ < *ak ~ an* ‘рот’-*top* ‘край’, об. Ч *ānug* ‘губа’ < *an* ‘рот’-*ug* ‘передняя часть’; об. Ш *ol'go* ‘слюна’, ‘слеза’ < *ol* ‘голова’-*go* ‘выделение’, при этом, компонент-сомоним занимает начальную позицию. В некоторых названиях оба компонента являются

сомонимами, ср. об. Ш *šidimīd* ‘печень’ < *šidī* ‘сердце’-*mīd* ‘печень’; тур. *oglı* ‘рот’ < *og (ok)* ‘рот’-*lı* ‘кость’.

В селькупском языке некоторые сомони́мы являются сложными словами с подчинительным типом связи основ. В таких словах первый компонент представлен именем существительным:

- в притяжательной форме третьего лица единственного числа, которая выражена суффиксом *-(i/j)t* (11 названий): об. Ш *ōl-īt-par* ‘макушка’, ‘темя’ (букв. ‘голова-его-верх’); об. Ч, вас., тым. *χaj-t-ni* ‘ресница’, ‘бровь’, ‘веко’ (букв. ‘глаз-его-бровь’); об. Ш *puđ’-it-sajg* ‘переносица (букв. ‘нос-его-середина’); вас., тым. *qoβ-ət-par* ‘плечо (букв. ‘тело-его-верх’);

- в форме генитива (7 названий): об. С *ol-ən-par* ‘макушка’, ‘темя’ (букв. ‘головы верх’); кет. *ol-an-qil* ‘головной мозг (букв. ‘головы мозг’); об. С *qil-ən-ol* ‘ключица’; кет. *kil-en-ol* ‘грудь’ (букв. ‘груди-голова’); тур. *top-ın-olı* ‘стопа (букв. ‘ноги-голова’).

Кроме того, соматическая лексика селькупского языка может быть представлена словосочетаниями с первым компонентом, выраженным:

- именем существительным (21 название): об. Ч *tob-īt qβεž* ‘голень ноги’ (букв. ‘нога-его дуга’); об. Ч *χaj-t pō* ‘глазное яблоко’ (букв. ‘глаз-его камень’); ел. *saj-n ōnžil*, *saj-n ünditā* ‘бровь’, ‘ресница’ (букв. ‘глаза дуга’); об. Ш *saj-n kaj* ‘слезная жидкость’ (букв. ‘глаза слеза’);

- именем прилагательным (27 названий): об. Ч *inneqal χajt ni* ‘верхнее веко’ (букв. ‘верхнее веко’); об. Ч *ill’eqal χajt ni* ‘нижнее веко’ (букв. ‘нижнее веко’); вас. *toqqoqal qōβətā* ‘спинной мозг (букв. ‘спинной мозг’); об. Ш, Ч *küžal koža* ‘мочевой пузырь’ (букв. ‘мочевой пузырь’); об. Ч *čib’eqal q’ad* ‘заднепроходной канал’ (букв. ‘проходная кишка’).

4. Односложные сомони́мы обладают значительным словообразовательным потенциалом. От них образованы слова, относящиеся к различным частям речи – сложные существительные, прилагательные, наречия, глаголы, послелого, которые могут иметь значения, не связанные с анатомией человека: об. Ч *pörlol* ‘картофель’ (букв. ‘круглая-голова’); вас. *tarəl* ‘меховой’, ‘шерстяной’ (ср. кет. *tar* ‘волос’); об.

Ш, Ч *ugot* ‘раньше’, ‘сначала’, ‘впереди’ (ср. об. Ш, кет., вас. *ug* ‘нос’); об. С *sösugu* ‘плюнуть’ (ср. тур. *s’asə* ‘слюна’); УО *parin, pariyan* ‘на чем-либо’, ‘над чем-либо’ (об., вас. *par* ‘темя’).

5. Характерной чертой соматической лексики селькупского языка является наличие нескольких названий для одной части тела: *nanžə, nāžə, perqj, pūtj* и *sün’d* ‘живот’. Каждое из названий обладает специфическим коннотативным значением, в силу чего имеет определенную сферу применения. Одно название может существовать в нескольких вариантах, которые основаны на звуковых соответствиях: об. С *kap, qar*; об. Ч *kaβ*; об. Ш *qao* ‘тело’. Диалектные варианты имеют различия в силу фонетических особенностей говоров. Их ряды восстанавливаются на основе регулярных чередований звуков [Dulson 1971: 35–43].

Многие слова используются как для обозначения частей тела человека, так и для наименования частей тела животных: об. С *kap* ‘тело (человека)’, ‘туша (животного)’; кет. *pergel* ‘живот (человека)’, ‘брюхо (рыбы)’; об. Ш *kad* ‘ноготь (человека)’, ‘коготь’.

Простые названия частей тела в селькупском языке, как правило, являются основой для возникновения переносных значений, которые охватывают сферу животного и растительного мира, хозяйственно-бытовую и традиционную деятельность селькупов. Переносные значения образуются в результате, как метафорического, так и метонимического переноса. Метафорические отношения между значениями полисемантических сомонимов основаны, как правило, на сходстве по форме (внешнем сходстве), местоположению, функции части тела и какого-либо другого объекта действительности: кет. *saj* ‘глаз’, ‘петля (сети)’, ‘луч’; об. С *sej* ‘глаз’, ‘ячейка (сети)’, ‘зерно’; об. С, Ч, ел. *ūk* ‘передний конец’, ‘край’, ‘острие’, ‘нос’, ‘нос (лодки)’, ‘мыс’; об. С *tasse* ‘ягодица’, ‘корма лодки’; об. *pers* ‘грудь’, ‘молоко’. Метонимические отношения, основанные на вещественной и пространственной смежности: об., вас., тым. *opt, optə* ‘волос’, ‘петля’, ‘силос’; об., вас. *par* ‘темя’, ‘верх’, ‘крыша’, ‘вершина’; об. С *mot’tja* ‘пятка’, ‘задник обуви’.

Селькупские сомонимы встречаются в словосочетаниях, устойчивых выражениях и поговорках: таз. (*mandž’emu*) *oloyin tobjnddž’en* ‘(оглядеть) с головы до

ног (т.е. целиком)»; кет. *nanžəze ēgu* ‘быть беременной (букв. ‘с животом быть’)»; кет. *m'igu kol'd'an uttalaze, inžal ipqəlble* ‘отдашь руками, не выходишь ногами (букв. отдать в долг руками, возьмешь, придавив)’.

6. Многие части тела человека наделяются представителями селькупского этноса особыми магическими свойствами.

По представлениям селькупов, большая часть органов, и особенно жизненно важные органы, обладают душой или являются местом ее обитания (27): тело человека в целом, кровь, пот, кость, скелет, голова, темя, лоб, глазное яблоко, зрачок, нос, язык, мозг, слюнная жидкость, глотка, грудная клетка, грудное молоко, сердце, легкие, живот, кишечник, печень, пуп, мужские и женские репродуктивные органы, моча, большой палец руки. Селькупы полагают, что, лишившись данных частей тела или нарушив их целостность, человек умирает. Названия таких частей тела обладают высшей степенью культурной детерминированности.

Следующие части тела обладают меньшей степенью сакрализации и рассматриваются представителями селькупского этноса как каналы связи между реальным и ирреальным мирами или, напротив, границами между данными мирами, показателями наличия или отсутствия жизненных сил в человеке и другими символами духовной культуры селькупов (24): кожа, жир, кровеносные сосуды, волос, лицо, глаз, щека, ухо, рот, зуб, усы, борода, слезная жидкость, шея, пуповина, кал, рука, ладонь, указательный палец, средний палец, безымянный палец, мизинец, ноготь, лопатка. В названиях частей тела данной группы присутствует высокая степень культурной детерминированности.

Проведенный анализ фольклорных и бытовых текстов селькупского языка, свидетельствует о том, что некоторые части тела имеют значимость только с точки зрения их анатомических характеристик и функций (32): хрящ, мышцы, сухожилие, затылок, бровь, ресница, веко, губы, подбородок, череп, затылочная кость, челюсть, скула, носовая слизь, шея, выступ гортани, пуповина, кал, нога, ягодица, пах, бедро, стопа, пятка, ключица, плечевая кость, локтевой сустав, бедренная кость, коленный сустав, надколенник, берцовая кость, лодыжка. Названия данных частей тела обладают наименьшей степенью культурной детерминированности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алатало, Я. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский / Я. Алатало. – Хельсинки, 1998. – 149 с.
2. Алдиева, М. Ш. Соматическая лексика чеченского языка в сопоставлении с английской : дис. ... канд. филол. наук / М. Ш. Алдиева. – Грозный, 2009. – 144 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Academia, 2002. – 392 с.
4. Алиева, Т. М. Полисемантизм соматической лексики в разносистемных языках (на материале единиц «рот» и «глаз» лезгинского, азербайджанского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Алиева. – Махачкала, 2010. – 17 с.
5. Антропова, В. В. Представления коряков о рождении, болезни и смерти / В. В. Антропова // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Ленинград, 1976. – С. 254–268.
6. Апресян, В. Ю. Образ человека по данным языка: попытки системного описания / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – № 2. – Москва: Наука, 1995. – С. 57–59.
7. Ардаширова, Р. Б. Сопоставительный анализ фразеологических единиц репрезентации концепта «сердце/йорек» в русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Р. Б. Ардаширова. – Казань, 2011. – 17 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н. Д. Арутюнова // Филологические исследования. – Москва: Наука, 1990. – С. 71–88.
9. Арутюнова, Н. Д. О минимальной единице грамматической системы / Н. Д. Арутюнова // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – Москва: Наука, 1969. – С. 41.
10. Байдак, А. В. Лингвокультурная репрезентация селькупской диады «жизнь – смерть»: дис. ... д. филол. наук. – Томск, 2011. – 352 с.
11. Байдак, А. В. Представления селькупов о происхождении жизни по

данным мифологии и языка / А. В. Байдак // Известия Томского политехнического университета. – Том 316. – № 6: Экономика. Философия, социология и культурология. – Томск: Издательство ТПУ, 2010. – С. 224–227.

12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.

13. Бармич, М. Я., Вэлло, И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект) / М. Я. Бармич, И. А. Вэлло. – Санкт-Петербург: Просвещение, 2002. – 288 с.

14. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.

15. Беккер, Э. Г. Категория падежа в селькупском языке / Э. Г. Беккер. – Томск: Издательство Томского университета, 1978. – 207 с.

16. Беккер, Э. Г. Морфология селькупских падежных форм в хронологическом развитии (диалектное обозрение селькупского языкового ареала) / Э. Г. Беккер // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск: Издательство ТГУ, 1990. – С. 209–211.

17. Беккер, Э. Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Э. Г. Беккер, Л. А. Алиткина, В. В. Быконя, И. А. Ильяшенко / ред. Э. Г. Беккер. – Часть 1. – Томск: Издательство ТГПУ, 1995а. – 292 с.

18. Беккер, Э. Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. / Э. Г. Беккер, Л. А. Алиткина, В. В. Быконя, И. А. Ильяшенко / под ред. Э. Г. Беккер. – Часть 2. – Томск, 1995б. – 284 с.

19. Бенуас, Л. Знаки, символы и мифы / Л. Бенуас. – Москва: Издательство АСТ, 2004. – 160 с.

20. Бердникова, Т. А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов: на материале архангельских говоров: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Бердникова. – Москва, 2002. – 376 с.

21. Больдт, Е. П. Основные способы образования имен существительных в нганасанском языке / Е. П. Больдт // Вопросы енисейского и самодийского языкознания: сборник научных трудов. – Томск: Издательство Томского

пединститута, 1983. – С. 28-30.

22. Больдт, Е. П. Словосложение в самодийских языках (на материале нганасанского языка) / Е. П. Больдт // Строй самодийских языков: сборник научных трудов. – Томск: Издательство Томского пединститута, 1987. – 180 с.

23. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

24. Булгакова, И. В. Лексика, отражающая материальную культуру селькупов: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Булгакова. – Томск, 2003. – 177 с.

25. Буслаев, В. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / В. Буслаев. – Том 2. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. – 429 с.

26. Быконя, В. В. Идея происхождения/рождения человека в языковой картине мира селькупов / В. В. Быконя // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 4 (67). – Томск : Издательство ТГПУ, 2007.– С. 88–97.

27. Быконя, В. В. Имя числительное в картине мира селькупов: монография / В. В. Быконя. – Томск: Издательство ТГПУ, 1998. – 261 с.

28. Быконя, В. В., Карманова, Ю. А. Лингвокультурологический анализ наименований насекомых в селькупском языке / В. В. Быконя, Ю. А. Карманова // Сибирский филологический журнал. – Вып. 2. – 2012.– С. 163-174.

29. Быконя, В. В. Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк): монография / В. В. Быконя. – Томск: Издательство ТГПУ, 2011. – 236 с.

30. Вайнтрауб, Р. М. О соматической фразеологии в русском языке / Р. М. Вайнтрауб // Лексические единицы русского языка и их изучение. – Ташкент, 1980. – С. 51–55.

31. Вакк, Ф. О. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. О. Вакк. – Таллин, 1964. – 29 с.

32. Вахрушева, Н. А. Соматические фразеологизмы в островных немецких

говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Вахрушева. – Иркутск, 2009. – 16 с.

33. Вдовин, И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Ленинград, 1976. – С. 217–254.

34. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

35. Вершинин, И. В. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков : в 3-х т. / И. В. Вершинин. – Том 2. – Йошкар-Ола, 2005. – 119 с.

36. Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... док. филол. наук / В. В. Воробьев. – Москва, 1996. – 395 с.

37. Вэй, У Времена года в русской языковой картине мира : автореферат дис. ... канд. филол. наук / У Вэй. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.

38. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

39. Гемуев, И. Н. Семья у селькупов (XIX-начало XXв.) / И. Н. Гемуев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 153 с.

40. Глушков, С. В Диалекты селькупского языка / С. В. Глушков, А. В. Байдак, Н. П. Максимова // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Томск: Издательство ТПУ, 2013а. – С. 49–63.

41. Глушков, С. В. Длительность гласных и согласных в диалектах селькупского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / С. В. Глушков. – Томск, 2002. – 22 с.

42. Глушков, С. В. О праистории селькупского языка / С. В. Глушков // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Томск: Издательство ТПУ, 2013б. – С. 34–49.

43. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – Москва:

Едиториал УРСС, 2005. – 230 с.

44. Головнев, А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург, 1995. – 605 с.

45. Горчаков, Г. С. Символизм в культуре / Г. С. Горчаков. – Томск: Твердыня, 2007. – 328 с.

46. Грачева, Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан / Г. Н. Грачева // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Ленинград, 1976. – С. 44–67.

47. Гудков, Д. Б. Лоб и зуб(-ы) в соматическом коде русской культуры / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 33. – Москва: МАКС Пресс, 2006. – 128 с.

48. Гулыга, Е. В., Шендельс, Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантического исследования. – Москва: Наука, 1976. – С. 291–314.

49. Демьяненко, З. П. Материалы к изучению долганских названий частей и органов тела / З. П. Демьяненко // Языки и топонимия. – Вып. 7. – Томск: Издательство Томского университета, 1980. – С. 185–204.

50. Деннинг, Н. В. Фонетика тымского диалекта селькупского языка : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Деннинг. – Томск, 1981. – 270 с.

51. Доннер, К. Самоедский эпос / К. Доннер // Земля Верхнекетская. – Томск, 1997. – С. 145–162.

52. Донских, О. А. Происхождение языка как философская проблема / О. А. Донских. – Новосибирск, 1984. – 126 с.

53. Дубровская, Н. В. Особенности семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Дубровская. – Москва, 2011. – 23 с.

54. Дыбо, Л. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс) / Л. В. Дыбо. – Москва: Институт языкознания РАН, 1996. – 385 с.

55. Егоров, А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении

с венгерской: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Егоров. – Ижевск, 2010. – 19 с.

56. Елисеев, В. Тайцзицюань: искусство гармоничного действия / В. Елисеев // Наука и религия. – № 8. – 1989. – С. 54–56.

57. Жарикова, И. Н. Кровь как понятие трех миров в селькупском языке / И. Н. Жарикова // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Сборник тезисов международной научной конференции XXV-е Дульзоновские чтения. – Томск: Ветер, 2008. – С. 37–39.

58. Жукова, Н.С. К вопросу о номинации некоторых частей тела в селькупском языке / Н. С. Жукова // Языки и топонимия. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – С. 56–58.

59. Зеремская, Ю. А. Термины родства и свойства в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Зеремская. – Йошкар-Ола, 2008. – 146 с.

60. Зибров, Д. А. Концепт СЕРДЦЕ в аспекте концептуальной систематики языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Зибров. – Иркутск, 2009. – 21 с.

61. Иванов, С. В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле / С. В. Иванов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Ленинград, 1976. – С. 161–189.

62. Ипакова, М. Т. Соматическая лексика марийского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Т. Ипакова. – Йошкар-Ола, 2012. – 23 с.

63. Ириков, С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский / С. И. Ириков. – Ленинград, 1988. – 223 с.

64. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.

65. Карманова, Ю. А. Лексический пласт зоонимов в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Карманова. – Саранск, 2013. – 166 с.

66. Кармышаков, Л. О. Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. О. Кармышаков. – Бишкек, 1992. – 23 с.

67. Кастрен, М. А. Путешествие в Сибирь (1845-1849) / Под ред.

С. Г. Пархимовича. Сост.: Ю. Л. Мандрика, Комментар.: А. П. Зенько и С. Г. Пархимович. – Том 2. – Тюмень, 1999. – 353 с.

68. Каштанова, Е. Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспектный анализ): автореф. дис. . канд. филол. наук / Е. Е. Каштанова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. – 23 с.

69. Ким, А.А. Очерки по селькупской культовой лексике / А. А. Ким. – Томск: Издательство НТЛ, 1997. – 219 с.

70. Кимов, Р. С. Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков): автореф. дис. ... д. филол. наук / Р. С. Кимов. – Нальчик, 2010. – 50 с.

71. Киреева, Д. М. Метафорическое переосмысление концептосферы «head»/«голова» в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. М. Киреева. – Новосибирск, 2010. – 27 с.

72. Клопотова, Е. А. Соматическая лексика енисейских языков: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Клопотова. – Томск, 2002. – 181 с.

73. Костеркина, Н. Т. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова, В. Ю. Гусев. – Санкт-Петербург: Просвещение, 2001. – 415 с.

74. Кочеваткин, А. М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ): дис. ... канд. филол. наук / А. М. Кочеваткин. – Саранск, 1999. – 174 с.

75. Кравченко, А. И. Культурология : словарь / А. И. Кравченко. – 2-е изд. – Москва: Академический проект, 2001. – 672 с.

76. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникации : сборник статей. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 19. – Москва, 2002. – С. 5–19.

77. Кривошапкин, М. Ф. Енисейский округ и его жизнь / М. Ф. Кривошапкин. – Санкт-Петербург, 1865. – 188 с.

78. Кузнецова, А.И. Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари / Под ред. А. И. Кузнецовой // Очерки по селькупскому языку.

Тазовский диалект : в 3-х т. – Том 3. – Москва: Издательство МГУ, 2002. – 220 с.

79. Кузьмина, А.И. Грамматика селькупского языка. Часть 1 : Селькупы и их язык / А.И. Кузьмина. – Новосибирск, 1974. – 265 с.

80. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

81. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Москва: Наука, 1970. – 386 с.

82. Магомедова, Д. М. Соматическая лексика лакского языка в сопоставлении с английской : дис. ... канд. филол. наук / Д. М. Магомедова. – Махачкала, 2007. – 175 с.

83. Магомедова, С. И. Соматизмы «глаз», «сердце», «голова» в объективизации картины мира (на материале аварского и арабского языков): дис. ... канд. филол. наук / С. Р. Магомедова. – Махачкала, 2009. – 185 с.

84. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.

85. Монастырская, Е. А. Лексико-семантические поля ментальности и негативных эмоций гнева, страха и горя в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Монастырская. – Йошкар-Ола, 2008. – 169 с.

86. Мугу, Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Ю. Мугу. – Майкоп, 2003. – 22 с.

87. Ольшанский, И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы / И. Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в. – Москва, 2000. – С. 26–55.

88. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – Москва, 1974. – 484 с.

89. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина / ред. В. А. Звегинцева. – Том 1 – Москва: Издательство Московского университета, 1980. – 408 с.

90. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект: Учебное пособие /

А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. – Москва: Издательство Московского университета, 1993. – 196 с.

91. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 3 / О. А. Казакевич, А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский. – Москва: Издательство МГУ, 2002. – 220 с.

92. Пелих, Г. И. Материалы по селькупскому шаманству / Г. И. Пелих // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. – С. 1–64.

93. Пелих, Г. И. Происхождение селькупов / Г. И. Пелих. – Томск: Издательство ТГПУ, 1972. – 424 с.

94. Пелих, Г. И. Селькупская мифология / Состав. Г. И. Пелих. – Томск: Издательство НТЛ, 1998. – 80 с.

95. Пелих, Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории / Г. И. Пелих. – Новосибирск, 1981. – 177 с.

96. Пелих, Г. И. Шелаб – крылатый дьявол (из истории селькупской мифологии) / Г. И. Пелих // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. – Томск, 1992. – С. 76–91.

97. Плотников, А. Ф. Нарымский край / А. Ф. Плотников // ЗИРГО по отд. статистики. Т. X, вып. 1. – Санкт-Петербург, 1901. – 366 с.

98. Подгорная, В. В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Подгорная. – Санкт-Петербург, 2016. – 226 с.

99. Позов, А. Основы древнецерковной антропологии : в 2-х т. / А. Позов. – Том 1. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – 570 с.

100. Покровский, В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов / В. И. Покровский. – Москва: Советская энциклопедия, 1984. – 1591 с.

101. Полякова, Н. В. Концепт *пространство* и средства его репрезентации в селькупском и русском языках: монография / Н. В. Полякова. – Томск, 2004. – 120 с.

102. Полякова, Н. В. Объективация представлений о «Нижнем мире» в селькупском языке в сопоставлении с русским / Н. В. Полякова // Вестник ТГПУ

(TSPU Bulletin). Вып. 4 (157). – Томск : Издательство ТГПУ, 2015а. – С. 56–61.

103. Полякова, Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса / Н. В. Полякова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – Вып. 2 (4). – Томск: Издательство ТГПУ, 2014. – С. 29–33.

104. Полякова, Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса / Н. В. Полякова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – Вып. 10 (125). – Томск: Издательство ТГПУ, 2012. – С. 85–88.

105. Полякова, Н. В. Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка / Н. В. Полякова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – Вып. 4 (10). – Томск: Издательство ТГПУ, 2015б. – С. 51–54.

106. Попова, А. Р. Полисемант *рука* и реализация его лексико-фразеобразовательных возможностей в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Попова. – Орел, 2004. – 17 с.

107. Прокофьев, Г. Н. Селькупская грамматика / Г. Н. Прокофьев // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Тр. по лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. – Том IV. – Вып. 1. – Ленинград, 1935. – 131 с.

108. Прокофьева, Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана / Е. Д. Прокофьева // Сборник МАЭ. – Том 11. – Ленинград, 1949. – С. 335–375.

109. Прокофьева, Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов / Е. Д. Прокофьева // Сборник МАЭ. – Том 33. – Ленинград, 1977. – С. 66–79.

110. Прокофьева, Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире / Е. Д. Прокофьева // Сборник МАЭ. – Том 20. – Ленинград, 1961. – С. 54–74.

111. Прокофьева, Е. Д. Старые представления селькупов о мире / Е. Д. Прокофьева // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Ленинград: Наука, 1976. – С. 106–128.

112. Прокофьева, Е. Д. Энецкий шаманский костюм / Е. Д. Прокофьева // Сборник МАЭ. – Том 13. – Ленинград, 1951. – С. 125–153.

113. Пырерка, А. П., Терещенко, Н. М. Русско-ненецкий словарь / А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко / ред. И.И. Мещанинов. – Москва: ОГИЗ, 1948. – 405 с.

114. Ракин, А. Н. Анатомическая лексика и нормативные словари пермских языков (сравнительный анализ) / А. Н. Ракин // Финно-угроведение. – № 2-3. – Йошкар-Ола, 1999а. – С. 228–230.

115. Ракин, А. Н. Анатомическая лексика коми-пермяцкого языка (синхронно-сопоставительный анализ) / А. Н. Ракин // Исторический опыт российских регионов: округ и Урал на рубеже тысячелетий : сборник тезисов, докладов и выступлений на III Международн. науч.-практ. конф. – Кудымкар, 2000а. – С. 70–71.

116. Ракин, А. Н. Анатомическая номенклатура коми языка с деэтимологизированным элементом / А. Н. Ракин // Fenno-Ugristica. – № 8. – Tartu, 1981. – С. 91–100.

117. Ракин, А. Н. Ангионимическая и сенсонимическая лексика в пермских языках / А. Н. Ракин // В.И. Лыткин и финно-угорский мир: Материалы Междунар. конф. / Отв. ред. В. Н. Демин. – Сыктывкар, 1999б. – С. 149–156.

118. Ракин, А. Н. Антропонимическая лексика в исторической повести В. В. Тимина «Эжва Перымса зонка» / А. Н. Ракин // Коми-зырянская культура XX в. и финно-угорский мир: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л. В. Лыткина. – Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 2003а. – С. 116–120.

119. Ракин, А. Н. Антропотоминимическая лексика в контексте современной коми исторической прозы / А. Н. Ракин // Пермистика-9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии / Отв. ред. И. В. Тараканов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 391–398.

120. Ракин, А. Н. Антропотоминимическая лексика в пермских языках (рукопись). Заключительный научный отчет / А. Н. Ракин // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 500, 1995а. – 337 с.

121. Ракин, А. Н. Антропонимическая лексика в пермских языках: научный доклад, представ. в качестве дис. на соискание учен. степ. д. филол. наук / А. Н. Ракин. – Йошкар-Ола, 1997а. – 66 с.

122. Ракин, А. Н. Генезис анатомической лексики в пермских языках / А. Н. Ракин // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V.* – Tartu, 2000б. – С. 84–87.

123. Ракин, А. Н. Генезис анатомической лексики в пермских языках / А. Н. Ракин // *Congressus Nonus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V. Dissertationes sectionum: Linguistica.* – Tartu, 2001. – S. 84–87.

124. Ракин, А. Н. Генезис анатомической лексики пермских языков / А. Н. Ракин // *VI World Congress for Central and East European Studies: Abstracts. 29 July – 3 August 2000в.* – Tampere, 2000. – S. 351.

125. Ракин, А. Н. Индивидуально-пермская анатомическая лексика (на материале коми-зырянского языка) / А. Н. Ракин // *Коми слово в грамматике и словаре* / Отв. ред. Г. В. Федюнева. Тр. ИЯЛИ. Вып. 62. – Сыктывкар, 2000г. – С. 66–72.

126. Ракин, А. Н. Индивидуально-пермская анатомическая лексика (на материале удмуртского языка) / А. Н. Ракин // *И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения : Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2003б. – С. 212–216.

127. Ракин, А. Н. Иноязычный компонент индивидуально-пермской антропонимической лексики / А. Н. Ракин // *Пермистика-7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст.* / Отв. ред. А. Н. Ракин. – Сыктывкар, 1999б. – С. 162–168.

128. Ракин, А. Н. Коми анатомический словарь / А. Н. Ракин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991а. – 156 с.

129. Ракин, А. Н. «Коми анатомический словарь» дінö содтöд / А. Н. Ракин // *Грамматика и лексикография коми языка* / Отв. ред. Г.В. Федюнева. Тр. ИЯЛИ. – Вып. 58. – Сыктывкар, 1995б. – С. 143–149.

130. Ракин, А. Н. Остеонимическая лексика в пермских языках (диахронический анализ) / А. Н. Ракин // *Финно-угроведение. №1.* – Йошкар-Ола, 1996а. – С. 135–140.

131. Ракин, А. Н. Остеонимическая лексика в пермских языках / А. Н. Ракин //

Доклад на заседании Президиума Коми НЦ УрО РАН // Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 361. – Сыктывкар, 1995в. – 25 с.

132. Ракин, А. Н. Остеонимическая лексика коми-пермяцкого языка / А. Н. Ракин // Коми-пермяки и финно-угорский мир : Материалы I Междунар. конф. – Кудымкар, 1997б. – С. 487–489.

133. Ракин, Н. А. Остеонимическая лексика коми-пермяцкого языка / А. Н. Ракин // Коми-пермяки и финно-угорский мир: тезисы докладов и выступлений на междунар. конф. (Кудымкар, 26-28 мая). – Кудымкар, 1995г. – С. 76–78.

134. Ракин, А. Н. Остеонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования) / А. Н. Ракин // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков : Сб. ст. – Сыктывкар, 1992. – С. 116–127.

135. Ракин, А. Н. Пермская антропотоминимическая лексика и «Краткий этимологический словарь коми языка» / А. Н. Ракин // Грамматика и лексикография коми языка / Отв. ред. Г. В. Федюнева // Тр. ИЯЛИ. Вып. 58. – Сыктывкар, 1995д. – С. 84–99.

136. Ракин, А. Н. Русские заимствования в системе анатомической лексики пермских языков / А. Н. Ракин // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской аудитории : тезисы Междунар. науч.-методич. конф. – Сыктывкар, 1998. – С. 55–56.

137. Ракин, А. Н. Словарь Ю. Вихмана и антропотоминимическая лексика коми языка / А. Н. Ракин // Пермистика 2 : Вихман и пермская филология : сборник статей / Отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1991б. – С. 71–76.

138. Ракин, А. Н. Сомонимическая лексика в пермских языках / А. Н. Ракин // Diss. Congr. 7. Intern. Fenno-Ugristarum. Ses. Sect. Linguistica. 3. – Debrecen, 1990. – С. 185–190.

139. Ракин, А. Н. Сомонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования) / А. Н. Ракин // Грамматика и лексикография коми языка / Отв. ред. Г. В. Федюнева // Тр. ИЯЛИ. Вып. 46. – Сыктывкар, 1989. – С. 70–83.

140. Ракин, А. Н. Спланхнонимическая лексика в пермских языках / А. Н. Ракин // Финно-угроведение. – № 2. – Йошкар-Ола, 1997в. – С. 3–16.

141. Ракин, А. Н. Спланхнонимическая лексика в пермских языках (генезис и современное состояние) / А. Н. Ракин // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995е. – С. 384–385.

142. Ракин, А. Н. Спланхнонимическая лексика в пермских языках: Синхронно-лексикографический анализ / А. Н. Ракин // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сборник статей. Отв. ред. В.К. Кельмаков. – Ижевск, 2000д. – С. 145–154.

143. Ракин, А. Н. Спланхнонимическая лексика коми языка (сравнительный лексикографический аспект исследования) / А. Н. Ракин // Стефан Пермский и современность. Материалы Межд. науч. конф. / Отв. ред. Г.Г. Бараксанов. – Сыктывкар, 1996б. – С. 83–90.

144. Ракин, А. Н. Тюркский компонент в системе анатомической лексики / А. Н. Ракин // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития: Тез. докл. Междунар. науч. конф. – Уфа, 2000е. – С. 135–136.

145. Рябчикова, З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: дис... канд. филол. наук / З. С. Рябчикова. – Санкт-Петербург, 2008. – 238 с.

146. Савченко, В. А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Савченко. – Курск, 2010. – 18 с.

147. Сатеева, Э. В. Многовариантность основы имени существительного в селькупском языке / Э. В. Сатеева // Материалы международной конференции XXII Дульзоновские чтения. – Томск: Издательство ТГПУ, 2000. – 286 с.

148. Сатеева, Э. В. Основообразующие суффиксы имени существительного в селькупском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Сатеева. – Томск, 2006. – 26 с.

149. Сахарова, О. В. Флористическая лексика селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Сахарова. – Йошкар-Ола, 2010. – 154 с.

150. Селькупские тексты / Байдак А. В., Максимова Н. П., Федотова Н. Л. //

Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / Отв. редактор А. Ю. Фильченко. – Томск: Ветер, 2010. – С. 133–184.

151. Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. проф. В. В. Быконя. – Томск: Издательство ТГПУ, 2005. – 348 с.

152. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык // записи, перевод, комментарии В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер, Н. П. Максимовой, И. А. Ильяшенко. – Томск: Издательство НТЛ, 1996. – 187 с.

153. Соколова, З. П. Социальная организация обских угров и селькупов / З. П. Соколова // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII –начало XX в.). – Москва: Наука, 1970. – С. 103–153.

154. Сорокина, И. П., Болина, Д. С. Словарь энецко-русский и русско-энецкий : пособие для уч-ся нач. шк. / И. П. Сорокина, Д. С. Болина. – Санкт-Петербург: Просвещение, 2001. – 311 с.

155. Сподина, В. И. Соматический код традиционной культуры (на материале обских угров и самодийцев) / В. И. Сподина // Финно-угорский мир. – № 2. – Саранск: Издательство НИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2014. – С. 79–85.

156. Степанова, О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе / О. Б. Степанова. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2008. – 306 с.

157. Стоянова, Е. В. Соматический код культуры в языковой картине мира (фразеологический аспект) / Е. В. Стоянова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Сборник статей. – Шумен: Издательство «Епископ Константин Преславски», 2002. – С. 179–195.

158. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». – Москва, Обнинск, 1995. – С. 64.

159. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Издательство Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

160. Терещенко, Н. М. Ненецко-русский словарь / Н. М. Терещенко. – Москва: Советская энциклопедия, 1965. – 945 с.
161. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. / В. Н. Топоров. – Москва: Прогресс, 1995. – 624 с.
162. Третьяков, П. Туруханский край / П. Третьяков // ЗИРГО по общей географии. – Том 2. – Санкт-Петербург, 1869. – С. 215–531.
163. Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачев // Принципы и методы семантического исследования. – Москва: Наука, 1976. – С. 147-180.
164. Туровская, Н. С. Роль метафоры в формировании соматических фразеологизмов с компонентом «глаз»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Туровская. – Москва, 1996. – 16 с.
165. Тучкова, Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX – XX вв.): дисс. канд. истор. наук / Н. А. Тучкова. – Томск, 1999. – 197 с.
166. Тучкова, Н.А. Мифология селькупов / рук-ль авторского коллектива Н. А. Тучкова. Авторский коллектив: А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, Н.А. Тучкова, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак / научн. ред. В. В. Напольских. – Томск: Издательство Томского университета, 2004. – 382 с.
167. Тучкова, Н. А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк) / Н. А. Тучкова // ТТГОИАМ. – Том 11. – Томск, 1996. – С. 68–98.
168. Тучкова, Н. А. Традиционное мировоззрение / Н. А. Тучкова // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. / Н. А. Тучкова, С. В. Глушков, Е. Ю. Кошелева и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013. – 318 с.
169. Тюлина, Е. Человек и универсальные принципы вселенной. Комментарий к Гаруда-пуране / Е. Тюлина // Совершенный человек. Сборник. – Москва, 1997. – С. 310–330.
170. Федотова, Н. Л. Генезис и развитие системы глаголов плавания и названий водных пространств в селькупском языке: автореф. ... канд. филол.

наук. – Москва, 2010. – 29 с.

171. Франкенберг, А. *Gemma Magica* или Магический драгоценный камень / А. Франкенберг. – Санкт-Петербург: Альфарет, 2011. – 362 с.

172. Хелимский, Е. А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков: автореф. дис. ...д. филол. наук в форме научного доклада / Е. А. Хелимский. – Тарту, 1988. – 48 с.

173. Хелимский, Е. А. Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Е. А. Хелимский. Hamburg, 2007. – 225 с.

174. Хомич, Л. В. Ненецко-русский словарь : для ненецкой начальной школы / Л. В. Хомич. – Ленинград: Ленинградское учебно-педагогическое издательство, 1954. – 122 с.

175. Хомич, Л. В. Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры / Л. В. Хомич, С. И. Ириков, Г. Е. Аюпова / ред. Л. В. Хомич. – Санкт-Петербург: Просвещение, 2002. – 149 с.

176. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко. – Москва: Флинта; Наука, 2004. – 184 с.

177. Цыганкин, Д. В. Словообразовательные потенции слов *пря* «голова» и *пе* «конец» в мордовских языках / Д. В. Цыганкин // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Саранск: Красный октябрь, 2000. – С. 304–307.

178. Чеснов, Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание / Я. В. Чеснов // Этнография имен. – Москва: Наука, 1971. – С. 6–13.

179. Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В. М. Шаклеин. – Москва: Флинта, 2012. – 301 с.

180. Шерер, В. Э. Служебные имена кетского языка, выполняющие функции послелогов / В. Э. Шерер // Языки и топонимия. – Томск: Издательство Томского университета, 1978. – С. 125–136.

181. Щапов, А. П. Историко-географические и этнологические заметки о Сибирском населении / А. П. Щапов // Дополнительный том к собранию сочинений (изд. 1905—1908 гг.). – Иркутск, 1937. – С. 83–130.

182. Юнг, К. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Юнг. – Москва: Издательство АСТ-ЛТД, 1998. – 480 с.
183. Alatalo, J. Sölkupishces Wörterbuch / J. Alatalo. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004. – 465 S.
184. Allan, K. Natural language semantics / K. Allan. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – 525 p.
185. Castrén, M. A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen. Herausgegeben von A. Schiefner / M. A. Castrén. – St. Petersburg, 1857. – 257 S.
186. Castrén, M. A. Nordische Reisen und Forschungen. Kleinere Schirten. Herausgegebenen von A. Schiefner. / M. A. Castrén. – St. Peterburg, 1862. – 382 S.
187. Castrén, M. A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien / M. A. Castrén, T. Lehtisalo. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960. – 462 S.
188. Castrén, M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen / M. A. Castrén. – St. Petersburg, 1855. – 404 S.
189. Donner, K. Bei den Samojeden in Sibirien / K. Donner. – Stuttgart: Verlag für Strecker und Schröder, 1926. – 199 S.
190. Donner, K. Samojedische Wörterverzeichnisse / K. Donner. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. – 307 S.
191. Dulson, A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen / A. Dulson // СФУ. – Таллин: Периодика, 1971. – С. 35-43.
192. Erdélyi, I. Selkupisches Wörterverzeichnis / I. Erdélyi. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1969. – 316 S.
193. Heine, B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 292 p.
194. Rakin, A. N. Genesis of anatomic lexicon of the Permian languages / A. N. Rakin // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Pars II. – Linguistica. – Tartu, 2000. – С. 227.
195. Rakin, A. N. Osteonymische Lexik in den permischen Sprachen (Genese und ihr

gegenwärtiger Zustand) / A. N. Rakin // *Congressus Octavus internationalis Fenno-Ugristarum. – Pars II. – Jyväskylä, 1995. – C. 98.*

196. Rakin, A. N. Somonymische Lexik in permischen Sprachen (Genese und gegenwärtiger Zustand). / A. N. Rakin // *Summ. Diss. Congr. 7. Intern. Fenno-Ugristarum. Linguistica. 2A. – Debrecen, 1990. – S. 197.*

197. Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Lieferung 2. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – S. 3–212.

198. Rédei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Lieferung 3. – Budapest : Akadémiai kiadó, 1986a. – S 213–340.

199. Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Lieferung 4. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987. – S. 341–468.

200. Rédei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Lieferung 5. – Budapest : Akadémiai kiadó, 1988. – S 469–593.

201. Janhunen, J. Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien) / J. Janhunen. – Helsinki, 1977. – 186 S.

Ресурсы кафедры языков народов Сибири ТГПУ:

202. Дульзон, А. П. Материалы по селькупскому языку / А. П. Дульзон. – Том VII. – 1962. – С. 123.

203. Дульзон А. П. Материалы по селькупскому языку / А. П. Дульзон. – Том VI. – 1969а. – С. 559.

204. Дульзон, А. П. Сказка «Волшебная рыбка» / А. П. Дульзон / Материалы по селькупскому языку. – Том XIV. – 1972а. – С. 637, 645.

205. Дульзон, А. П. Сказка «Лесная речка» / А. П. Дульзон / Материалы по селькупскому языку. – Том VХVI. – 1979. – С. 153.

206. Дульзон, А. П. Сказка про черта / А. П. Дульзон / Материалы по селькупскому языку. – Том XXVII. – 1969б. – С. 46–48.

207. Дульзон, А. П. Сказка «Умница» / А. П. Дульзон / Материалы по селькупскому языку. – Том XVIII. – 1972б. – С. 802, 814.

Список интернет-источников:

208. Бардамова, Е. А. Пространство и время в языковой картине мира бурят: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Е. А. Бардамова. – Улан-Удэ. 2011. – Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a13.php> (дата обращения 30.06.2014).

209. Белозерова, А. В. Лингвокультурология как лингвистическая дисциплина [Электронный ресурс] / А. В. Белозерова, Н. М. Локтионова // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». – № 1. – 2013. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7681> (дата обращения 06.06.2017).

210. Бердяев, Н. А. Человек. Микрокосм и макрокосм [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев // Смысл творчества.– 2000. – Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/tvorch/02.html> (дата обращения: 13.11.2015).

211. Бурштейн, А., Левит, В. Реальность мифа [Электронный ресурс] / А. Бурштейн, В. Левит. – Свердловск, 1985. – Режим доступа: http://poetical.narod.ru/statii_b/rm_27.htm (дата обращения 30.06.2014).

212. Вдовина, И. Н., Чинаева, Н. В. Общая характеристика медицинской терминологии финского языка [Электронный ресурс] / И. Н. Вдовина, Н. В. Чинаева. – Огарёв-Online. – № 2 (43). – 2015. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/obshhaya-kharakteristika-medicinskojj-terminologii-finskogo-yazyka> (дата обращения: 24.05.2017).

213. Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии : дис. док. филол. наук [Электронный ресурс] / В. В. Воробьев. – Москва, 1996. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty-lingvokulturologii> (дата обращения 30.06.2014).

214. Даль, В. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля / В. Даль. 2008-2017. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://slovardalja.net/> (дата обращения 30.06.2014).

215. Занятия и промыслы [Электронный ресурс] Финно-угорский культурный

центр Российской Федерации. – 2007-2018. – Режим доступа: http://www.finnougoria.ru/community/folk/detail.php?ELEMENT_ID=2432 (дата обращения: 11.02.2016).

216. Толстой, Н. И. Проблема реконструкции древнеславянской духовной культуры [Электронный ресурс] / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва, 1995. – С. 41-60. Русский филологический портал. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics3/tolstoy-95b.htm> (дата обращения 29.01.2018).

217. Леонова, А. И. Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / А. И. Леонова. – Тверь, 2003. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskaya-spetsifika-kulinaronimov> (дата обращения 06.06.2017).

218. Мыльникова, Н. В. Структура и функционирование концепта «рука» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Н. В. Мыльникова. – Самара, 2009. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/struktura-i-funktsionirovanie-kontsepta-ruka-v-russkom-yazyke> (дата обращения 03.09.2015).

219. Нам, Е. В. Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи в мифоритуальной традиции сибирского шаманизма) [Электронный ресурс] / Е. В. Нам // Электронный журнал «Вестник археологии, антропологии и этнографии». – Тюмень: Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН, 2014. – С. 134-142. – Режим доступа : http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a26/134-142.pdf. (дата обращения 06.06.2017).

220. Овчухова, О. Ю. Пальцы рук в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / О. Ю. Овчухова // Бюллетень медицинских Интернет-конференций – Vol. 3. – Issue 11. – 2013. – Р. 1249. – Режим доступа: <http://scipeople.ru/publication/115977/> (дата обращения 03.09.2015).

221. Петрова, И. П. Категоризация мира английскими соматическими фразовыми глаголами: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / И. П. Петрова. – Иркутск. 2012. – Режим доступа: <http://dissers.ru/1filologiya/kategorizaciya-mira-angliyskimi-somaticheskimi-frazovimi-glagolami-specialnost-10-02->

04-germanskie-yaziki-avtoreferat-dissertacii-na.php (дата обращения 30.06.2014).

222. Прядко, С. Б. Язык и Культура: культурный компонент значения в лингвокультурологической лексике австралийского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / С. Б. Прядко. – Москва. 1999. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/yazyk-i-kultura-kulturnyy-komponent-znacheniya-v-lingvokulturologicheskoy-leksike-avstraliyskogo-varianta-angliyskogo-yaz> (дата обращения 06.06.2017).

223. Рапопорт, Н. В. Лингвокультурологический концепт «Французская национальная личность»: на материале афористики: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Н. В. Рапопорт. – Уфа, 1999. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-kontsept-frantsuzskaya-natsionalnaya-lichnost-na-materiale-aforisti> (дата обращения 06.06.2017).

224. Сакаева, Л. Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков): автореф. дис. ... д. филол. наук. [Электронный ресурс] / Л. Р. Сакаева – Уфа. 2009. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sopostavitelnyy-analiz-frazeologicheskikh-edinit-antropotsentricheskoy-napravlennosti> (дата обращения 03.09.2015).

225. Сайфи, Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках: автореф. дис. ... д. филол. наук [Электронный ресурс] / Л. А. Сайфи. – Уфа. 2008. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kontseptualizatsiya-somaticheskogo-obraza-cheloveka-v-yazyke-i-diskursivnyh-praktikah> (дата обращения 03.09.2015).

226. Сузукей, В. Ю. Пространство и время в традиционной культуре тувинцев [Электронный ресурс] / В. Ю. Сузукей // Электронный информационный журнал Новые исследования Тувы. – №№ 1-2. 2009. – Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/128-space-and-time.html (дата обращения 30.06.2014).

227. Цримова, З. Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира (на материале кабардинского, русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук

[Электронный ресурс] / З. Р. Цримова. – Нальчик, 2003. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kontsept-serdtse-v-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 03.09.2015).

228. Чич, Б. А. Субстанциальность и метафоричность концепта «сердце» – «гу» в языковой картине мира (на материале русского и адыгейского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Б. А. Чич. – Майкоп, 2010. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/substantsialnost-i-metaforichnost-kontsepta-serdtse-gu-v-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 03.09.2015).

229. Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф. дис. ...д. филол. наук [Электронный ресурс] / Е. Е. Юрков. – Санкт-Петербург, 2012. – Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii1/a358.php> (дата обращения 06.06.2017).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

Основы - Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – Москва, 1974. – 484 с.

ОчСЯ – Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1 / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина / ред. В. А. Звегинцева. – Москва: Издательство Московского университета, 1980. – 408 с.

ОчСЯ – Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект: Учебное пособие / А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. – Москва: Издательство Московского университета, 1993. – 196 с.

ОчСЯ – Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 3 / О. А. Казакевич, А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский. – Москва: Издательство МГУ, 2002. – 220 с.

Сказки – Сказки нарымских селькупов : книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык // записи, перевод, комментарии В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер, Н. П. Максимовой, И. А. Ильяшенко. – Томск: Издательство НТЛ, 1996. – 187 с.

СРДС - Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. проф. В. В. Быконя. – Томск: Издательство ТГПУ, 2005. – 348 с.

Названия диалектов и говоров селькупского языка:

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; нар. – нарымский диалект; об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; об. Ш – обский говор Шёшкун и Шёшкуп; таз. – тазовский диалект; тур. – туруханский говор; тым. – тымский диалект.

Список соматической лексики селькупского языка

Общесистемные сомонимы		
1	жир	об., тым., вас. <i>ör</i> ; об. Ч <i>örrə</i> ; об. С, кет., вас., тур. <i>ür</i> ; кет. <i>ürre</i> , <i>üre</i> ; об. Ч, кет., тым. <i>ir</i> , <i>irə</i> 'жир' [СРДС 2005: 174]
2	кожа	1) О. <i>kob</i> , N.; <i>kob</i> , МО.; <i>koba</i> , Tsch.; <i>kobe</i> , ОО.; <i>koppa(e)</i> , К., NP.; <i>kor</i> , В., Tas.; <i>kur</i> , Jel. 'кожа'; О. <i>cyk</i> 'кожа (на лице)' [Castrén 1855: 233]; кет. <i>qorpi</i> 'кожа' [Алатало 1998: 102]; об. Ш, С <i>kob</i> , об. С <i>kob'i</i> , об. Ш <i>kobə</i> , об. С, кет. <i>qobi</i> , об., вас. <i>qobə</i> , об., тым. <i>qor</i> , кет. <i>qorrə</i> , тур. <i>qorı</i> , ел. <i>qorig</i> , кет., вас., ел. <i>qorə</i> 'кожа' [СРДС 2005: 44]; 2) об. Ш <i>qunbat</i> 'кожа' [СРДС 2005: 99]; 3) ел. <i>mečte</i> 'кожа' (СРДС, 2005: 138)
3	кость	О. <i>li</i> , N.; <i>lo</i> , NP.; <i>lä</i> , ОО.; <i>ly</i> , В., Кар. 'кость' [Castrén 1885: 241]; таз. <i>le</i> 'кость' [Erdélyi 1969: 117]; кет. <i>le</i> , <i>li</i> 'кость' [Алатало 1998: 104]; об., кет., вас., тым. <i>li</i> , <i>li</i> , ел. <i>lē</i> , кет., ел. <i>lə</i> , тур. <i>lillaka</i> , <i>lallaka</i> , вас. <i>lallakka</i> 'кость' [СРДС 2005: 118]
4	кровь	О. <i>kap</i> , N.; <i>kam</i> , К.; <i>käm</i> , Tschl., ОО.; <i>kame</i> , NP.; <i>kem</i> , Jel., В., Tas., Кар. 'кровь' [Castrén, 1855: 208]; таз. <i>kəm</i> 'кровь' [Erdélyi 1969: 89]; кет. <i>kem</i> 'кровь' [Алатало 1998: 105]; вас. <i>kaβa</i> , <i>qarə</i> , <i>kapta</i> ; кет. <i>kət</i> , <i>qabβə</i> , <i>qat</i> ; об. С <i>kat</i> , <i>katə</i> , <i>qat</i> ; об. Ш <i>kat</i> , <i>katə</i> , <i>kap</i> ; об. Ч <i>kap</i> , <i>kap</i> , <i>kap</i> , <i>qar</i> ; тым. <i>kaβa</i> , <i>qarə</i> , <i>kıβ</i> ; тур. <i>kat</i> , <i>kım</i> 'кровь' [СРДС 2005: 35]
5	мускул	кет. <i>karoš</i> 'мускул' [СРДС 2005: 39];
6	мясо, тело	О. <i>wač</i> , <i>wads</i> , N 'мясо', 'тело'; <i>watj</i> , МО.; <i>wattje</i> , К.; <i>wottje</i> , <i>wattje</i> , NP.; <i>watjeä</i> , <i>wuatjeä</i> , Tsch.; <i>watje</i> , ОО.; <i>wuetj</i> , Tas., Кар. 'мясо', 'тело' [Castrén 1960: 26-27]; кет. <i>βad</i> , <i>βəd</i> , <i>βatt'a</i> , <i>βat't'i</i> ; тым. <i>βaž'er</i> ; об. Ш, Ч, вас., тым. <i>βaž</i> 'мясо', 'тело' [СРДС 2005: 22]; О. <i>wuetj</i> , В. 'мясо', 'тело' [Castrén 1960: 26-27]; ел. <i>m'eč</i> , <i>meč</i> ; тур. <i>mäč'i</i> , <i>mıč'i</i> 'мясо' [СРДС 2005: 125]
7	пот	кет. <i>n'eldud'e</i> 'пот' [Алатало 1998: 124]; об. С <i>n'el'd</i> , <i>n'al'd'edä</i> , об. Ч <i>n'el'ž</i> , <i>nel'ž</i> , вас. <i>n'al'd'e</i> , <i>n'al'ž'e</i> 'пот' [СРДС 2005: 146]
8	скелет	1) об. С <i>qunlankot</i> , <i>qunlankots</i> , <i>lankot</i> , <i>qunlankots</i> ; 2) ел. <i>lajmı</i> 'скелет'; 3) об. Ч <i>liβad</i> , <i>liβaž</i> 'тело (кости)' [СРДС 2005: 100]
9	сухожилие	таз. <i>tıni</i> 'сухожилие' [Erdélyi 1969: 269]; кет. <i>čen</i> 'жила' [Алатало 1998: 96]; об. С <i>čan</i> , <i>čən</i> , <i>č'an</i> , тым. <i>čat</i> , кет. <i>čän</i> , <i>č'on</i> , об. Ч <i>čın</i> , вас. <i>čət</i> , <i>čəttə</i> , кет. <i>čön</i> , об. Ч, тым. <i>čət</i> , <i>čıt</i> 'жила', 'сухожилие' [СРДС 2005: 278]
10	тело, туловище	О. <i>kab</i> N. 'тело без головы' [Castrén 1960: 42]; кет. <i>kepi</i> 'туловище', 'тело' [Erdélyi 1969: 90]; об. С <i>kap</i> , <i>qar</i> ; об. Ч <i>kab</i> ,

		<i>kabəd, kaβ, qaβ</i> ; об. Ш <i>qao</i> ‘тело’; кет. <i>keppa</i> ‘тело’, ‘туловище’; тур. <i>käpiti, kepiṭi</i> ‘туловище’ [СРДС 2005: 37]
11	хрящ	кет. <i>n’ir</i> ‘хрящ’ [Алатало 1998: 143]; кет. <i>n’ir</i> , об. С <i>nir</i> , об. Ш, вас. <i>n’er</i> , об. Ч, вас. <i>n’erre</i> ‘хрящ’ [СРДС 2005: 149]
Соматическая лексика области головы		
1	бровь, ресница, веко	1) об. Ч, вас. <i>ni, nudə</i> ‘бровь’ [СРДС 2005: 151]; 2) об. Ч, вас., тым. <i>χajtnu</i> ‘ресница’; об. Ч <i>sajnumd</i> ‘веко’; вас. <i>χainnu</i> , об. Ш <i>sajnu, sajnug</i> ‘бровь’; 3) ел. <i>sajn önzil, sajn ünditə</i> ; кет. <i>sajin ünžij, sajin inžal</i> ‘бровь’, ‘ресница’; 4) кет. <i>sajində tut, sajint tūdə</i> ‘бровь’, ‘ресница’; 5) об. Ш <i>sajpar, sajtpar</i> ‘бровь’; 6) об. Ш <i>sajtar</i> , таз. <i>sajtar (öpty)</i> ‘ресница’ [ОчСЯ 1980: 50]; 7) таз. <i>sajyn üntyl’ tar</i> ‘бровь’ [ОчСЯ 1980: 50]; 8) об. Ш <i>sajtkat</i> ‘веко’ [СРДС 2005: 206]; 9) таз. <i>sajyn qanyk</i> ‘веко’ [ОчСЯ 1980: 50]; 10) ел. <i>sajndə qal’d</i> ‘веко’ [СРДС 2005: 206]. <i>Верхнее веко</i> : об. Ч <i>jnneqəl χajt ni</i> ‘верхнее веко’ [СРДС 2005: 306]; таз. <i>sajyn qotra</i> ‘верхнее веко’ [ОчСЯ 1980: 50]. <i>Нижнее веко</i> : об. Ч <i>ill’eqəl χajt ni</i> ‘нижнее веко’ [СРДС 2005: 306]; таз. <i>sajyn topy</i> ‘нижнее веко’ [ОчСЯ 1980: 50].
2	волосы	1) О. <i>opt, N.</i> ; <i>optte, K.</i> ‘(конский) волос’; <i>opte, OO.</i> , Tsch., Jel., B., Tas.; <i>optä, Tsch.</i> ; <i>upte, Kar.</i> ‘человеческий волос’ (Castrén, 1855:231); Turuchansk. <i>ūto</i> , Am Tas. <i>obt</i> , Tomsk. <i>apt, Narym. apte</i> , Tымische. <i>apte</i> ‘волос’ [Donner 1932: 39-41]; таз. <i>opti, öpti</i> ‘волосок’ [Erdélyi 1969: 169]; об., вас., тым. <i>opt, optə</i> ‘волос’ [СРДС 2005: 64]; 2) О. <i>tuja, K.</i> ; <i>tuija, NP.</i> ‘человеческий волос’ [Castrén 1855: 231]; кет. <i>tūjja</i> ‘волос’ [Алатало 1998: 87]; кет. <i>tujja, tūja</i> ‘волос’, ‘шерсть’, <i>tüβ, tüβu</i> ‘волос’ [СРДС 2005: 64]; 3) О. <i>kaž, MO.</i> ‘человеческий волос’ [Castrén 1855: 231]; об. Ч <i>qaž, qāžə, qač</i> , тым. <i>qāč, qəč</i> , вас. <i>qaž</i> ‘волос’ [СРДС 2005: 64]; 4) кет. <i>tar</i> ‘волос’ [Алатало 1998: 87]
3	глаз	О. <i>χai, N.</i> ; <i>sai, K.</i> , Jel., B., Tas., Kar.; <i>sei, Tsch.</i> , OO.; <i>saiji, NP.</i> ‘глаз’ [Castrén 1855: 201]; Turuchansk. <i>sei</i> , Am Tas. <i>sai</i> , Tomsk. <i>sai</i> , Narym. <i>sai</i> , Ket. <i>sai</i> , Tымische. <i>sai</i> ‘глаз’ [Donner 1932: 36-38]; таз. <i>saji, saj, χaji</i> ‘глаз’ [Erdélyi 1969: 200]; кет. <i>sajji</i> ‘глаз’ [Алатало 1998: 89]; об. Ч, вас. <i>χaj, χajop</i> ; об. кет., ел., тур. <i>saj</i> ; об. С, Ч, тым., вас. <i>s’ej</i> ; об. С, Ч, тым. <i>sej</i> ; кет. <i>sajja, sajji, sajje</i> ; об., кет., тур. <i>sajji</i> ; тым. <i>sāj, sājop</i> [СРДС 2005: 206]
4	глазное яблоко	об. Ч <i>χajt pö</i> ‘глазное яблоко’ [СРДС 2005: 268]
5	голова	кет. <i>ollj</i> ‘голова’ [Алатало 1998: 90]; об., кет., вас., тым., тур.

		<i>ol, ōl, olə, ōlə</i> ; кет. <i>ollj</i> ; ел. <i>ol', ōlə</i> ; об. С, ел. <i>ul</i> 'голова' [СРДС 2005: 167, 259]
6	губа	О. <i>ātop, ātup</i> , N.; <i>ān tōb</i> , МО.; <i>agan tuob</i> , Tsch.; <i>ākte-tom</i> , Tas.; <i>āt-top</i> , Кар. 'губа' [Castrén 1855: 248]; кет. <i>ān</i> 'губы' [Алатало 1988: 91]; об. Ш <i>akka, āktōp</i> ; об. С <i>āŋtop</i> 'губа' [СРДС 2005: 13]
7	затылочная кость	1) кет. <i>n'ittel' lə</i> ; 2) об. С <i>sumbagə lj</i> 'затылочная кость' [СРДС 2005: 149]
8	зрачок	1) об. Ш <i>sajtsajg</i> ; 2) ел. <i>sajput'it</i> ; 3) об. Ч <i>χajitkβa</i> 'зрачок' [СРДС 2005: 206] 4) таз. <i>sajyt pü</i> 'зрачок' [ОчСЯ 1980:50]
9	зуб	О. <i>čeu</i> , Tsch.; <i>tiu</i> , К.; <i>tim</i> , Jel. В., Tas., Кар. [Castrén 1855: 305]; таз. <i>timj</i> 'зуб', 'клык' [Erdélyi 1969: 266]; кет. <i>t'ibβi</i> 'зуб' [Алатало 1998: 99]; кет. <i>t'ibβa</i> , вас. <i>tibelaga</i> , кет. <i>tibβə</i> , кет., вас. <i>tibə</i> , тур. <i>t'imj</i> , вас. <i>tiu, tιβ</i> , об. С, кет. <i>tibə</i> , об. С, Ш <i>teβ</i> , тым. <i>temmə</i> , об. С <i>tə, təu</i> 'зуб' [СРДС 2005: 237]
10	лицо	О. <i>wand</i> , N.; <i>wandda</i> , К.; <i>wanže</i> , Tsch.; <i>wandi</i> , NP.; <i>wuend</i> , Tas., Кар. 'лицо' [Castrén 1855: 228]; таз. <i>wentj</i> 'лицо' [Erdélyi 1969: 294; кет. <i>βend'i</i> 'лицо' [Алатало 1998: 107]; об. Ш, Ч, тым. <i>βand, βandə</i> , тым. <i>βantj</i> , ел. <i>münd, mündə</i> , тур. <i>müntj</i> , ел. <i>münd'it</i> 'лицо' [СРДС 2005: 22]
11	лоб	О. <i>kat</i> , Кар., NP.; <i>kāt</i> , В., Tas. 'лоб' [Castrén 1855: 286; таз. <i>qāt, qat, qot</i> 'лоб' [Erdélyi 1969: 63]; кет. <i>qāt</i> 'лоб' [Алатало 1998: 107]; тур. <i>qβāt, qβoat</i> ; об. Ч, тым. <i>qat, qāt, qattə</i> ; ел. <i>qon</i> ; об. С <i>čažəkat, čantəkat</i> 'лоб' [СРДС 2005: 74]
12	мозг	О. <i>köü, küu</i> , N.; <i>küu</i> , К.; <i>küuŋ</i> , Tsch., ОО.; <i>küŋ</i> , NP.; <i>küm</i> , В., Tas., Кар. 'мозг' [Castrén 1855: 227]; кет. <i>qüβi, qüŋ</i> 'мозг' [Алатало 1998: 110]; об. Ш, Ч <i>köβ</i> , об. Ч <i>qöβ, qöu</i> , вас. <i>qöβə, qöβətə</i> , кет. <i>qü, qüβə, qüŋ, qiu</i> 'мозг' [СРДС 2005: 51]
13	мочка уха	тым. <i>qotn'ir</i> , ел. <i>qottop</i> 'мочка уха' [СРДС 2005: 94]
14	ноздря	1) ел. <i>indel't mü</i> 'ноздря' [СРДС 2005: 306] 2) об. Ш <i>pud'it šund</i> 'ноздря' [СРДС 2005: 196]
15	нос	1) О. <i>roc</i> , N.; <i>pöt</i> , МО.; <i>putte</i> , К., NP.; <i>putö</i> , Tsch.; <i>puto</i> , ОО. 'нос' [Castrén 1855: 255]; Turuchansk. <i>puia</i> , Narym. <i>puč</i> , Ket. <i>puč</i> , Tумische. <i>puč</i> 'нос' [Donner 1932: 42-44]; таз. Ту. <i>pučče</i> , Ке. <i>put't'e</i> 'нос' [Erdélyi 1969: 52, 196]; кет. <i>puttj</i> 'нос' [Алатало 1998: 114; об. Ш <i>pod'it, pož'it, pož'et, pud</i> , об. С, Ш <i>pod</i> , вас. <i>pot</i> , об. Ч <i>pož', puž', puže, puž'et, puč'it</i> , об. С <i>pud'it</i> , тым. <i>put</i> , кет. <i>put't'e, puč'č'at</i> , об. С, тым. <i>puč'</i> 'нос' [СРДС 2005: 190]; 2) О. <i>ynžel</i> , Jel., В., Tas.; <i>inžel</i> , Кар. 'нос' [Castrén 1855: 255]; Am Tas. <i>unžel</i> 'нос' [Donner 1932: 42-44]; таз. <i>intäl</i> 'нос' [Erdélyi 1969: 52, 196]; тур. <i>intə, inde</i> , ел. <i>inže, in'č'i</i> , тур., ел.

		<i>indel</i> 'нос' [СРДС 2005: 30]; 3) таз. <i>ukj, ūkj</i> 'нос' [Erdélyi 1969: 282]; об. Ш, кет., вас. <i>ug</i> ; ел., тур. <i>ugj</i> ; ел. <i>ūgij</i> ; кет., тым. <i>ūgə</i> ; об. С, тым. <i>ugə</i> ; об. С, вас., тым. <i>ūgət</i> ; об. С, Ч, ел. <i>ūk</i> 'нос' [СРДС 2005: 13]
16	носовая слизь	об. С, Ш <i>qod, qodə</i> ; об., тур., кет. <i>qot</i> ; кет. <i>qottj</i> 'сопли' [СРДС 2005: 86]
17	перносица	об. Ш <i>pud'it čənž, pud'itsajg</i> , тым. <i>puč'ičonž</i> 'переносица' [СРДС 2005: 196]
18	подбородок	О. <i>peptei</i> , К.; <i>peaptai</i> , ОО.; <i>pepti</i> , NP.; <i>peptel</i> , Jel., В., Tas., Кар. 'подбородок' [Castrén 1855: 240]; тур. <i>päptel'tj, päptel, peptə</i> , об. С <i>pätrajmj, p'atpaj</i> , ел. <i>p'ipte</i> 'подбородок' [СРДС 2005: 185]
19	рот	О. <i>ak, âk</i> , N., Jel., Kar.; <i>âη</i> , МО., К., NP., В., Tas.; <i>oaη</i> , Tschl.; <i>eaη</i> , ОО. 'рот' [Castrén 1855: 253]; Am Tas <i>akt</i> , Tomsk. <i>aηda</i> , Narym. <i>ak</i> , Ket. <i>aη</i> , Tymische. <i>ak</i> 'рот' [Donner 1932: 42-44, 70]; таз. <i>āk, āη, ak, aη, ok, oη</i> 'рот', [Erdélyi 1969: 16]; кет. <i>āη</i> 'рот' [Алатало 1998: 129]; об. Ш, Ч, кет., тым. <i>āk, aη</i> ; кет. <i>ang, āη</i> ; тур. <i>oglj, oktj</i> ; тур., ел. <i>okt</i> 'рот' [СРДС 2005: 13, 166]
20	свод черепа	об. С <i>olən par'i lj</i> 'свод черепа' [СРДС 2005: 167]
21	скулы	об. Ч <i>lijdə</i> 'скулы' [СРДС 2005: 119]
22	слезная жидкость	кет. <i>qajə</i> , об. С <i>qaj</i> ; об. Ш <i>sajət qaj, sajent kaj, sajn kaj</i> ; об. Ч <i>χait qaj</i> 'слеза' [СРДС 2005: 65]
23	слюнная жидкость	О. <i>üögot</i> , Tsch., ОО. 'слюна' [Castrén 1855: 282]; об. Ч <i>βel'qot, f'ilyo, χβēl'č'iqo</i> , вас. <i>fel'ekot</i> 'слюна' [СРДС 2005: 98]
24	темя, затылок	1) таз. <i>pār, par</i> 'макушка' [Erdélyi 1969: 177]; кет. <i>pald'ij pār'i</i> 'макушка', 'темя' [Алатало 1998: 109]; об., вас. <i>par, pār</i> ; кет. <i>par'i, parə</i> ; об. Ч, тым., тур. <i>parj, parə</i> ; тур. <i>pört, poarj, poarim, puorum, pörjti</i> 'затылок'; об. Ш <i>pal'də par</i> , вас. <i>pārlaga</i> , 'макушка'; ел. <i>emb'ipör</i> 'макушка' [СРДС 2005: 180]; 2) О. <i>suk</i> , В., Tas.; <i>suη</i> , Кар. 'затылок' [Castrén 1855: 254]; таз. <i>šuk</i> 'затылок' [Erdélyi 1969: 223]; кет. <i>sumba</i> 'темя', 'затылок'; об. С <i>subba</i> , об. С, кет. <i>sumba, sümba, sumbajpārə</i> 'темя', 'затылок'; тур. <i>sükt</i> , ел. <i>sükt</i> 'затылок' [СРДС 2005: 216]; 3) О. <i>nug, nog</i> , N.; <i>nuga</i> , Tsch.; <i>nukka</i> , К.; <i>nukku</i> , NP. 'затылок' [Castrén 1855: 254]; кет. <i>nukku</i> 'затылок' [Алатало 1998: 98]
25	усы, борода	О. <i>und</i> , N.; <i>unde</i> , Jel., В., Kar.; <i>umd</i> , МО.; <i>umdde</i> , К.; <i>umde</i> , ОО., NP. 'борода' [Castrén 1855: 203]; Turuchansk. <i>unde</i> , Ket. <i>unde</i> , Tymische. <i>unde</i> 'борода' [Donner 1932: 36-38]; кет. <i>umdj</i> 'борода' [Алатало 1998: 84]; об., кет., вас. <i>umd, umdə</i> , об. Ч, тым. <i>omdə</i> , об. Ч, тым., тур. <i>und</i> , ел., тур. <i>undj</i> , вас. <i>unt</i> , тым. <i>undjl' ūg</i> , об. Ч <i>undədaba</i> 'борода', 'усы', ел. <i>und'i p'eptej</i> 'борода' [СРДС 2005: 163]
26	ухо	О. <i>ko</i> , N.; <i>kuo</i> , Tschl.; <i>ku</i> , Jel., В., Kar. 'ухо' [Castrén 1855: 258]; Turuchansk. <i>kuo</i> , Tomsk. <i>kuo</i> , Narym. <i>ka</i> , Ket. <i>ko</i> , Tymische. <i>ko</i>

		‘ухо’ [Donner 1932: 42-44]; таз. <i>kō, qo</i> ‘ухо’ [Erdélyi 1969: 97, 289]; кет. <i>qō</i> ‘ухо’ [Алатало 1998: 142]; об., вас., кет., ел., тур. <i>qo</i> , тур. <i>qotj</i> ‘ухо’ [СРДС 2005: 85, 94]
27	челюсть	кет. <i>āqqi</i> ‘челюсть’ [Алатало 1998: 144]; кет. <i>āqq’i</i> ‘челюсть’; тым. <i>akkəl lj</i> ‘челюсть’ [СРДС 2005: 13]
28	череп	кет. <i>ūjjj lə</i> ‘череп’ [Алатало 1998: 144]
29	щека	О. <i>pudal</i> , N.; <i>pudöl</i> , Tsch., ОО.; <i>putal</i> , NP.; <i>putel</i> , Jel., В., Tas., Kar ‘щека’ [Castrén 1855: 300]; Narym. <i>pudal</i> , Ket. <i>pudal</i> , Tymische. <i>pudal</i> ‘щека’ [Donner 1932: 45-47]; таз. <i>puṭila</i> ‘щека’ [Erdélyi 1969: 197]; кет. <i>pūdjl</i> ‘щеки’ [Алатало 1998: 146]; об. Ш <i>pudəl</i> , об. Ч <i>pudəlž</i> , ел. <i>put’i</i> ‘щека’ [СРДС 2005: 196-197]
30	язык	О. <i>se</i> , N.; <i>sie</i> , Tschl., МО.; <i>s’i</i> , В., Kar.; <i>s’e</i> , Jel., Tas. ‘язык’ [Castrén 1855: 307]; Turuchansk. <i>sioro</i> , Am Tas. <i>šet</i> , Tomsk. <i>siee</i> , Narym. <i>še</i> , Ket. <i>se</i> , Tymische. <i>še</i> ‘язык’ [Donner 1932: 48-50]; таз. <i>še, se</i> ‘язык’ [Erdélyi 1969: 218]; кет. <i>s’ē</i> ‘язык’ [Алатало 1998: 147]; кет. <i>sä</i> , об. С <i>s’e</i> , ел. <i>s’ej, s’ejtj, sej</i> , об.С, кет. <i>se, sē</i> , об. Ш, Ч, вас., тым. <i>šē</i> , тым. <i>š’ē, šej</i> , об.Ч <i>šey</i> ‘язык’ [СРДС 2005: 209, 301]
Соматическая лексика области шеи и туловища		
1	вульва	вас. <i>pē</i> , об. С <i>pīt, p’iet</i> ‘вульва’ [СРДС 2005: 200]
2	выступ гортани	кет. <i>kukkoj</i> ‘кадык’ [Алатало 1998: 101]; вас. <i>kokkol</i> , кет. <i>kukkoj</i> ; ел. <i>qeqir</i> ; ел. <i>kigor, kigir</i> ‘кадык’ [СРДС 2005: 46]
3	глотка	О. <i>hoi</i> , N.; <i>soi</i> , K., NP.; <i>suoi</i> , ОО., Tsch.; <i>suol</i> , В., Tas.; <i>sul</i> , Kar. ‘горло’ [Castrén 1855: 240]; кет. <i>sōj</i> ‘горло’ [Алатало 1998: 91, 146]; об., кет., ел. <i>soj</i> , тур. <i>solt, sol’</i> ; кет. <i>sōl’d’i</i> ; об. Ч <i>hoj, hol’</i> , вас. <i>hol, hol’, hol’d’e, holl</i> ; об. Ч, вас. <i>ol’</i> ‘горло’ [СРДС 2005: 212, 270]
4	грудная клетка	О. <i>kyl, kyln-ol</i> , В.; <i>kyle</i> , NP. ‘грудь’ [Castrén 1855: 210]; таз. <i>kijl</i> ‘грудь’ (Erdélyi, 1969:95); кет. <i>kijl</i> ‘грудь’ [Алатало 1998: 91]; об. Ш, Ч, кет., тым. <i>kil</i> , об. Ш, Ч <i>kilnol</i> , кет., тур. <i>kijl</i> , кет. <i>kilanol, kilanol’ lə</i> об., кет. <i>qilə</i> , ел. <i>qil’a</i> ‘грудь’ [СРДС 2005: 58, 105-106]
5	живот, желудок	1) К., Tsch., ОО <i>nanžj</i> ; В., Tas <i>nänž</i> ‘желудок’; Kar. <i>nand (nanž)</i> ‘желудок’ [Castrén 1855: 138]; am Tas. <i>nänži</i> ; Narym. <i>nändže</i> ; Ket. <i>nändže</i> ; Tymische. <i>nändže</i> ; Tomsk. <i>nandžöll</i> ‘живот’ [Donner 1932: 36-38]; таз. <i>nantj, nāntj</i> ‘брюхо’ [Erdélyi 1969: 149]; sk (Pr) <i>nantj</i> ‘желудок’, ‘живот’ [Janhunen 1977: 20]; <i>nänžj</i> ‘живот’ [Алатало 1998: 96]; об. Ш, кет. <i>nanžə</i> ; об. Ч, кет., вас., тым. <i>nanž</i> ‘живот’ [СРДС 2005: 141]; 2) об. С, вас. <i>nāžə</i> ‘живот’ [СРДС 2005: 141]; 3) таз. <i>perqj: pärqj, perqj</i> ‘брюхо’ [Erdélyi 1969: 180]; <i>perqj</i> ,

		<p><i>pärqi</i> ‘живот’ [Janhunen 1977: 122]; кет. <i>pergi</i> ‘живот’ [Алатало 1998: 96]; об. Ч, вас., тур. <i>pärgä</i>; об. Ш <i>päräg</i>, <i>p’erge</i>; кет., вас. <i>pärräge</i>, <i>pärräk</i>; вас. <i>päriḱ</i>; тым. <i>päriḱ’a</i>; тым., ел. <i>p’erg</i>; кет. <i>pergel’</i>, <i>perke</i>, <i>perägä</i>; об. С, кет. <i>pergä</i>; об. Ш, тур. <i>p’arg</i>; об. Ч <i>p’arge</i> ‘живот’, ‘желудок’, ‘брюхо (рыбье)’ [СРДС 2005: 185];</p> <p>4) таз. <i>puti</i>, <i>pūti</i> ‘нутро (глубь, глубина, гуща, чаща, недра)’ [Erdélyi 1969: 196]; об. Ш, Ч, тым. <i>pūž’</i>; об. С, вас. <i>pūž’ä</i>; об. Ч <i>pužäd</i>; кет. <i>puča</i>; тур. <i>putitā</i>; тур., ел. <i>pūti</i> ‘живот’, ‘желудок’ [СРДС 2005: 197, 198];</p> <p>5) об. С <i>söd’d’i</i>, <i>süd’i</i>, <i>süd’d’e</i>, <i>s’utd’e</i>, <i>sün’t</i>, <i>sün’t’</i>, <i>sent’e</i>, <i>s’utd’e</i>; об. Ч, тым., тур. <i>šun’ž’</i>, <i>šun’ž’e</i>; кет. <i>sünd’</i>, <i>sün’d’i</i>; вас., тым. <i>šund’e</i>; тым. <i>šunž</i>, <i>šend</i>, <i>šent’</i>, <i>šent’</i>; ел. <i>šun’d’</i> ‘нутро’, ‘внутренность’ [СРДС 2005: 215]</p>
6	желчный пузырь	об. Ч <i>radit koža</i> ‘желчный пузырь’ [СРДС 2005: 176]
7	желчь	О. <i>pad</i> , N.; <i>patte</i> , K., NP.; <i>pače</i> , Tsch.; <i>pač</i> , OO.; <i>pate</i> , B., Tas., Kar. ‘желчь’ [Castrén 1855: 225]; таз. <i>paṭi</i> ‘желчь’ [Erdélyi 1969: 179]; кет. <i>paṭi</i> ‘желчь’ [Алатало 1998: 95]; об. Ч, тым. <i>pad</i> , <i>pade</i> ‘желчь’, ‘зеленый’; об. С <i>radit</i> , тур. <i>pat</i> , <i>paṭik</i> , ел. <i>paṭit</i> , <i>paṭitā</i> ‘желчь’, ‘желток’ [СРДС 2005: 176, 182]
8	заднепроходной канал	об. Ч <i>čib’eqəl q’ad</i> ‘заднепроходной канал’ [СРДС 2005: 284]
9	кал	кет. <i>t’ut</i> ‘кал’ (Алатало, 1998:90); об. С <i>t’udā</i> , <i>t’ut</i> ‘нечистоты’, ‘кал’, ‘навоз’ [СРДС 2005: 252]
10	кишечник	<p>1) О. <i>kād</i>, N.; <i>käte</i>, OO.; <i>kät</i>, B.; <i>kättu</i>, K., NP.; <i>kätä</i>, Tschl.; <i>kete</i>, Tas.; <i>ket’</i>, Kar. ‘кишки’ [Castrén 1855: 211]; таз. <i>keti</i> ‘кишки’ [Erdélyi 1969: 87]; кет. <i>k’ettu</i> ‘кишка’ [Алатало 1998: 102]; кет. <i>k’ettu</i>; ел. <i>k’etā</i>; тур. <i>kēti</i>; об. Ч, вас. <i>k’ad</i>; вас. <i>qaḡa</i>, <i>qadā</i>; об. Ш <i>k’at</i>; об. С <i>qād</i>; тым. <i>qät</i> ‘кишка’ [СРДС 2005: 43];</p> <p>2) об. Ч, вас., тым. <i>čermā</i>, <i>čērmā</i> ‘кишка’ [СРДС 2005: 289]</p>
11	легкие	<p>1) О. <i>pūka</i>, B., Tas.; <i>pūke</i>, Kar. ‘легкие’ (Castrén, 1855:249); тур. <i>pūga</i>; об. Ч <i>pugā</i> ‘легкие’ [СРДС 2005: 196];</p> <p>2) таз. <i>piḱsä</i>, <i>pissä</i> ‘легкие’ [Erdélyi 1969: 188]; кет. <i>ḱissa</i> ‘легкие’ [Алатало 1998: 107]; ел. <i>piḱs’e</i>; кет. <i>ḱissa</i> ‘легкие’ [СРДС 2005: 200, 307];</p> <p>3) О. <i>tümäktä</i>, K.; <i>tümiekt</i>, NP. ‘легкие’ [Castrén 1855: 249]; samojedisch. <i>tiwak</i> ‘легкие’ [Donner 1932: 71]; кет. <i>tüj m’ektḱi</i> ‘легкие’ [Алатало 1998: 107]; кет. <i>tü’i mektā</i> ‘легкие’ [СРДС 2005: 245];</p> <p>4) ел. <i>s’ebijm</i> ‘легкие’ [СРДС 2005: 210]</p>
12	матка	об. Ш <i>čorok</i> ‘матка’ [СРДС 2005: 286]
13	молочная железа, молоко	об. Ч <i>näbā</i> , <i>n’afḱ</i> , об. <i>n’eps</i> , <i>n’epsḱ</i> , <i>n’epsā</i> , вас. <i>n’efā</i> , об. Ч <i>n’afā</i> , <i>n’er</i> вас. <i>naf</i> , <i>nafā</i> , об. С, кет., тур. <i>n’ips</i> , <i>n’ipsḱ</i> , кет. <i>n’upsḱ</i> , ел. <i>n’imete</i> ‘грудь (молочная железа)’, ‘женское молоко’ [СРДС

		2005: 143]
14	моча	кет. <i>qüssi</i> [Алатало 1998: 29]; ел. <i>küs'</i> ; кет. <i>küssi, qüsse</i> ; об. Ш, Ч <i>köz, köža, küž</i> ; об. Ч <i>qöž, qöž'a</i> ; тур. <i>kuş</i> 'моча' [СРДС 2005: 56]
15	мочевой пузырь	кет. <i>qüzışsan, qüzipsan</i> 'мочевой пузырь' [Алатало 1998: 110]; об. Ш, Ч <i>küžäl koža</i> 'мочевой пузырь' [СРДС 2005: 56]
16	мошонка	об., кет., вас., тым. <i>n'ab'i</i> 'яйцо', 'мошонка' [СРДС 2005: 159]
17	мужские половые органы	вас. <i>qoptır</i> , об. Ч <i>qoptar</i> 'мужские половые органы' [СРДС 2005: 91]
18	пенис	об. Ш, Ч <i>man</i> , кет. <i>mannə</i> 'пенис' [СРДС 2005: 123]
19	печень	О. <i>myd</i> , N.; <i>mide</i> , K., NP., OO., B.; <i>mydä</i> , Tschl.; <i>mid</i> , Jel., Kar.; <i>mite</i> , Tas. 'печень' [Castrén 1855: 246]; <i>mijti</i> 'печень' [Erdélyi 1969: 140]; <i>mydu</i> [Алатало 1998: 120]; об. Ш <i>mijt</i> ; об. Ч, кет. <i>mijdi</i> ; вас. <i>mijtə</i> 'печень' [СРДС 2005: 136]
20	пищевод	1) таз. <i>apsol'či</i> 'пищевод' [Erdélyi 1969: 21]; 2) об. Ш <i>apsit k'ad</i> 'пищевод' [СРДС 2005: 17]
21	почка	кет. <i>makkal</i> 'почка' [Алатало, 1998: 125]; кет. <i>maqəl</i> 'почка' [СРДС 2005: 122]
22	поясница	1) кет. <i>kündijmo</i> 'поясница' [Алатало 1998: 136, 125]; 2) вас. <i>t'ondəlmo</i> 'поясница' [СРДС 2005: 236]
23	пуп	О. K., NP. <i>süi</i> ; МО. <i>söi</i> ; Tsch. <i>sü</i> ; OO. <i>söu</i> ; N. <i>s'öl</i> ; B., Tas. <i>s'ön</i> ; Kar. <i>s'ün</i> [Castrén 1855: 254]; кет. <i>süj</i> [Алатало 1998: 127]; об. С <i>s'o'iga, san', süj, sülz'</i> ; кет. <i>sujangə, süjja</i> ; об. Ч <i>χ'ol'ž'</i> ; тым. <i>šöj, šöja, šölija, šöl'čermə</i> ; об. Ч, Ш, вас., тым. <i>šöl'</i> ; вас. <i>šöäl', šöul</i> 'пуп' [СРДС 2005: 191]
24	пуповина	<i>š'en'ilaka</i> [Пелих 1998: 30]
25	ребро	кет. <i>qödjl le</i> 'ребро' [Алатало 1998: 129]; об. С <i>köde</i> , тым. <i>qötəlli</i> 'ребро' [СРДС 2005: 85, 96-97]
26	сердце	тым. <i>siže</i> 'сердце' [Donner 1932: 26]; <i>sīt's'i</i> 'сердце' [Castrén 1960: 462]; Ту. <i>sīd</i> 'сердце' [Janhunen 1977: 139]; ТаU <i>sīče</i> , ТуM <i>sīd</i> , Ке. <i>sīd'e, siče</i> 'сердце' [Rédei, 1988, L. 5: 477]; <i>s'īdi</i> 'сердце' [Алатало 1998: 58]; кет. <i>s'id'e, s'itt'e</i> ; об. С <i>sīdja, sit', sedit, sed', sede, sec', s'ed', s'ez'</i> ; об. Ш <i>šīd'el, šid'imīd, šite, šid'e, š'id'el, š'id'</i> ; об. Ч <i>χ'iz', iz'e, iž'edə</i> ; тым. <i>siz'e, š'ič'</i> ; вас. <i>š'id'e, š'id', š'it'e</i> ; ел. <i>s'ič'a</i> ; тур. <i>sīč'i</i> 'сердце' [СРДС 2005: 27]
27	сосок (груди)	тым. <i>n'eban ug</i> , об. Ш <i>n'epsin ug</i> , кет. <i>n'ipsin ügə, n'epsin ug</i> 'сосок' [СРДС 2005: 143]
28	спина	О. <i>mog</i> , N.; <i>mok</i> , МО.; <i>mokka, mokkal</i> , K., NP.; <i>mogo, mogul</i> , Tsch., OO.; <i>mokal</i> , B., Kar., Tas.; <i>mokar, Jel.; mogor</i> , N.; <i>moger</i> , K.; <i>mokar</i> , NP.; <i>mokal</i> , B. Tas., Kar. [Castrén 1885: 265]; Tomsk. <i>mogoll</i> , Narym. <i>mogal</i> , Ket. <i>mogol</i> , Тумисхе. <i>mogal</i> 'спина' [Donner 1932: 42-43]; кет. <i>moqqi, moqqol</i> 'спина' [Алатало 1998: 136, 125]; кет. <i>moga, toka, mokka, mokki, mokkal</i> ; об. Ч, тым. <i>моу, ток</i> , тым. <i>моуо</i> , кет., тым. <i>моуə</i> , об. Ш <i>mogal</i> , об. С

		<i>mogul</i> , об. Ч, вас., тым., тур. <i>moğal</i> , об. Ш, вас. <i>moqə</i> ‘спина’ [СРДС 2005: 127]
29	шея	1) об. Ч <i>nogo</i> , об. Ш <i>nug</i> , об. С <i>nigo</i> , <i>nigu</i> ; об. Ш, кет., вас. <i>nuk</i> , <i>nukə</i> ‘шея’; 2) вас. <i>čāžanmə</i> ‘шея’ [СРДС 2005: 274]
30	щитовидная железа	об. Ч <i>χigətellaga</i> ‘щитовидная железа’ [СРДС 2005: 271]
Соматическая лексика области верхних и нижних конечностей		
1	бедренная кость	об. Ч <i>lökəl lī</i> ‘бедренная кость’ [СРДС 2005: 118]
2	безымянный палец	1) О. <i>nipketii-mun</i> ‘безымянный палец’ [Castrén 1855: 220]; 2) кет. <i>n’imgidi mīnī</i> ‘безымянный палец’ [Алатало 1998: 118]; об. С <i>nemgədi mun</i> , об. Ш <i>n’epkalq mun</i> , <i>nepkalk mun</i> , ‘безымянный палец’ [СРДС 2005: 156]
3	берцовая кость	1) об. Ч <i>tobət qbačel lī</i> [СРДС 2005: 240] 2) кет. <i>pīndoyəl’ le</i> [СРДС 2005: 200]
4	большой палец	1) кет. <i>βeryī mīnī</i> ‘большой палец’ [Алатало 1998: 118]; об. С <i>βaryə mun</i> , кет. <i>βərga mīna</i> ‘большой палец’ [СРДС 2005: 23]; 2) тым. <i>qayal</i> , <i>qayalə</i> ; об. Ч, вас. <i>qāyal</i> , <i>qayəl</i> , вас. <i>qaqal</i> , вас. <i>qāqal</i> ; об. Ш <i>qāgal mun</i> ; тым. <i>kagal’ mīn</i> , <i>qagal mun</i> ; вас. <i>qāyal munə</i> ; об. Ч <i>qayalt mun</i> ‘большой палец’, ‘сакр. могильная душа’ [СРДС 2005: 62]
5	голень ноги	кет. <i>tobīn mīr</i> ‘голень ноги’ (Алатало, 1998:90); об. Ш <i>tobīn önzəl</i> ; об. Ч <i>tobīt qβεž’</i> , <i>tobīt qβεč’</i> ‘голень ноги’ [СРДС 2005: 240]
6	икроножная мышца	О. <i>purož</i> , N.; <i>purož</i> , K.; <i>purruožī</i> , NP.; <i>puraž</i> , Jel., B.; <i>puražet</i> , Tas.; <i>puradet</i> , Tas.; <i>puradet</i> , Kar.; <i>paktur</i> , OO., Tsch. [Castrén 1885: 299]; кет. <i>purrož’i</i> ‘икра ноги’ [Алатало 1998: 100]; об. С <i>poroč</i> , <i>purožot</i> ‘икра ноги’ [СРДС 2005: 193]
7	кисть руки	тур. <i>kışutīt</i> ‘кисть руки’ [СРДС 2005: 59]
8	ключица	кет. <i>pāmet</i> , <i>pāmedij le</i> ‘ключица’ [Алатало 1998: 102]
9	коленный сустав	О. <i>pule</i> , B., Tas.; <i>pulhai</i> , N.; <i>pulsai</i> , K.; <i>pulsei</i> , Tsch., OO.; <i>pula saiji</i> , NP.; <i>pulsai</i> , Kar. ‘колено’ [Castrén 1855: 241]; таз. <i>pulī</i> ‘колено’ [Erdélyi 1969: 195]; кет. <i>pūlīssajji</i> ‘колено’ [Алатало 1998: 103]; об. Ш <i>pulsaj</i> , об. Ч <i>pulχaj</i> ‘колено’ [СРДС 2005: 197]
10	ладонь	1) кет. <i>pīnga</i> ‘ладонь’ [Алатало 1998: 106]; кет. <i>p’iingə</i> , <i>p’ingə</i> ‘ладонь’; 2) таз. <i>še</i> ‘ладонь’ [Erdélyi 1969: 218, 280]; об. Ш <i>odīt šē</i> , об. Ч <i>odəšše</i> , вас. <i>utət še</i> , <i>utonnə še</i> ‘ладонь’ [СРДС 2005: 165]
11	лодыжка	кет. <i>nīččal le</i> ‘лодыжка’ [Алатало 1998: 108]; кет. <i>nīččal’ lə</i> ‘лодыжка’ [СРДС 2005: 150]
12	локтевой сустав	1) О. <i>heñžat</i> , N.; <i>señžet</i> , MO.; <i>syñžät</i> , B., Tas.; <i>syñžet</i> , Jel.; <i>syñdel</i>

		<p>‘локоть’ [Castrén 1855: 214]; тур. <i>isenžet</i>, тым. <i>inžet</i>, об. С <i>šinžet</i>, об. Ш <i>sənžej</i>, об. Ч <i>χinž</i>, <i>χəŋže</i>, ел. <i>linditə</i> ‘локоть’ [СРДС 2005: 31];</p> <p>2) О. Кар., Тас.; <i>surget</i> ‘локоть’ [Castrén 1855: 214; кет. <i>surg’et</i> ‘локоть’ [Алатало 1998: 108];</p> <p>3) кет. <i>kolan</i>, <i>kollan</i> ‘локоть’ [СРДС 2005: 46]</p>
13	лопатки	<p>1) кет. <i>lappattul le</i> ‘лопатки’ [Алатало 1998: 108];</p> <p>2) об. Ш <i>šidla</i> ‘лопатки’ [СРДС 2005: 297]</p>
14	мизинец	<p>1) об. Ч <i>kiba mun</i>, <i>qibižo mīnom</i> ‘мизинец’ [СРДС 2005: 104];</p> <p>2) об. Ч <i>qal’inmun</i> ‘мизинец’ [СРДС 2005: 68];</p> <p>3) тым. <i>č’el’ka</i> ‘мизинец’ [СРДС 2005: 279]</p>
15	надколенник	<p>1) об. С <i>pulsejn pare li</i>; об. Ч <i>pulχajt kala</i> ‘коленная чашечка’ [СРДС 2005: 197]</p> <p>2) ел. <i>qungel’nə lē</i> ‘коленная кость’ [СРДС 2005: 99]</p>
16	нога	<p>О. N. <i>tob</i>, К. <i>toppa</i>; NP. <i>toppe</i>; Tsch. <i>toba</i>; ОО. <i>tobe</i>; В. <i>tobe</i>; Тас. <i>tope</i>; Кар. <i>tup</i> ‘нога’ [Castrén 1855: 225; Am Tas. <i>top</i>, <i>tobol</i>, Tomsk. <i>toboll</i>, Narym. <i>tapo</i>, Ket. <i>tapo</i>, Tymische. <i>tapo</i> ‘нога’ [Donner 1932: 39-41]; таз. <i>topi</i>, <i>tōpi</i> ‘нога’ [Erdélyi 1969: 273]; кет. <i>toppi</i> ‘нога’ [Алатало 1998: 114]; об., вас., тым. <i>tob</i>, <i>top</i>; об. С, тым. <i>toppə</i>; кет. <i>topi</i> ‘нога’ [СРДС 2005: 240, 241]</p>
17	ноготь	<p>О. <i>kad</i>, N.; <i>kat</i>, МО., Jel., В., Кар.; <i>katte</i>, NP., К.; <i>kade</i>, Tsch., ОО.; <i>kate</i>, Тас. [Castrén 1885: 221]; таз. <i>qatj</i> ‘ноготь’ [Erdélyi 1969: 64]; об. Ш <i>kad</i>, <i>kād</i>, кет. <i>kat</i>, <i>kattə</i>, <i>qattj</i>, об., кет. <i>qad</i>, вас. <i>qade</i>, <i>qatə</i>, тур. <i>qatj</i>, об. Ч, тым. <i>qadə</i>, об. С, Ш <i>qat</i>, тым. <i>qattü</i> ‘ноготь’</p>
18	палец	<p>О. <i>mun</i>, N.; <i>mune</i>, К., ОО., NP., Тас., В., Кар.; <i>munö</i>, NP ‘палец’ [Castrén 1855: 220]; Am Tas. <i>mun</i>, Tomsk. <i>munon</i>, Narym. <i>mun</i>, Ket. <i>mun</i>, Tymische. <i>mun</i> ‘палец’ [Donner 1932: 39-40]; кет. <i>mīni</i> ‘палец’ [Алатало 1998: 118]; об., вас., тым. <i>mun</i>, <i>mīn</i>, об. С, кет. <i>muna</i>, кет. <i>mīna</i>, тур. <i>munj</i> ‘палец’ [СРДС 2005: 133]</p>
19	плечевая кость	<p>1) кет. <i>qβoqi li</i>, <i>qβoŋi li</i>; об. Ч <i>qβatparəl li</i> ‘плечевая кость’;</p> <p>2) об. Ш <i>oditparit li</i> ‘плечевая кость’ [СРДС 2005: 165]</p>
20	пятка	<p>1) О. <i>moča</i>, N.; <i>mot</i>, МО.; <i>motte</i>, К., NP. ‘пятка’ [Castrén 1885: 219]; кет. <i>mottj</i> ‘пятка’ [Алатало 1998: 127]; об. С, вас. <i>mot’t’a</i>, тым. <i>močča</i> ‘пятка’;</p> <p>2) кет. <i>nīčča</i> ‘пятка’ [Алатало 1998: 127]; кет. <i>ničča</i>, <i>niča</i>, <i>ničča</i> ‘пятка’;</p> <p>3) О. <i>lakč’in</i>, В., Тас., Кар.; <i>lakč’en</i>, Тас. [Castrén 1885: 219]; таз. <i>l’akčit</i>, <i>l’akč’in</i> ‘пятка’ [Erdélyi 1969: 121]; ел. <i>laqč’ijt</i> ‘пятка’ [СРДС 2005: 113]</p>
21	рука	<p>О. <i>ud</i>, N.; <i>ut</i>, Jel., В., Тас., Кар.; <i>utte</i>, К., NP.; <i>utö</i>, Tschl.; <i>ude</i>, ОО. ‘рука’ [Castrén 1855: 232]; Narym. <i>utte</i>, Ket. <i>utte</i>, Tymische. <i>utte</i> ‘рука (от кисти до плеча)’ [Donner 1932: 36-38]; Am Tas. <i>utol</i>, Tomsk. <i>udol</i>, Narym. <i>uten-ol</i>, Ket. <i>uten-ol</i>, Tymische. <i>uten-</i></p>

		<i>ol</i> ‘рука (кисть руки)’ [Donner 1932: 39-40]; <i>utj</i> ‘рука’ [Erdélyi 1969: 286]; <i>uttj</i> ‘рука’ [Алатало 1998: 130]; об., тым. <i>od, ōdā</i> ; об. Ч <i>odol</i> ; об. Ш, Ч, тым. <i>ot</i> ; об. С, кет., вас., тым. <i>ut, utā</i> ; кет. <i>uttj</i> , тур. <i>ūtj</i> , ел. <i>utj</i> ‘рука’ [СРДС 2005: 164]
22	средний палец	1) О. <i>kor-mun</i> ; об. Ч <i>kormun, qorə mun</i> , вас. <i>qor mun</i> ‘средний палец’ [Castrén 1855: 220]; 2) кет. <i>ezj munj</i> ‘средний палец’ [Алатало 1998: 136]; 3) об. Ш <i>sajg’i mun</i> , об. Ч <i>šadəgudel mīnj</i> ‘средний палец’ [СРДС 2005: 206];
23	стопа ноги	1) тур. <i>topinoli</i> ‘стопа’ [СРДС 2005: 241]; : об. Ш <i>tobin ilžat, tobin ilšt</i> ‘стопа’ [СРДС 2005: 240]; 2) таз. <i>iltj, iltj, iltit</i> ‘ступня’ [Erdélyi 1969: 52]; кет. <i>ilžit</i> ‘ступня’ [Алатало 1998: 122]; об. Ч, тым. <i>alžat, alžet</i> , об. Ч <i>elžat</i> , тым. <i>elč’it</i> , об. С <i>ilč’it</i> , об. Ш, Ч, кет., вас. <i>ilž, ilžat, ilžət</i> , кет. <i>ülžit</i> , тым. <i>pönälžit</i> ‘ступня (ноги)’; 3) кет. <i>mjr</i> ‘ступня’ [СРДС 2005: 136]
24	указательный палец	1) О. <i>kanal-mun</i> ‘указательный палец’; 2) О. <i>nomal-mun</i> ‘указательный палец’; 3) О. <i>mumbelil-mun, mumbel-el-mun</i> ‘указательный палец’ [Castrén 1855: 220]; 4) кет. <i>eβij munj</i> ‘указательный палец’ [Алатало 1998: 141]; 5) об. Ш <i>adälžəmbəl mun</i> ‘указательный палец’ [СРДС 2005: 12]
25	ягодица, пах, бедро	1) кет. <i>metga, met’t’a</i> ‘ягодица’, ‘задняя часть’ [СРДС 2005: 138]; 2) таз. <i>tas</i> ‘ягодицы’ [Erdélyi 1969: 253]; кет. <i>tassen</i> ‘ягодицы’ [Алатало 1998: 96]; кет., тур. <i>pel’a, taslj</i> ‘ягодица’; об. С <i>tas, tasse, tassen</i> ‘ягодицы’, ‘ягодица’; об. Ш <i>taz’i</i> ; об. Ч <i>tay’i</i> ‘ягодицы’ [СРДС 2005: 201]; 3) тым. <i>p’elən βaž</i> , тур. <i>pel toasılaka</i> , кет., тур. <i>pel’a</i> ‘ягодица’; об. Ш, вас. <i>päl</i> ‘ягодица’, ‘пах’, ‘бедро’; тым. <i>p’eltaba</i> ‘пах’; об. Ч <i>p’al, p’aldə</i> ‘бедро’ [СРДС 2005: 186]; 4) кет. <i>lökkaj</i> ‘бедро’ [Алатало 1998: 82]; об. Ч <i>lök, l’ok</i> , кет. <i>lökku, l’okkj</i> ‘бедро’, ‘таз’ [СРДС 2005: 116]